

Татьяна Коростышевская

КИСЕЙНАЯ БАРЫШНЯ

ПРОЛОГ

Смерть была ей к лицу. Сейчас, заключенная в кристалл чистейшего льда, выглядела она богиней, беспорочной и идеально прекрасной. Ее обнаженное тело, мерцающее, белоснежное, скорее угадывалось в глубине, распущенные волосы поднимались ореолом вокруг плеч, будто хищные щупальца какого-то спрута.

— Непослушная девчонка, — сказал Крампус и поскреб ногтем лед, — гадкая, лживая тварь.

Эхо его слов прокатилось под сводами пещеры, заглушая прерывистые звуки капли и далекий рокот прибрежных волн.

— Вешний лед толст, да прост, осенний — тонок, да цепок...

Он неторопливо обошел кристалл, осматривая добычу со всех сторон.

— Тепло ли тебе, девица? — хихикнул, вернувшись на прежнее место. — Тепло ли тебе, красная? Или, может, скучно здесь одной? Ну ничего, ничего, подожди, проказница, скоро тебе подружек приведу, вот уж повеселитесь у меня.

Он потер ладони одну о другую и приложил их ко льду, будто пытаясь приласкать сквозь преграду женскую наготу.

— Три года — зима по лету, три года — лето по зиме, три года — само по себе.

Белесые безжизненные глаза девушки, широко открытые, смотрели за спину чудовища, туда, где вокруг седого от морской соли алтарного камня стояло еще восемь ледяных глыб.

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

в коей почти возрождается утраченное искусство проникновенного обморока, а некий сыскарь вытягивает короткую соломинку

У египетского военного губернатора жила, при дочери его Амнерисе, гувернанткой иностранка Аида. Амнериса была барышня белокурая, капризная, ветреная, она часто ссорилась со своею гувернанткою (действие 2-е, карт. 1-я) и ходила декольте.

Время близилось к полудню, когда у подъезда чародейского приказа остановилась карета с гербами. Дождь, не прекращавшийся с прошлого понедельника, утих, будто пережидая, пока по ступенькам к входу поднимется гостя, и сызнова зарядил, как только согбенная фигура ее скрылась за дверью. Ливрейные лакеи, сопровождавшие барыню, прикрыли парики и позументы огромными зонтами, отчего стали похожи на грибы.

— Подберезовики, — решила Евангелина Романовна, наблюдающая сии перемещения сквозь мутное от влаги стекло.

— Скорее, поганки, — не согласился с нею Эльдар Давидович.

Приказных сыскарей недавно определили в большую квадратную комнату на третьем этаже здания, и оба надворных советника в жаркой словесной баталии так и не смогли выяснить, кто из них достоин местечка у окна. Спор решил старший по званию — его высокородие Иван Иванович Зорин, распорядившись установить оба письменных стола боком к подоконнику, свое рабочее место определив в некотором отдалении от коллег, в неглубоком стенном алькове. Геля уже потом сообразила, что это-то место и есть самое выгодное, позволяющее контролировать как входную дверь, так и окно, не поворачиваясь всем телом, но менять что-то было поздно.

Зато сидеть присутственное время напротив Мамаева было нескучно, всегда можно было перекинуться парой-тройкой негромких слов или обменяться улыбками.

— Сами вы, сударь... — начала было Геля привычную перепалку, но передумала, сменив тему: — Обедать сегодня пойдем? Я бы от жареных грибов не отказалась. Тут в двух шагах ресторацию новую открыли, хозяин зазывал давеча, разносолы сулил господам чиновникам.

— Не дадут нам сегодня отобедать, — вздохнул подошедший к окну Зорин. — Попомнишь мое слово.

— У тебя какое-то чародейское чутье сработало?

— Иван Иванович, букашечка, в отличие от тебя не зонтами любовался, а гербы на карете рассмотрел, — хохотнул Мамаев. — Нас посетила сама сиятельная княгиня Кошкина...

— Букашечка? — воскликнула Евангелина Романовна. — Иван, ты это слышал? Штраф! Давай, Эльдар, раскошеливайся!

Она схватила со стола жестяную пивную кружку и энергично ею встряхнула. Раздалось дребезжание. Мамаев с комичным вздохом опустил в нее монетку.

— Довольна?

— Перфектно! — счастливо вздохнула девушка, затем, покраснев, добавила гривенник от себя.

Борьба с паразитными словечками подчиненных, затеянная главою приказа Семеном Аристарховичем Крестовским, была в самом разгаре.

— Так что там княгиня? — отставив кружку, спросила Геля. — И почему она нас пообедать не отпустит?

— Старенькая она, — пояснил Эльдар, — из дому почти никогда не выходит. И раз она в эдакую погоду решила к нас с визитом явиться, причина серьезная.

Слова Мамаева подтвердились в тот же миг — в дверь постучал один из младших чинов, чтобы проводить его высокородие Зорина в кабинет начальства.

— Никогда про даму сию не слыхала, — сказала Геля, когда Иван ушел.

— Это потому, что в газетах про нее не пишут. А так-то влиятельная особа, кавалер всех возможных для слабого полу орденов, вдова предыдущего канцлера и фактически глава семьи. Хотя от семьи там мало что осталось. Она да внучок беспутный.

— Погоди, — перебила его девушка. — Не князь ли это К., про которого третьего дня писали, что на

дуэли стрелялся из-за долга чести?

Эльдар кивнул.

— А еще некая дама, пожелавшая для прессы остаться инкогнито, в том месяце в управу на него жалобу подавала, — припоминала Геля. — А еще...

— Он, все он, — замахал руками Мамаев. — Князь Анатолий, им-то все газеты полны. Красавец-гусар, дуэлянт, повеса, игрок. Предположу, что дело, с которым к нам княгиня пожаловала, к нему касательство имеет. И еще, думаю, что...

Зонты внизу пришли в движение, сбив сыскаря с мысли.

— Она уезжает!

— Значит, либо нас с тобой сейчас к Крестовскому позовут, либо...

Семен Аристархович ворвался в кабинет волшебным вихрем. Весь он, от золотисто-рыжих волос до кончиков щегольских, вовсе не форменных, штиблет, излучал энергичную деловитость.

— Значит, так, сыскарики, — с порога начал он, — просыпаемся и начинаем думать.

Геля радостно начальству заулыбалась, затем погасила улыбку и придвинула к себе чистый лист бумаги, приготовившись записывать. Все вокруг были прекрасно осведомлены о ее отношениях с Семеном, но в присутственное время новоиспеченная парочка пыталась придерживаться рабочих правил.

Крестовский подождал, пока войдет Зорин, и, водрузив по центру ковра стул, уселся.

— Произошла в нашем Мокошь-граде пренеприятная история, — произнес он напевно.

— Непосредственно связанная с князем Кошкиным? — спросила Геля, черкнув на бумаге имя.

— Будешь перебивать, выгоню, — пообещало начальство.

Нисколько не испугавшись угроз, девушка нарисовала стрелку, отходящую от похожей на вензель «К» и кивнула шефу.

Тот сверкнул на нее синими глазищами, но продолжил:

— Княгиня Кошкина подготовила для своего внука выгодный династический брак с принцессой одной сопредельной державы. И, предвосхищая перечисление географических названий, Попович, какой именно из держав, для нас не важно. Важно другое, князь Анатолий, будучи не так давно увлечен некоей дамой, передал ей документы, этому браку могущие воспрепятствовать. Наша задача вернуть бумаги до того, как эта женщина придаст их огласке.

— Что за дама?

— Что за документ?

Геля и Эльдар спросили одновременно, и оба раздраженно поморщились.

— Дама — международная авантюристка, известная в столице под псевдонимом Лилит, исполнительницы экзотических танцев.

Геля хмыкнула, подумав про князя, что так по-глупому вляпаться может только человек недалекий.

— Настоящее имя Гертруда Зигг, — Крестовский хмыканье проигнорировал, — фризка, покинула Мокошь-град в конце вересня, о чем свидетельствует запись учетного ведомства. А документ...

Семен Аристархович обвел подчиненных тяжелым взглядом:

— Аффирмация!

— Какой дурак! — Мамаев, всплеснув руками. — Танцовщицу срочно искать надо.

— Это что-то чародейское? — пискнула Попович, закончившая пририсовывать к своей стрелке слово «Лилит». — Заклинание?

— Можно и так сказать, а можно иначе — фраза-ключ, позволяющая проникнуть в сознание другого человека. Конкретного человека.

— Что ж, у всех эти аффирмации есть или только у чародеев? Князь тоже не из простых?

— В чародейских списках Кошкин не значится, — пояснил Зорин.

— Он не чародей, — кивнул Семен. — И аффирмация, Попович, отнюдь не признак одаренности волшебной силой. Скорее древняя традиция. Берендий Четвертый ввел императорским указом обязательное аффирмирование всех аристократических родов, во избежание бунтов и измен.

— В принципе, — пояснил Геле Зорин, — ключики-заклинания к любому человеку подобрать можно. Только процесс уж больно трудоемкий, да и опасный для этого «любого». Не используем мы аффирмацию, знаем о ней, но не более того.

— А как действует? — Геля повернулась к Ивану Ивановичу, проигнорировав начальство. — Я имею в виду, достаточно ли нашей экзотической Гертруде эти слова запомнить и на рассвете в небо прокричать?

— Только чтение с листа. Начертание линий так же важно, как и звук.

Евангелина Романовна задумчиво стала что-то записывать на своем листочке.

— А расстояние важно?

Семен Аристархович блеснул глазами:

— Умница! Чем ближе, тем лучше. А это значит, что искать девицу нам не нужно, а нужно подождать, пока она к князю подбираться начнет.

— Так я бы на ее месте не спешила. Годков с десятков подождала бы, пока история пылью покроется и забудется, а там и попыталась бы использовать для барышей.

— А вот тут ошибка вышла. Свой рассказ я начал с династического брака. Есть силы разные, желающие ему помешать. И удар будет нанесен в самое ближайшее время. По крайней мере, старая княгиня в этом абсолютно уверена.

— А арестовать князя Анатоля для его же безопасности никак не возможно?

Семен с улыбкой покачал головой.

— Жаль, — решила Геля. — Тогда придется князя по очереди караулить. А это сложно.

— По очереди не получится. — Семен раскрыл ладонь, сжал на мгновение кулак, а когда разжал пальцы, в руке оказались три обыкновенные соломинки, одна из которых была явно короче. — Тянем жребий, господа сыскари, кто из вас отправится сегодня нести службу вдали от дома.

Соломинки вновь скрылись в ладони, наружу торчали лишь кончики их, причем одинаковой длины.

— Насколько вдали? — деловито осведомилась Евангелина Романовна.

Эльдар Давидович уже успел потянуть соломинку, но так как без сравнения о длине ее судить не мог, поторопил коллег.

— Руян, — выделяя вторую гласную, сказал Зорин и тоже потянул жребий. — Наимоднейший среди столичной аристократии курорт. У меня явно короткая.

Крестовский протянул Геле оставшуюся соломинку и кивнул Ивану:

— Что ж, поздравляю, ваше высокородие. Отправись на рассвете, поездом до побережья, там пересядешь на пароход. Попович, прекратите тарашиться, Руян — это остров в Хладном море, до него невозможно добраться по суше.

Евангелина Романовна состроила гримаску, долженствующую скрыть невероятное облегчение от того, что ехать придется не ей.

На море-окиане, да на острове Руяне... Нет уж, господа, лучше в сыром Мокошь-граде службу нести, с любимым начальником.

Уже поздним вечером, когда надворный советник Попович покинула стены приказа и затем следом за ней, переждав приличные четверть часа, из присутствия ушел Крестовский, Эльдар обратился к Зорину:

— Ох не нравится мне эта история.

— Особенно тот ее аспект, что перекинул нам свои заботы господин Брют, начальник тайной

канцелярии.

— Тебе побыстрее обернуться надобно, — решил Мамаев. — И с победой. Юлий Францевич явно под нас копает.

— Все сделаю, — спокойно пообещал Зорин. — Большое дело — авантюристку раскрыть да бумагу стребовать.

Иван Иванович тогда еще не знал, что скоро повстречает на своем жизненном пути барышню, которая превратит его дело в действительно большое.

«...Есть много привычек, которые вредят красоте. Не надо горбиться, много есть, читать в тусклом свете, щурясь от оного...»

Я подняла голову и откусила пирожок. Свет в спальне был тускл, а пирожки здешняя кухарка пекла преотменные. Бороться с вредными привычками буду завтра, вот именно что на рассвете и начну. Что там еще?

Истрепанные страницы переворачивались с неохотой, будто без уверенности, что прочла я их со вниманием. Ванны красоты, притирки и примочки...

«...Дородность, столь приветствующаяся в дамах прошлого, нынче является главным врагом красоты. Женщина должна быть тонкой».

От расстройства я схватила с блюда последний пирожок. Ну что за глупости, право слово. У нас, женщин, и без того жизнь не сахар, а уж впроголодь вовсе мрак и страдание.

Хотя зря я про всех без исключения женщин столь огульно. Вот, к примеру, драгоценнейшая моя кузина, Наталья Наумовна, одной росой, наверное, питается и сим счастлива. Зато по моде тонка.

Пред моим мысленным взором явилась сия персона, с длинным лицом и золотистыми локонами по бокам его уложенными. Не горбилась, наверное, ни разу в жизни и ночью не читала. Ежели совсем по чести, то она и светлым днем не особо книги жалует. Потому что...

Тут я пролистнула свой талмуд, отыскивая нужное место.

«Красивой женщине не пристало придаваться занятиям сугубо мужским, как то: труду, сидению над книгами, также плаванию и гребле, управлению повозкой либо участию в гонках. Полезны будут занятия эфирные: музицирование, исполнение романсов, лучше на французском наречии с милой картавостью».

Грассируя тихонько «сhère», я с тоской посмотрела на опустевшее блюдо. Что ж, Серафима, с этого самого мгновения ни единого пирожка, пирога либо бублика! А также баранки, расстегайчика, сочника или пышки. Блины и оладьи также под запретом.

Я поворотилась к окну, будто призывая в свидетели зарока большую ноздреватую луну, повисшую у самой кромки моря. От ночного светила ко мне бежала лунная дорожка.

А неплохо было бы сейчас оказаться там, ступить остроносими туфельками в серебро, так как бывает только во сне. Только вот без Маняши я этого абсолютно точно позволить себе не смогу, чтобы намечталась обувка по последней мокошь-градской моде да чтобы взмахнуть свободно подолом бального платья, расшитого жемчугами...

Я широко зевнула, прикрыв ладошкой рот. Не время дремать, совсем не время.

В коридоре затопотало, да так гулко, что даже лунная дорожка за окном, кажется, пошла рябью. А ведь в ней кто-то есть, в морской, совсем уже студеной водиче. Силуэт какой-то мерещится, вроде даже женский. Я вытянула шею, прищурилась, пытаюсь поймать этот морок взглядом.

— Уф. — Топот закончился у моей двери. — Думала уж на пристани почивать улягусь. — Маняша промаршировала к креслу и плюхнулась в него, закидывая за спину кисти шали. — Умаялась. Исстрадалась вся в думах, как там мое чадушко без меня.

Я хмыкнула, многозначительно кивнув на пустое блюдо:

— Чадушко тоже исстрадалось, пирожками вон думы зажевывало.

Маняша надула губы и сняла сначала шаль, а потом и плат, оставив на голове легкую льняную косынку. Нянька моя, хоть и была всего несколькими годами старше, успела не только сходить замуж, но и овдоветь. А вдовицам загорским простоволосыми ходить не положено. Особенно ежели

вдовица не абы кто, а при фамилии-прозвании. Подозреваю, что за своего Демьяна она только ради фамилии и пошла. Неёлова! Так себе слово, если начистоту. Неёлами в наших краях исстари неудачников кликали. Маняшин супругник, напившийся о прошлой зиме да угревшийся до смерти в сугробе, мудрость народную подтвердил. Только вот об навеки ушедших либо хорошо, либо ничего, так что я даже думать дальше о Демьяне Неелове не собиралась. Бог дал, Бог взял.

— Опять глаза портила? — Маняша наконец рассмотрела оставленный на подоконнике талмуд.

— А что делать-то без тебя было? — точно так же возмущенно вернула я вопрос. — Спать нельзя, а после еды меня завсегда на сон клонит.

— Так рукоделием бы отвлеклась! Вышивку вон с травеня закончить никак не можешь!

Я покраснела, закончиться мое творение могло со дня на день бесславной кончиной, ибо, что делать далее с переплетением скособоченных стежков и узелков, я попросту не представляла.

— Можно подумать, для вышивания глаз не нужно, — пробормотала уныло и перевела разговор: — Так какие новости? Не зря же ты путешествовала?

— Не зря. — Маняша не стала стыдить меня за криворукость. — Все, как ты велела, сделала. На пароходике до пристани, от нее рысью на почтайт. Погоди, рассупонюсь.

В процессе рассупонивания на столик легла свернутая трубкой газета и несколько почтовых конвертов.

— От батюшки весточка?

— Сама будто не посмотрела. — Я поддела краешек одного из конвертов ножом для бумаг.

— Я-то посмотрела, — с расстановкой сообщила Маняша, — только вот в приличном обществе принято такие вопросы задавать.

— От батюшки, — вздохнула я, вытряхивая на стол стопку банковских билетов и клочок бумаги с запиской, рукою Карпа Силыча Абызова самолично накорябанной.

— Пишет что? — Этот принятый в приличном обществе вопрос был задан вполне рассеянным тоном, ибо Маняша озвучила его, не отрываясь от пересчета денег.

— Жив, здоров, чего и мне желает, — грустно ответила я, наблюдая, как свежая наличность укрывается в окованном дубовом сундучке. — А также выражает надежду, что я фамилии Абызовых не посрамлю.

— Этого мы тебе никак позволить не можем, — кивнула Маняша, запирая сундучок и пряча ключик на своей дородной груди. — Я завтра к управляющему наведу, счета оплачу. Мымра-то свои бумаги поднесла?

Мымрой Маняша величала мою кузину Наталью Наумовну.

— Поднесла, — кивнула я. — Ты уж, будь любезна, попроси ее расходы сразу на мой счет писать, чтоб в будущем неприятных ситуаций не возникло.

Наталья Наумовна, в отличие от меня, парвеню, дама самая что ни на есть благородная, старинного дворянского рода Бобыниных, ей о презренном металле думать никак нельзя. Об этом Натали мне сообщила самым холодным тоном третьего дня, присовокупив сожаления о том, что согласилась сопровождать меня в курортных развлечениях, не подумав о последствиях сего решения. Я краснела, бледнела, но терпела ее упреки. Кузина мне нужна, ох как нужна. Без благородных родственников в моем деле никак не обойтись. Да и уроки французского, что изредка мне от нее перепадают, очень кстати.

Курортные развлечения! Мы сидели на острове с серпеня, вот уже третий месяц. И до недавнего времени кузина никакого неудовольствия не проявляла. Здесь было многолюдно, кипела жизнь, в павильоне каждый день играл оркестр и устраивались танцы. Мы с Натали блистали в местном обществе. Она, изящная блондинка, я — брюнетка, слишком яркая и пышная, чтоб быть изысканной. К счастью, мы оттеняли друг друга, привлекая взгляды. Кавалеры кружили вокруг нас будто бабочки вокруг цветов: офицеры, чиновники, парочка финансистов. К сожалению, никто из них мне не подходил.

— Рано приехали, — заключила Маняша к исходу третьей недели. — Я тут с обслугой поговорила, аристократы на Руян по осени слетаются. То есть сплываются. Сейчас время для рыбешки помельче.

— Но Наталья Наумовна, — пыталась я возразить, — другое мне говорила.

— Твоя Наумовна, — кривилась Маняша, — очень до денег алчна. Она за то, чтобы кто-нибудь ее капризы оплатил, и совет, недорого возьмет. Мыбра она, вот кто!

Я тогда Маняшу строго отчитала, а потом пришлось прощения у нее просить. Потому что права моя нянька оказалась. Не в то время мы здесь оказались. И чтоб выяснить это, многого не понадобилось, всего лишь посетить библиотеку да полистать подшивки местных газет.

Я тогда разозлилась на кухню до крайности, до того даже, что послание родителю сочинила покаянно-повинное. Так, мол, и так, написала, подвела тебя Серафима непутевая, до седых волос мне теперь в девках сидеть. Господин Абызов тогда ответил мне быстро и, по обыкновению, кратко. Велел никуда с Рюяна не отплывать, новостей ждать и его фамилию по возможности не позорить.

— Ну что там еще?

Слова няньки отвлекли меня от воспоминаний. Я принялась за другие письма. Они были из Мокошь-града, от двух незнакомых друг с другом человечков, коих нанял мне в помощь батюшка. Один служил в газете, судя по излишне цветистому слогу, в должности невеликой, навроде переписчика, а другой, немногословно-деловитый, имел дело с учетом приезжающих и отъезжающих.

Быстро пробежав глазами корреспонденцию, я зашуршала газетой.

— Дождались, Маняша!

— Кого?

— Его! — Я развернула к няньке газетный лист, с которого смотрел на Маняшу бравый гусар. — Сиятельный князь Кошкин!

— Экий, — обвела она кончиком пальца эполеты и уложенные волной волосы, — ладный. А он точно неженатый, с такими-то усиками?

— Точно, — кивнула я. — И теперь ненадолго.

— Глаз у него уж больно нахальный.

— Вот еще только глазами мы с тобой не перебирали, — фыркнула я. — Да с его титулом вообще никаких глаз не нужно!

— А можно других посмотреть?

— Бери, что дают! — от возмущения я даже руками всплеснула.

— Да кто же мне его даст? — расхохоталась нянька. — Ты, чадушко, совсем уж умом тронулась, как я погляжу. Да и с батюшкой твоим на пару! Где это видано с первым встречным под венец бежать. Да еще неизвестно, сам-то он захочет.

— Не захочет — заставлю. — Твердо сказала я. — Абызовы отступать не привыкли.

— Это уж точно, — согласилась Маняша. — Карп-то, батяня твой, завсегда наверх лез. Мне матушка сказывала, многие наши девки захомутать его хотели, как в возраст вошел. Да только он всем отлуп давал. Желая, говорил, дворянского роду супругу иметь. Он тогда только первый заводик обустроивал, так что многие пальцами у виска покручивали. А как Бобыниных дочку к алтарю повел, так крутить и перестали.

Я вздохнула. Маменьку свою мне было жалко. Батюшка женился без любви, а она... Ну не из-за денег же она за ним пошла, точно не из-за них. Ни людей не побоялась, ни молвы, ни проклятия родительского. Бобынины от нее тогда отреклись. Это сейчас у нас с ними что-то вроде перемирия, и то потому, что брат покойной матушки азартен больно, за десять лет все имения просадил, и, если бы не мы, Абызовы, да не наши капиталы... Ах, пустое. Никакие капиталы мне князя на блюдечке не принесут. Ну, то есть, только капиталы — нет, но помочь могут. Без денежек не было бы у меня ни соглядатаев в самом Мокошь-граде, ни кухни-приживалки, которая может меня пред сиятельные очи представить, ни одежек, в которых пред ними предстать незасорно, ни разумных книг, по которым науку соблазнения можно постичь. Подумаешь, князь! Он тоже, поди, мужик. А все мужики на женские прелести падки. А уж ежели к прелестям в комплекте коварство женское имеется, тут вообще ни у кого из сильного пола шансов устоять нет.

В возбуждении я подбежала к окну.

— Перво-наперво, любезная моя Маняша, отправимся мы с тобою с рассветом на пристань.

— И чего мы там в эдакую рань углядим? — фыркнула нянька. — Сколько его сиятельство бриолину

на макушку вылило?

Ворчала она для порядка, потому что и она и я знали: пойдет со мной и не пикнет.

— Ежели чтоб разузнать, с кем прибыл да куда селится, так на то болтунов местных без счета имеется. Пристань на западе, — быстро соображала я. — Значит, с утра солнышко прибывающим в глаза бить будет...

— Я вон и денежек монетками в порту наменяла, чтоб за информацию одаривать.

«Первое впечатление — самое важное. — Маняшу я не слушала совсем. — Кавалер должен меня не только увидеть, но и запомнить. Поэтому...»

— С утра я с управляющим рассчитаюсь, а ты тем временем заставишь мымру приветственное послание князю сочинить, как промеж ними, аристократами, принято.

Послание это само собой. Только вот к моменту визита нашего с драгоценнейшей Натальей Наумовной, предмет моего интереса уже знать меня должен. Потому что визитов у него будет что камешков на берегу, а я — единственная и неповторимая.

— Платье для прогулок! — перебила я няньку. — Подготовь его непременно.

— Которое?

Хм, а это вопрос. Платьев у меня несколько... несколько десятков. И это я сейчас только о прогулочных. Давайте поразмыслим, кого именно наш князь должен во мне завтра увидеть?

— Серое, узкокроеное, — наконец решила я. — К нему — палантин на меху и ботильоны. Да посмотри, чтобы каблук низкий был да носок не острый, а закругленный.

Маняша кивала, запоминая.

— Ты же сокрушалась давеча, что серое брюнеткам не к лицу, больно блеклое.

Я посмотрела на свое отражение в оконном стекле. Блеклость — именно то, что нужно. Нынче в моде девы болезненные да утонченные, так что большеотые брюнетки, да еще с лицом, с которого будто малиновое варенье ели, поскромнее быть должны.

Я подперла щеку изнутри кончиком языка. Родинка еще эта! Нет, кавалеры мне, конечно, разливаются соловьями про «роковую мушку в уголке рта», которую никто забыть не может, но меня она раздражает до невозможности. Может, запудрить?

Зевнув, я покачала головой.

— Давай-ка почивать, чадушко, — решительно сказала Маняша. — Утро вечера мудренее.

— А платье?

— Минутное дело. — Нянька взбивала подушку на моей стороне кровати. — В гардеробной — порядок, что на плацу солдатском, все по ранжиру, по фасону разобрано.

— И то правда. — Я скинула на пуфик шлафрок, оставшись в сорочке, и улеглась в постель.

Маняша погасила один за одним все светильники, оставив лишь крошечный ночник на прикроватной тумбе.

— Мне показалось, кто-то в море купается.

— Так то показалось, — донеслось из-за ширмы, где переодевалась нянька. — А кому кажется, тому креститься надо.

И я отошла ко сну под негромкое бормотание нянькиных молитв.

Небо было низким и хмурым, ветер — пронизывающим до костей, Маняша раздражала ворчанием, а ботильончики (мягкой на вид кожи) нещадно натирали ноги.

— Сама говорила, чтоб носочек круглый, — бормотала нянька, волоча по тропинке огромный брезентовый кофр. — Страдай теперь. И что за фантазии, столько вещей с собою на разведку...

— Давай помогу, — примирительно предложила я, хватаясь за свободную ручку поклажи.

— Вот еще. — Она дернула кофр к себе, споткнулась о кочку и едва устояла на ногах.

Мы пробирались тропками, что петляли меж вылизанных добела ветром и солнцем валунов.

— Давай, — удержала я одновременно и багаж, и посредством его свою наперсницу.

— Все у тебя, Серафима, не как у людей, — покачала Маняша головой. — Нет чтобы остороженько по набережной до пристани пройти...

— Все там пойдут!

— Да кто все?

Тут уж пришел мой черед сокрушаться:

— Сколько на часах в гостиной было, когда мы из апартаментов выходили? Пять! Неужели тебя не удивило, что в столь ранний час вся местная прислуга уже на ногах оказалась? И, заметь, не на кухне толпилась, чтоб господам кофе с круассанами в постели подавать, а утюги калила да горячую воду ведрами подтаскивала.

«Круассаны» я сказала в нос и картавя, даже самой, как прозвучало, понравилось.

— Бобынинская горничная еще на лестнице нам повстречалась. Как ее бишь? Лулу!

— Вот! — пропыхтела я, кофр оттягивал руку. — А Наталья Наумовна обычно до полудня почитать изволят. Хочешь об заклад побиться, что кухня моя аристократичная тоже выйдет на пристань кораблик с прекрасным принцем встречать?

В маленьком курортном обществе новости разлетались в мгновение ока. И в то время, когда мы с нянькой только читали столичную газету, многие наши соседи уже вовсю строили планы любви либо дружбы с сильным мира сего. А некоторых, и это я знала абсолютно точно, потянет на пристань простое человеческое любопытство. Потому что жизнь отдыхающего скучна и размеренна, особенно если не раскрасить ее флиртом либо интригой.

Маняша ставку делать отказалась. Уж не знаю, сколько жалованья ей батюшка за услуги положил, но ни одну свою копейку она мне уступать не желала. Я предложила сменить руки, и мы закружились на узкой тропинке, будто исполнив фигуру диковинного танца.

— Мне первой нужно быть, — сказала я задумчиво. — Первой и единственной.

Когда мы достигли цели, солнце уже взошло, я посмотрела на часики, прикрепленные к кушаку. Уже шесть. Рейсовый пароходик, если верить висящему у кабинета управляющего расписанию, прибудет через час, у меня есть время подготовиться.

— Здесь! — объявила я спутнице. — Ты иди, пожалуй, нашими делами займись.

Маняша окинула диспозицию пытливым взглядом. Мы очутились с нею на скальном выступе, нависающем над кромкой берега. Пристань и упирающаяся в нее прогулочная набережная были аршинах в семи ниже и гораздо правее.

— Мы еще когда на остров причаливали, — вспомнила нянька, — ты все на эту скалу смотрела да в ладоши хлопала.

— Мы как раз напротив нее последний вираж заложили, — кивнула я, — ну или не вираж, бог знает, как оно у моряков называется. Мне тогда еще подумалось, что на этом месте неплохо было бы знак какой памятный разместить, для услаждения взора прибывающих.

— Какой?

— Ну мало ли, статую прекрасной девы, к примеру. В каждой местности историй про прекрасных дев без счета. Ну вот еще третьего дня капитан в ресторации балладу пересказывал про ледяную принцессу, что...

Та сказка была не так чтобы очень приятной, я даже плечами передернула, вспомнив, чем там дело кончилось и решила не продолжать.

— Впрочем, не важно. Услаждать взор князя Анатоля сегодня будет никакая не статуя, а я.

Я расстегнула кофр, достала из него складной стул, плед, корзинку для пикников, скатерть и подозрную трубу, про которую тот самый давешний капитан божился, что она пиратская и добыта абордажем.

— С пароходика князь меня сперва не рассмотрит, — объяснил я замершей в удивлении няньке. — Солнце как раз в глаза прибывающим бьет.

Я раздвинула пиратскую трубку, приникла к окуляру. Море пока было чистым.

— Значит, привлечь его должен некий загадочный силуэт.

Я картинно подбоченилась и направила трубу к пристани. Там уже фланировали две самые нетерпеливые барышни. Обоих я мельком видела, сопровождающие прелестниц горничные семенили в отдалении. Простушки! Супротив силуэта девы в узком платье с подзорной пиратской трубой шансов у них нет!

— А потом у меня будет около двух минут, пока корабль будет бортом вдоль этого берега идти, и вот здесь...

Дальше план я не продумала. Ну что там обычно барышни делают, чтоб кавалера ободрить? Улыбнусь широко, глазками стрельну, трепета ресниц его сиятельство при всем желании без дополнительной оптики не рассмотрит, так что и так сойдет. Можно еще в подбострастный обморок брякнуться, будто бы будучи сраженной княжеской молодеческой красою. Но я решила этот козырь приберечь. Потому что, во-первых, практики в этих проникновенных обмороках не имела, изучив их по книгам, а во-вторых, проникновенный обморок хорош тогда, когда кавалер может даме немедленную помощь оказать. Я представила, как князь Кошкин при мундире сигает за борт, чтобы саженьками преодолеть разделяющую нас водную гладь с целью прижать меня к мокрой груди, и запахлась поплотнее в палантин, засунув пиратский трофей под мышку. Да и вообще, камни острые, оцарапаюсь еще. Нет-нет, лучше это делать в покоях, чтоб ковер мягонький на полу постелен был или, еще лучше, в шаге от дивана. Тогда князь Анатолий прижмет меня к вполне сухой и надушенной груди, а оцарапаться я смогу разве что его гусарскими эполетами. Манифик!

Маняша отобрала у меня трубу и теперь с интересом в нее смотрела.

— А вон и Наталья наша Наумовна с Лулой своею ковыляет! А разоделась-то! А не тот ли это капор, что я на прошлой неделе сыскать не смогла?

Я тоже приникла к окуляру:

— Надо было меня спросить, я сама его Натальи преподнесла.

— А платье?

— Хватит. — Я сложила трубу и взмахнула ею. — Ступай. Ты мне всю мизансцену своим присутствием портишь.

— Я могу вон за теми камнями спрятаться.

— А управляющий? Ему ранний визит нанести надобно, денежку заплатить.

Маняша еще немного потопталась, поворчала, затем все же отправилась исполнять поручение.

— Сама-то вещи обратно тащить не вздумай, здесь оставь. Я распоржусь в отеле, чтоб забрал кто.

— Не вздумаю, — пообещала я, устраиваясь с комфортом на стуле, закутываясь в плед и откидывая крышку корзины. — Я сейчас завтракать буду с превеликим удовольствием.

От пирожков к стылому небу поднимался ароматный парок.

Если и вспомнился мне некстати давешний сдобный зарок, то я быстро эту мысль думать перестала. Откушав и запив снедь обжигающим чаем, добытым из термоса, я вытерла губы салфеточкой и принялась ждать. Ветер крепчал, поднимая волны. До меня брызги не долетали, а вот публике, толпящейся внизу, приходилось несладко. Особенно Наталье Наумовне. Потому что наряд кузины, хорошо мне знакомый, осенней погоде соответствовал мало. Летнее платьишко было, легкое, муслин да кисея многослойная. Что ж она себя не бережет?

— Кыс, кыс...

Я обернулась. Из-за валуна мне махал какой-то мужик, будто сошедший с деревенской пасторали, огромный, белобрысый, в куртке толстого серого сукна, сапогах с раструбами и круглой шляпе с узкими полями — в таких предпочитали выезжать на охоту берендийские помещики.

— Кошку здесь не видали, барышня?

— Не видала!

Пароходик уже подходил к заливу, мне было видно его невооруженным глазом.

— Ступайте, любезный, — приказала я решительно, выбираясь из многослойности пледа.

— Котик здесь уж больно любопытный шастает, — проигнорировав просьбу, мужик обогнул валун и стал спускаться ко мне, разбрасывая сапожищами белесую гальку. — На камышового повадками похожий.

Я уже снимала палантин и укладывала его между камней, вместе с остальной поклажей и сложенным стулом. Сцена должна быть свободной.

— Может, вам нужна помощь?

— Еще один шаг, любезный, и я кричать буду! — ответила я весело и зло. — Убирайтесь!

Он нерешительно остановился.

— Но позвольте...

— Не позволю! Ума не приложу, как должен выглядеть камышовый кот, но, если это трехцветная бестия с бандитским выражением морды, то он за вашей спиной.

— У вас здесь пикник?

Он не обернулся, а зря. Потому что кот, размером с крупную охотничью собаку, сжался в комочек, явно с целью атаковать.

Я быстро вскинула к лицу подзорную трубу, в этот момент солнце выглянуло из-за низких серых туч.

— Ложись! — проорала я зычно, тряхнула головой, пустив по ветру копну распущенных волос.

За моей спиной, судя по звукам, кипела нешуточная битва. Кот визжал, как могут визжать только дерущиеся коты, мужик кряхтел и охал, я не отводила взгляда от пароходной палубы. Князь Кошкин, кажется, тоже о важности первого впечатления знал. Он стоял у борта подбоченясь и молодецкато подкручивая ус, эполеты сверкали, шнуры, коими в преизбытке был расшит его доломан, трепетали на ветру, кивер на голове держался как приколоченный.

Манифик, могла бы сказать я, но говорила вовсе другое, обращаясь к мужику за моей спиной:

— Что бы вы там с киской ни творили, лежите и не высовывайтесь, любезный. Тогда, обещаю, я не оставлю вас здесь на прокорм чайкам и камышовым котам, а, напротив, пришлю доктора...

Тут князь Кошкин меня заметил, я ощутила его взгляд всем телом, будто встретила грудью горячую морскую волну.

Я опустила трубу, кораблик как раз приблизился к берегу на максимально возможное расстояние. Князь приложил к губам руку в белой перчатке и помахал ею, посылая мне воздушный поцелуй.

Я в ответ присела в глубоком изящном реверансе, не забыв отбросить в сторону волосы.

С реверансом я погорячилась. Потому что сидеть в нем пришлось все время, пока пароходик с его сиятельством неторопливо пыхтел вдоль берега. А все, кто сживал в реверансах, знают, как нечеловечески приходится изгибать и напрягать конечности, чтоб достичь положенного по этикету изящества.

Пароход закончил разворот, но князь Анатолий, успевший перебежать на корму, продолжал размахивать конечностями и прожигать меня взглядами.

«Экий надоеда», — подумала я, и облегченно выдохнула, когда к его сиятельству подошел какой-то офицер и увел его с палубы.

Я, согнувшись, потеряла ладонями дрожащие колени и только после этого массажа повернулась к пострадавшему мужику.

Тот оказался у меня за спиной. То есть натурально эта громада возвышалась в полушаге от меня.

Я похолодела.

— Вы давно здесь торчите?

Взгляд скользнул дальше, кот лежал на камнях и признаков жизни не подавал.

— Животное!

— Простите?

— Вы! — Я, размахнувшись, ударила его подозрительной трубой в плечо. — Гадкий жестокий человек! Живодер! Бедный котик...

Я бросила в суконную грудь свое оружие и подбежала к страдальцу. Кровь стекала по камням, впитываясь в сухую землю.

— И что вы теперь изволите с ним сделать, господин охотник? Набьете соломой? Выставите чучело в зале трофеев в своем Муходрыщинске?

— В каком Муходрыщинске?

Отвечать я не собиралась, присела на корточки, потрогала кончиками пальцев мягкую шерсть у мордочки покойного создания. Однако... Бок явно драли зубами, это не ножевой удар.

Подняв взгляд, я убедилась, что на губах муходрыщенского помещика нет крови, затем посмотрела на его руки, в них не было ножа.

— Это самка, — растерянно сказал мужик. — И, уверяю, в ее смерти я вовсе не повинен.

— А это нам еще предстоит выяснить, — не желая смягчаться, ответила я.

— Пол этого создания?

— Степень вашей вины.

Мужик ума явно был невеликого, за моими словами не поспевал.

— Уверяю вас... — Он приблизился и присел рядом со мной. — Она бросилась на меня, но, кажется, промахнулась. Я ощутил лишь толчок, а когда обернулся, кошка уже билась в конвульсиях на земле, видимо, последний прыжок стоил ей остатков сил.

— И какова же причина столь странного поведения?

— Особенности местного воздуха, самым невероятным образом действующего на дамские организмы. Вы-то, сами, барышня, что именно сейчас исполняли?

— Закончили муходрыщенские курсы сарказма? — перебила я его. — С отличием? Помогите уж, охотничек.

Я стала собирать ближайšie ко мне камешки, сооружая над покойницей то-то вроде кургана.

— Наверное, — он тоже положил пару камней, — мне следует представиться?

— Не трудитесь. — Я распрямилась, отряхивая запыленный подол. — Ваше имя мне несколько не интересно, а мое вам без надобности.

— И узнать его я смогу без труда, выяснив отличницу курсов беспардонности?

— А вы, сударь, невежа.

— А вы, сударыня... — Он запнулся, потом махнул рукой и пробормотал: — Спишем вашу резкость на нервное перевозбуждение и попытаемся начать знакомство с самого начала. Иван Иванович Зорин, прибыл из Мокошь-града с целью поправления здоровья.

Чего ему еще поправлять? Я хмыкнула, придирчиво осматривая собеседника от носков сапог до белесой макушки, сейчас обнаженной по случаю вежливого поклона. Еще чуть-чуть здоровья, и Иван Иванович треснет под напором одного, как переспелый плод. Из столицы? Значит, не помещик, служака, чиновник не из высоких, может, отставной военный, вон как плечи держит, будто на плацу. Отставной майор от инфантерии? Либо от интендантства? Здоровье! Как же. Небось от майорши своей сбежал в надежде на скоротечный курортный романчик. Только вот со мною тебе, мил-человек, не обломится. Гризетку какую-нибудь поищи и на нее глазами своими васильковыми зыркай. У меня, между прочим, целый князь практически в кармане, тоже с глазами и даже с усиками. Однако мое разглядывание уже можно было счесть за кокетство.

— Серафима Карповна Абызова, — с теми же простоватыми интонациями, что и собеседник, сказала я без поклона. — Прибыла из Загорской губернии просто так, без особой цели.

Решив, что долг вежливости исполнен мною полностью, я вернулась к своим вещам и потянула за

уголок мехового палантина. Морской ветер пробирал до костей.

— Вы же меня проводите, Иван Иванович? — сахарно спросила я майора. — Хрупкой барышне одной эту поклажу до «Чайки» не дотащить.

«А от тебя хоть какая-то польза будет», — уже не сказала, а подумала, затягивая волосы и надевая поверх пучка строгую серую шляпку.

— Всенепременно, — засуетился новый знакомый. — «Чайка»? Да мы с вами, Серафима Карповна, соседи. Я в этот же отель вечером определился.

Ну надо же! Недешевое местечко, не для всякого мелкого чиновника доступное. Я побросала в кофр вещи, застегнула его.

— Вечером поселились, а с утра променады решили совершить? И не по набережной, для променадов предназначенной?

— И не прогадал! — широко улыбнулся он, выразив простецким своим лицом восхищение. — Я же, когда разглядел вас на этом утесе, грешным делом, подумал, что помощь вам нужна, подумал, в беде барышня, а потом, когда вы подзорную трубу приладили, тут и растерялся. А вы, стало быть, прибывающих разглядывать уединились?

— Уединилась. А вы, стало быть, все время, пока парходик у берега маневрировал, за моим плечом простояли?

Он кивнул с простодушной гордостью. Я мысленно застонала. Болван! Святые угодники, какой болван! Представляю, какое впечатление наша парочка на князя произвела! Да он, наверное, палубы покинуть от удивления не решался, так и прирос к доскам подошвами сапог.

— Высокий чин на Руян прибыл, — продолжал Болван Иванович. — Вы когда в реверанс опустились, я тоже, знаете ли, не оплошал, вытянулся во фронт, со всем почтением.

«Лучше бы я над тобою сейчас курган из камешков возвела, а не над кошкой невинной», — подумала я зло, лицом раздражения никак не выказывая, лишь улыбнулась покровительственно.

— Экий вы хитроумный, Иван Иванович. — Я кивнула на кофр. — Теперь мы можем отправляться к месту нашего поселения.

— Слушаюсь! — по-военному щелкнул он каблуками и схватился за ручки. — Я потом и сам сюда вернуться смогу.

— С какой целью?

Мы уже взбирались по тропинке, поэтому спрашивала я через плечо.

— Да любопытно мне выяснить, откуда камышовая кошка появилась. Она же чуяла, что сдохнет скоро, но к людям пошла.

Я остановилась настолько резко, что столкнулась со спутником.

— Она хотела наше внимание привлечь?

— Похоже.

— Бросьте, — велела я Зорину, — оставьте этот злосчастный кофр, мы потом за ним вернемся или не вернемся... Не важно. Лежище должно быть где-то неподалеку. Вы же охотник, майор? Ну конечно, как любой берендийский мужчина. Следы читать умеете?

Я быстро сбежала по тропинке к кургану. Раз уж моя первая встреча с князем обернулась таким досадным фиаско, от осознания сего прискорбного факта следовало отвлечься.

— А вы, стало быть, как любая берендийская женщина, — топал следом за мною послушный вояка, — котиков обожаете?

— Избитый штамп! — фыркнула я, рассматривая камешки у кустов. — Если уж выбирать между кошкой и собакой, предпочту вторую. Это же кровь? Вот здесь, где корни наружу торчат?

Он присел на корточки и потрогал пятно пальцем, поднес руку к лицу, рассмотрел, понюхал:

— Кровь. Кошка не сверху пришла, а наоборот. — Зорин отодвинул колючую ветку. — Кажется, за кустами начинается еще один уступ. Без веревки не спуститься.

— Руку дайте! — Я подоткнула юбку и, схватив спутника за запястье, заставила его сомкнуть пальцы на моем. — Это называется «замок», и не вздумайте его размыкать да держитесь свободной рукой за что-нибудь надежное, не за ветку! Вот хороший крепкий корень!

И когда Иван Иванович исполнил указание, я ступила с берега в пустоту.

— Опускайте!

Я осторожно болтала ногами в воздухе, рассматривая открывающуюся картину.

— У вас немалый опыт в скалолазании? — уважительно прозвучало сверху.

— Загорская губерния гориста, — ответила я вежливо. — Вершка на четыре вниз можете опустить?

Он покряхтел, затем пробормотал:

— А я говорил, без веревки...

— Поднимайте! — перебила я и, когда он вздернул меня к себе и поставил осторожно на твердую землю, радостно сообщила: — Уступ довольно широкий, на нем...

Я замолчала, сквозь рокот волн до нашего слуха отчетливо донеслось мяуканье.

— Значит вот что она хотела нам сказать, — протянул Зорин. — Забота о потомстве ее к людям толкала. Что ж, Серафима Карповна, тайна раскрыта, и мы с вами теперь можем следовать в отель.

— А котята?

Он пожал плечищами:

— Работники с необходимым снаряжением...

— Вы хотите сказать, что наймете для спасения людей?

— Именно это я и хочу сказать. — В тоне Ивана Ивановича послышались мне какие-то стальные нотки, которые в другой ситуации просто так ему бы с рук не сошли, но сейчас мне было не до пустословия.

— А если котята не выживут? До отеля идти не меньше часа, затем некоторое время у нас займет инструктаж и подготовка, пусть еще час, потом дорога обратно.

— Что вы предлагаете, Серафима Карповна?

— Я спущусь туда с вашей помощью!

Ивану Ивановичу с трудом давалось простецкое выражение лица. Болван! Какой же он болван! Ну что ему стоило вежливо попрощаться с барышней Абызовой, заверив, что доставит ее кофр самостоятельно, когда закончит необходимый ему для здоровья моцион? Да и еще раньше? Что его толкнуло на эту безумную комедию с приветствием князю? Цирк, простите, натуральный. Ведь как только выяснилось, что трубка, коей сия эксцентричная особа на скальном уступе размахивает, подзорная труба, а не оружие супротив князя Кошкина, он мог отвернуться и пойти по своим делам! Нет же, болван, остался да всю малину барышне испортил. Такой чудесный план первой встречи. Он же все про нее, эту барышню кисейную, выяснил еще вчера, только прибыв на остров и потребовав беседу с управляющим, затянувшуюся до полуночи. Вчера же все списки постояльцев изучил. Абызова Серафима Карповна, единственная дочка и наследница загорского магната. На Руяне с серпена, при ней горничная, записанная нянькой, да кухня, чья горничная записана горничной. Дело понятное. За женихами барышни приехали. И другое также понятно, ни барышня Абызова, ни барышня Бобынина экзотичными танцовщицами быть не могли, в то время, пока любвеобильная Лилит у князя заклинание выманивала, обе они здесь были, о чем записи в книге прибытий свидетельствуют. И все. В это момент Зорин должен был потерять к Серафиме всякий интерес. Он и потерял. Ровно до того момента, как увидел ее на берегу. Злость такая разобрала, что ради беспутного Анатоля на эдакие ухищрения девицы идут. И те, кто на пристани мерзнут, и эта, авантюристка загорская. Надо же, труба подзорная, кудри по ветру... И что ж теперь? За котиками в бездну ее отправлять? Девчонка! Иван был уверен, что сможет ее удержать, если не силой, то магией. Только вот маскировку терять не хотелось. О настоящей цели визита он сообщил только управляющему, для остальных желая казаться простым чиновником отдыхающим. Так оно было бы сподручнее.

Пока Иван сокрушался про себя, Серафима развивала бурную деятельность, погнала его наверх к кофру, заставила разломать на доски складной стул, сама тем временем кромсая тупым хлебным

ножом плед. Зорин вынужден был признать, что девушка понимает, что именно делает. Узлы Серафима вязала умело.

— Вот здесь, — показала она на сплетение обнаженных ветром корней, — упрям крестовину, там и длины особой не понадобится, аршина два всего... Вы не пугайтесь так уж явно, майор, я с младенчества с батюшкой под землю за малахитом хаживала... Ну не бледнейте, мне только проникновенного обморока сейчас не хватало!

То, что она называла Зорина майором, почему-то не раздражало, он выражал лицом покорное воодушевление, пряча улыбку. Ну и характерец у этой Серафимы!

Когда девушка отвернулась, он быстро провел ладонью по шерстяной веревке, закрепляя узлы магически. Береженого Бог бережет.

Когда барышня Абызова, сейчас, в подоткнутой за пояс юбке, похожая на пирата больше, чем когда она красовалась на берегу с подзорной трубой, велела: «Я пошла, стравливайте помаленьку», Зорин твердо остановил ее, готовую сигануть вниз:

— Драгоценнейшая Серафима Карповна, спускаться буду я.

— На чужом горбу в рай? — Она фыркнула. — Я, значит все подготовила, а вы пользоваться будете?

Зорин с усилием оторвал взгляд от родинки в левом уголке ее рта:

— Абсолютно невозможно, чтобы дама...

Дама свистнула, да так пронзительно, будто подзывала голубей, и без слов шагнула с обрыва. Через минуту снизу донесся ее звонкий голос:

— Тут пещера! Ой! Мамочки!

В этом последнем возгласе слышался такой невыразимый ужас, что Иван помчался на помощь, используя всю доступную ему магию.

ГЛАВА ВТОРАЯ,

в коей продолжается охота на князя Кошкина, а Серафима пропускает обед

Одна недоброжелательная дама как-то меня спросила:

— Что вы делаете для того, чтобы иметь красивую шею?

Я ей дерзко ответила:

— Мадам, я родилась с красивой шеей.

Силы свои я несколько переоценила, как, впрочем, и скалолазные навыки. Нет, руки-то все помнили. Кажется, это называется «память тела». Но вот телу кроме памяти еще и тренировки постоянные требуются. Я же действительно с батюшкой под землю хаживала, только вот годков мне тогда было сколько? Девять? Десять? Это мне еще повезло, что господин Зорин — мужик крепкий, другой бы уже мои пышные прелести сто раз упустил. Гладкая ты стала, Серафима, нелегкая. Раньше-то юркнула бы в любую щель, вскарабкалась бы на любую отвесную скалу. Эх, да что теперь сокрушаться...

Оттолкнувшись подошвами, я описала полукруг и опустилась на уступ. Веревка натянулась, я дернула ее дважды, указывая держащему, что цель достигнута, и зацепила ее освободившийся конец за ближайший уступ.

Под скалистым козырьком открывался мне вымытый морем вход в пещеру. Ее я и собиралась обследовать.

Покряхтывая, потеряла запястье, крепкие пальцы майора оставили на правом синяки. Сама же велела замок держать, так что и обижаться теперь нечего. А он ничего мужик. Послушный да исполнительный. Начальству его только позавидовать можно. Таких подчиненных — днем с огнем, каждый же норовит свое мнение иметь и высказать оное. Мешает послушанию всенародная берендийская грамотность, ох мешает...

Пещера оказалась очень непростой. Низкие своды покрывали следы факельной копоти, по центру располагался выложенный камнями круг, слишком большой для кострища, а стены украшали примитивные барельефы, будто кто-то начинал выдалбливать в мягкой породе двери, да работу до конца не довел. Я вошла под свод, медленно осмотрелась. Чудных дверей было восемь, формой и размером они повторяли нерукотворный вход в пещеру.

Чудеса! Но где же котятка?

— Кис, кис, — позвала я бедняжек. — Где же вы, малыши? Отзовитесь!

Я поморгала, чтоб лучше видеть в полутьме. Факел мне сейчас очень пригодился бы, а лучше — фонарь. У дальней стены мне почудилось какое-то шевеление, я быстро подошла туда, продолжая бормотать успокаивающие слова. Под ногами хрустели ракушки, я старалась ступать потише. Глаза привыкли, я уверенно подошла к куче какого-то тряпья, будто принадлежащему некогда огородному пугалу, поворошила пыльную ткань.

— Кис, кис...

Из-под лохмотьев показалось страшное лицо, белое, неживое с широко открытыми пустыми глазами и провалом рта.

Я ощутила головокружение, попыталась отвести взгляд, но не смогла.

Страшный рот шевельнулся, издав жалобное кошачье мяуканье, и я лишилась чувств.

— Имеет место быть нервический припадок, столь характерный для страстных натур, к коим наша Серафима Карповна явно относится.

Голос незнакомый абсолютно, мужской, но ломкий, стариковский, с характерным дребезжанием.

— А я ей говорила... — Это уже Маняша. — Говорила! Если бы не вы, уважаемый Иван Иванович... Не знаю уж, как и благодарить...

— Полноте, драгоценная Мария Анисьевна. Мое дело малое, вот на счастье Карл Генрихович знал, как обморочную барышню пользоваться.

Голос Болвана Ивановича рокотал противным самодовольством.

Звуки доносились приглушенно. Я открыла глаза. Все понятно. Я лежала в своей спальне в одиночестве, все прочие беседовали в гостиной за приоткрытой дверью.

— Авр-р... — Раздалось от двери, и на пороге появился котенок. — Авр-р?

Он мягко прошел спальню и уверенно запрыгнул на постель, уставившись на меня васильковыми глазами.

— Разбойничья морда, — сообщила я шепотом. — Что за манеры?

«А сама-то, — читалось на разбойничьей морде. — В обморок еще брякнулась, небось в проникновенный».

Котенок был престранной серо-белой масти в тигриных разводах, большие стоячие уши венчались кисточками наподобие рысьих. А лапы, которыми наглец мял мою постель, размером своим обещали, что вымахает сиротинушка до тех же рысьих размеров еще до лета.

— Брысь!

— Авр-р! — Что можно было перевести как: «Сама брысь, глупая женщина!»

И никуда он не ушел, толкнулся лобастой башкой, заурчал, взобрался по мне на живот, перебирая лапами.

— Пусти, мне встать надо!

— А вы уже с Гаврюшей познакомились, — заглянувший в спальню Болван Иванович лучился благостностью.

— С Гаврюшей?

— Авр-р! — сказала терзающее мою плоть чудище.

— Слыхали? — хихикнул майор. — Говорит, зовут его Гавр. А если ласкательно, то Гаврюша.

— Ну так ласкайтесь со своим животным в своих апартаментах!

Я спихнула кота с кровати. Тот фыркнул, посмотрел, будто прикидывал, куда лучше прикопать тело покойной Серафимы, затем принялся вылизываться.

«Вот обрадуется госпожа майорша, когда ей с Руяна эдакий гостинец привезут», — подумала я мстительно.

— Халат подайте, — приказала холодно. — Там, где-то на кресле.

— Вам лежать предписано, — всплеснул Иван Иванович руками, — вот и Карл Генрихович...

— Именно, драгоценнейшая Серафима Карповна!

Старичок семенил, приволакивая ногу, одна рука у него была сухая, безвольной плетью болталась при ходьбе.

— Позвольте отрекомендоваться, Карл Генрихович Отто, коллежский асессор по морскому ведомству, сейчас, как видите, — он кивнул на безвольную конечность, — отставной.

— Господин Отто лекарем служил, — сказала Маняша, присаживаясь на краешек постели и подтягивая одеяло, еще вершок, и я с головою под ним укроюсь. — Слава богу, что он по утрам променады в тех самых местах совершает, где вы, барышня, чувств лишаться надумали.

Маняша при посторонних всегда меня на «вы» и барышней величает. Однако что за странный моцион у бывшего судебного врача? Он, что ли, по скалам лазит со своею сухорукостью?

— А из пещеры меня кто вынес? — спросила я благостно.

— Из какой такой пещеры? — Маняша потрогала мой лоб.

Я через ее плечо посмотрела на майора, тот сокрушенно разводил руками.

— Мой грех, каюсь. Не удержал я нашу отважную амазонку, вниз ринулась.

Нянька наградила меня столь свирепым взглядом, что понятно стало: получу наедине по первое

число.

— Он так жалобно мяукал, сердечный, — продолжал изливать ей Зорин. — Любое бы сердце дрогнуло. Гаврюшенька, страдалец, хищными птицами истерзанный, голодный, холодный...

Страдалец урчал на полу, тщательно вылизывая основательное кошачье пуздо.

— Я как эту картину увидел, его, горемычного, да Серафиму Карповну натурально без чувств, похолодел. Схватил одной рукой ее, бездыханную, другой — котейку...

— А третьей, стало быть, веревку держали?

— Вот вы, драгоценнейшая Серафима Карповна, шутить изволите, — обиделся майор, — а в ажитации я на многое способен.

«Даже отрастить себе еще пару рук?» — собиралась спросить я, но лишь охнула, потому что Маняша ущипнула меня за бок под одеялом.

— В груди кольнуло? — Карл Генрихович шагнул ко мне. — Позвольте осмотреть.

— Авр-р... — Гавр заступил ему дорогу, раздувшись чуть не вдвое, как умеют только кошки.

— Благодарю, — быстро и страдальчески улыбнулась я лекарю, — все в порядке, просто голова немножко закружилась, мне отдохнуть... Маняша, где соль ароматическая?

— А Гаврюшенька ваш покой блюсти будет, — хихикнул Болван Иванович. — Как раз на пост заступил. Чует животное, кто его спасительница, или матушку в вас свою узрел, сиротинушка.

Болван не болван, а кота он на меня спихнул филигранно. А я даже возразить ничего не смогла, потому что нежные барышни вроде меня после эдаких приключений откидываются безвольно на подушки и отпускают визитеров мановением тонкой ручки.

Я и откинулась, и ладошкой помахала, и вздохнула скорбно.

Маняша ушла гостей провожать, а Гавр запрыгнул на кровать, демонстрируя желание прокопать мне в животе дыру, да и свернуться в ней калачиком. Только желанию его сбыться не ссудилось. Я вскочила с постели и побежала в гардеробную.

— Ты чего удумала?

Вернувшаяся в спальню нянька застала меня уже полностью одетой в строгое коричневое платье и черные закрытые туфельки.

— Наличных прихвати, — велела я спокойно, — мне двух парней покрепче нанять надо, да спроси в бельевой веревку локтей на тридцать.

— С места не двинусь. — Маняша картинно заперла дверь, а ключ положила в карман. — Пока толком мне все не объяснишь. Мало того, что ты под землю полезла...

— Там женщина была, в пещере этой. Понимаешь?

— Где ты Гавра нашла?

— А вот кота-то там и не было. Была незнакомка, в тряпье укутанная, это она мяукала.

— Она?

— Ну уж точно не этот... — Я посмотрела на сироту, тот безмятежно рассматривал свою лапу. — Стой. Бельевая веревка не подойдет. Нам канат нужен рыбацкий, и сеть к нему. В сети мы в два счета тело снизу поднимем.

— Доктор предупреждал, что у тебя горячечный бред начаться может, а Иван Иванович...

— Болван он, твой Зорин, — перебила я. — Помнишь, мне вчера ночью мерещился кто-то в воде?

Нянька неодобрительно покачала головой.

— Мне не померещилось, — продолжила я.

— Ты хочешь сказать, что какая-то баба проплыла три версты по морю, чтоб потом тебе из пещеры мяукать?

Звучало, конечно, преглупо.

— А если, предположим, ее течение к берегу прцбило? Вода при приливе как раз почти к пещере подступает. Маняша, даже если я ошиблась и не эту женщину я ночью видела, дела это не меняет. Мы должны ее спасти!

— Обещай, что сама туда не полезешь, — попросила нянька, вынимая из кармана ключ. — И плащ надень.

Я закуталась в меховую накидку.

Экспедиция была организована быстро. Маняша шепнула пару слов портье, одарила денежкой сначала его, затем троих белобрых молодых в курточках гостиничных посыльных, затем отсыпала горсть монеток хозяйственному дядьке, который предоставил нам моток просмоленной веревки и справную рыбацкую сеть.

— Врач, наверное, нужен.

— Ганс отправит вослед фельдшера, как только его разыщет, — сказала нянька и подмигнула зардевшемуся портье.

— Что б я без тебя делала?

— Знамо что, в пансионах бы сидела, — фыркнула Маняша. — Можем выдвигаться. А по дороге расскажи, сколько бриолину было на макушке его сиятельства при вашей первой встрече. Серафима, ты чего замерла? Идем.

Нянька решительно взяла меня под руку. А я подумала, что про князя Кошкина мне даже рассказывать сейчас неинтересно.

Но мои-то чувства в расчет не принимались. Поэтому размеренно, в такт шагам, я поведала своей наперснице о судьбоносной встрече со светлейшей особой.

— Красиво, — решила Маняша. — После сможет сочинить, что с первого взгляда к тебе воспылал. Мужеский пол на эдакие знаки судьбы падкий, вот, помнится, фильма еще такая была про пиратского капитана и прелестную рыбацкую.

У начала знакомой тропинки нагнали нас гулкие звуки гонга. Значит, уже полдень, и обитателям отеля предлагается переодеться к обеду, который накроют в столовой ровно в половине первого. Обычай старинный и выполняется он неукоснительно. Опоздать к обеду — скандал и моветон, лучше уж совсем трапезу пропустить, чем явиться, когда салфетки разложены на коленях, а предупредительные официанты обносят кушаньями. Вот и сейчас вся фланирующая на свежем воздухе публика устремилась к отелю. Хорошо, что мне сей момент не придется толкаться в дверях, приминая чужие турнюры.

— Фимочка, что происходит? Говорят, ты захворала?

Со вздохом, я обернулась. Терпеть такого обращения не могу, и только одной особе оно спускается. Наталья Наумовна, моя драгоценная кузина, взволнованно дышала от энергичной ходьбы, гризетка Лулу за ее плечом изображала ажитацию.

— Ах, полно, Натали, — безмятежно улыбнулась я. — Однако как скоро разносятся слухи в нашем крошечном обществе.

Кузина поморщилась. Барышне слухами интересоваться не пристало, тут она дала маху, как и в том, что поздороваться забыла.

— Бонжур, моя дорогая, — перешла она на французский, — нам необходимо поговорить.

— Как тебе будет угодно, дорогая...

Маняша вполголоса передразнила:

— Шерочка с машерочкой! Шери, ма шери... — И отвернулась, громко велев работникам подождать.

Лулу почтительно отошла, поглядывая на няньку с высокомерным недоумением.

— Это скандал! — сразу взяла быка за рога Наталья Наумовна. — Незамужняя девушка наедине с мужчиной... без чувств... твоя репутация погублена...

— Ах, дорогая, — всплеснула я руками. — Карл Генрихович — старик и, ко всему, лекарь. Неужели все так серьезно?

— Лекарь?

— Несомненно, в противном случае ему вряд ли удалось бы дослужиться до коллежского асессора.

Горничная прислушивалась к нашей беседе, забавно вытягивая шею. Понятно, откуда сплетня пущена, но и как с ней справиться — яснее ясного. Какое счастье, что Болван Иванович не самолично меня в «Чайку» приволок, надо будет его супруге какой-нибудь гостинец передать. Да и лекаря отблагодарить не помешает.

— Всему виною корсеты, — сказала я с нажимом в сторону кузинойной гризетки. — Совершая утренний моцион, я ощутила в груди стеснение, сознание помутилось, и я лишилась чувств. На счастье, оказавшийся неподалеку Карл Генрихович...

— А где была твоя нянька в этот момент?

Ах, какая незадача! Где она была? Захворала?

Я придиричиво оглядела цветущую Маняшу. Никто не поверит. Да и многовато нас, хворых, тогда получится на квадратный аршин.

Тут Наталья Наумовна задергалась, замахала руками.

— Натали, дорогая?

Кузина наконец нашла носовой платок и прегромко в него чихнула.

— Ав-р-р?

Я опустила глаза.

Гавр чинно сидел на тропинке, расставив передние лапы в балетную позицию. Я прекрасно помнила, что запирала его в апартаментах, но разбойнику каким-то чудом удалось выбраться.

От подъездного входа донесся громкий голос господина Зорина, он спрашивал портье, не видел ли тот полосатого котика, которого упустила нерасторопная отельная горничная. Я ощутила приближающуюся катастрофу. Сейчас шумный майор обнаружит «котика» с его невольной хозяйкой подле и в своей обычной нахраписто-добродушной манере примется ставить меня в неловкое положение.

— Моя драгоценная, — я схватила Натали за руки, — прости, ни мгновения промедлить не в силах. Доктор прописал мне моцион вместо обеда...

Я отодвинула кота ногой, всхлипнула и почти побежала вверх по тропинке.

— Маняша!

Та, поняв с полуслова, подогнала работников. Холм мы преодолели галопом.

— Корсет? — запыхавшаяся нянька умудрилась хмыкнуть. — Ничего поумнее придумать не смогла?

— А ты, я погляжу, наострилась во французском наречии?

— Чего там непонятного? Скандаль, корсет да «ля» не забывай прибавлять. Только сроду ты этой пакости не носила.

— Остальные о том не знают, так что скушают — не поморщатся. Наталье Наумовне тоже, знаешь ли, не с руки, если про меня сплетни пойдут. Я ей просто наилучшее объяснение предложила из возможных.

Место я отыскала без затруднений.

— Здесь спуск, за кустами.

Парни принялись разматывать веревку.

— А Гаврюша-то где? — вдруг вспомнила Маняша.

— Да какая разница?

— Ав-р-р!

Он сидел у моих ног, будто вот так вот сидя и перенесся с дорожки на каменный брег.

— Только тебя здесь нам не доставало, — сообщила я разбойнику, наблюдая, как рослый белобрысый парень спускается вниз, обвязанный за пояс канатом.

Разбойник гортанно ответил что-то на своем кошащем наречии. Парней я тоже не понимала, они переговаривались на местном диалекте, то ли куршском, то ли самландском.

Вот и сейчас, тот, которого опустили, громко прокричал товарищам, будто камешками в железной кружке погромел.

— Мыкос не нашел ничего, барышни, — перевели нам любезно. — Спрашивает, можно ли подниматься.

— Как подниматься? — возмутилась я. — Что значит, ничего не нашел? А ну давай, вяжи петлю, я сейчас самолично ему покажу, как искать надобно!

— Не пущу! — грудью заступила мне путь Маняша.

Опять громынуло камнем по железу.

— Мыкос говорит, это заброшенное капище и тревожить его не стоит.

— Скажи своему Мыкосу, — начала я, но быстро передумала ругаться. — Чье капище?

Мой толмач проорал вопрос, выслушал ответ, довольно пространный, перевел:

— Мыкос не знает. Он сначала думал, что там Святовита славили, но сейчас думает, что не его, он думает...

Мыкос думал там внизу много и с удовольствием. Нам поведали о древнем руянском боге Святовите, ведающим в своем пантеоне солнцем и урожаем, а также войнами и доблестью. Его капищ на острове с давних времен осталось преизрядно.

— Древняя вера была, исконная. — Толмач говорил со сказовой напевностью. — Триста лет назад здесь совсем другая жизнь была.

Я, соскучившись от пространныго рассказа, зевнула украдкой.

— Но Святовит, он на лошади быть должен, Мыкос так думает...

Топот копыт. На фоне выгоревшего полуденного неба появился силуэт всадника. Толмач быстро перекрестился, демонстрируя, что исконной руянской веры не придерживается. Я неизящно потерла кулаками глаза. Всадников стало двое.

— Что происходит? — Властный зычный голос разнесся по округе.

— Дамам нужна помощь?

Верховых там оказалось гораздо больше. Но об этом мы узнали уже после того, как господа спешились и спустились к нам, а пока просто ждали приближения сих незнакомцев. Два силуэта на фоне солнца, наше напряженное молчание, хруст камешков под ногами, ворчание Гавра, рокот моря, далекие крики чаек. «Три года — зима по лету, три года — лето по зиме, три года — само по себе», — вдруг подумала я и покачулась, ощущая приближение обморока.

Маняша охнула, но опоздала. Меня подхватили мужские руки, удержав от падения. Щеку оцарапал гусарский позумент.

— Ах! — восторженно прошептала я, узнавая. — Князь Анатолий!

Приличиями я в сей момент, конечно, пренебрегала, но зато на полную пользовалась козырем удачного обморока. К слову, в него падать сразу расхотелось. Я глубоко вздохнула, затрепетала ресницами и обожгла спасителя страстным взглядом. Судя по тому, что руки на моей спине сомкнулись еще сильнее, все три удара достигли цели. Самое время вспомнить, что я вообще-то барышня строгих правил.

Решительно отстранившись, я присела в книксене:

— Благодарю, ваше сиятельство. Ваш рыцарский поступок поразил меня в самое сердце.

Князь Кошкин посмотрел на свои руки, затем, будто с усилием, опустил их.

— На правах спасителя мне будет дозволено узнать ваше имя, прелестная корсарка?

Ах, значит, заметил, запомнил. Ай да Серафима! Ай да я! Вблизи князь показался мне старше и будто бы менее ярким. На вид ему было за тридцать, вокруг напояженных усиков и на подбородке проступала щетинка, красивые голубые глаза припухли, от крыльев большого носа к щекам

спускались морщинки. Но рост при нем, и выправка военная. У алтаря мы с ним будем премило смотреться.

Опустив очи долу, я представилась.

— Серафима! — Он поднес к губам кончики пальцев. — Огненная!

Рот у него был тоже отнюдь не манифик, слишком толстая нижняя губа оттопыривалась.

А тебе, Серафима, с ним, между прочим, целоваться предстоит. Хорошо хоть не сей же момент.

— Мой адъютант, — представил князь спутника, — ротмистр Сухов Павел Андреевич.

Тот молодежато щелкнул каблуками, поклонился, подкрутил рыжеватый ус.

Ростом был он пониже командира и мастью посветлее. Прочую внешность я для себя определила как гусарскую и поглядывать на адъютанта перестала.

— Моя дуэнья и наперсница — Мария Анисьевна Неелова, — кивнула на Маняшу, слегка ошалевшую от свалившейся на нее чести.

Князь Анатолий смерил няньку взглядом и приподнял брови.

Маняша разогнулась из своего поясного поклона и запахла на груди шаль.

Ротмистр меж тем присел на корточки, умильно сюсюкая:

— Что за престранное создание?

Гавр погладить себя не дал, увернулся, отошел к камням, утробно порыкивая.

С котом я знакомить никого не стала. Князь поинтересовался, с какой целью мы здесь прогуливаемся. Я, опустив утренние приключения, сообщила ему, что мы с нянькой услышали женский голос, взывающий о помощи.

Маняша одобрительно кивнула, вранье получилось складным. Гуляли, слышали, потом за помощью пошли, а как вернулись...

Беседовать с его сиятельством было непросто, приходилось постоянно отодвигаться, на полшажочка, чтоб маневр не стал явным, но часто. Ибо князь, разделяющее нас расстояние всячески пытался сократить, тоже понемногу и как бы случайно. Так и топтались мы с ним, будто в медленном танце.

Ротмистр разыгрывал похожую партию с Гавром, только последнему на политес было ровным счетом «авр-р», он дождался, пока гусар приблизится на длину вытянутой руки, и отпрыгивал. Последний его прыжок чуть не стоил мне кота. Разбойник балансировал на самом краю скалы, поднимая трубой хвостище. В последний момент он взвился, ротмистр быстро наклонился, смыкая руки, и оба они рухнули вниз.

Я вскрикнула. Князь, подождав, не упаду ли я опять в обморок, и, удостоверившись, что на этот раз страстного объятия ему не обломится, закричал:

— На помощь!

Вот тут мы и поняли, что сопровождало его сиятельство в конной прогулке гораздо больше народу. С холма прибежали какие-то егеря и ливрейные лакеи, как в рукопашной, отесняя от обрыва моих работников.

Снизу что-то прокричали.

— Мыкос его поймал, — перевел толмач, предусмотрительно забившийся в кусты.

Кого именно, спросить я не успела, потому что на самом краешке появились две когтистые лапы, затем голова с кисточками на ушах.

— Разбойник! — Я подхватила Гавра за шкуру и вытащила на твердую землю.

— Авр-р, — согласился тот и пристроил башку мне на грудь.

Я чувствовала, что кошачье сердечко бьется очень быстро.

Тем временем княжеская прислуга уже спускала вниз несколько канатов искусно меж собой сплетенных. Вскоре пред нами явились помятый ротмистр и бодрый улыбающийся Мыкос.

Я ринулась было к нему, но остановилась. Не хватало еще князю лицезреть, как я самолично работниками командую. Неприлично это. Девушка должна только своей прислуге приказы раздавать, нежным таким голоском.

— Маняша, — нежно позвала я.

— Чего?

Я многозначительно кивнула на Мыкоса.

— Чего? — не поняла нянька.

Князь Анатолий уже закончивший похлопывать своего адъютанта по пыльным плечам в выражении дружеского участия, стоял в вершке от меня, даже сквозь меховую накидку я ощущала близость мужского тела. Становилось жарковато, потому что грудь мне грел Гавр, который на правах кота делал это под накидкой.

— Милый Мыкос, — пролепетала я, отодвигаясь от князя, — ты нашел страдальцу?

— Никак нет, барышня, — ответил парень по-берендийски с чудовищным акцентом, — нет там никого.

— Быть того не может...

Я запнулась, поняв, что почти кричу.

— Возможно, — князь придвинулся, — драгоценнейшая Серафима Карповна желает сама исследовать эту загадочную пещеру?

Ах, как она желала!

— Но как? — Я растерянно заморгала.

Разморенный Гаврюша выпускал коготки, играя лапами. Барышня с животинкой, конечно, прелестнейшая картинка, наверное, но лучше бы я болонку утром от сиротской доли спасла, честное слово.

Князь Кошкин заверил, что спуск мой организует в сей же момент и что под его, князя, защитой я буду в полной безопасности. Последняя часть заверений была уже для Маняши, которая, невзирая на пиетет перед властью придержащими, устроила вновь свое представление с «не пуцу!»

Князь отправился раздавать приказы, а нянька, придвинувшись ко мне, жарко зашептала:

— С огнем играешь, Серафима! Не нравится он мне, с усиками своими...

Гавр с ней соглашался, точа когти о ткань моего лифа.

— Авось не проиграю. — Я передала кота Маняше. — Дружите, мучители. Мне же все равно самой убедиться во всем надобно.

— Вся в отца!

Смене носильщика Гаврюша не противился, избрав новой игрушкой кисти бабьей Маняшиной шали.

— Вся в отца, — опять вздохнула нянька. — Только учти, я таких мужиков, как его сиятельство, за версту чую. С поцелуями ведь полезет, охальник!

Я посмотрела на нее с шутливым удивлением:

— Нешто ты думаешь, я с ним туда наедине спускаться буду?

— А с кем?

— С тобой, бестолковка. Без дуэньи приличная девушка и шагу ступить не посмеет.

— Много ему дела до приличий!

Я вздернула подбородок:

— Мы, Абызовы, купеческого звания пока лишь потому, что брезгуем титулы за границами себе купить, как некоторые! А фамилия наша — знаменитая и достойная. Если хоть кто-то, хоть князь, хоть цесаревич даже, на честь барышни Абызовой покушаться вздумает, ему сразу же о браке

просить придется. И охальник твой про то прекрасно ведает и лишнего себе не позволит.

— А если позволит, но не женится?

— Ну тогда батюшка мой ему такую развеселую жизнь устроит, что лучше сразу пулю в лоб.

— А ты?

— А я... У меня, конечно, тоже все не молочно-кисельно сложится, про замуж придется забыть. Уедем с тобою куда подальше, в Гишпанию или к бриттам, может мануфактуру какую откроем. Карп Силыч не зверь же в самом деле, денежку нам подарит на обустройство...

И как-то в этот момент показалась мне такая будущность нисколько не беспросветной, а, напротив, приятной во всех отношениях. У меня даже глаза увлажнились.

— Нельзя, — сказала Маняша, — нам с тобою нельзя без «замужа», и без аристократа берендийского тоже никак.

Сначала на одиночных канатах вниз спустились егеря. Затем веревки закрепили, набросили на них кожаные петли и защелкнули стальные карабины гнумской работы.

Гавр обстроился на прогретом солнцем валуне, наблюдая, как Маняша в объятиях ротмистра Сухова покидает земную твердь.

— Мы наедине, огненная, — многозначительно прошептал князь.

Я смущенно кивнула. Ну да, его ливрейная свора, мои работнички и кот, а так-то наедине, конечно.

Веревки ослабли, парни, в чью задачу входило держать их, зашевелились, разгоняя застывшую кровь.

— Позвольте вам помочь.

Он поклонился, будто приглашая к танцу, и по-бальному легонько прикоснулся ко мне. Застежки меховой накидки размыкались одна за одной.

Все было правильно, верхняя одежда будет только мешать, но многозначительность процесса заставила меня покраснеть.

Князь передал накидку лакею и привлек меня к себе.

— Вперед, моя отважная корсарка!

Носок туфельки обхватила кожаная петля, за другую я взялась рукою в перчатке. От трения карабинов о веревки образовался неприятный звук, заставивший меня поморщиться. Ноздрей коснулся запах князя: пахло можжевельником, конской сбруей и, чуть заметно, табаком.

— Как жаль, что мы не повстречались с вами раньше, — пробормотал князь, будто случайно ныряя носом в мои волосы, — драгоценнейшая барышня Абызова.

Я не ответила, думая о несчастной женщине в пещере. А он никак не унимался в своих ощупываниях и обнюхиваниях. Так что, когда спуск окончился и его сиятельство наконец разомкнул руки, я испытала ни с чем несравнимое облегчение.

Какая, однако, незадача. Прикосновения князя были мне противны! А это, господа хорошие, уже проблема. Где вот это вот все: томление сердца, дрожь сладострастия, предвкушение?

Я отступила, поправила сбившуюся набок шляпку, перевязала ленту под подбородком. Слуги уже хозяйничали в пещере, освещая стены светильниками. В их ярком, магическом свете высеченные двери смотрелись даже жутковато, будто приглашая в себя войти.

Выхватив у ближайшего парня фонарь, я ринулась к дальней стене, где, как я помнила, в куче хлама лежала незнакомка. В круг, обозначенный гладкими камнями, наступать не хотелось, поэтому я обошла его по плавной дуге.

— Здесь я шпильки твои нашла, — прошептала Маняша и продемонстрировала раскрытую ладошку. — Ротмистр ничего не заметил.

Да, мои побрякушки с жемчужными головками. Видно, когда я распущенными волосами по ветру трепетала, несколько штук в локонах запутались, а когда я чувств лишилась...

Женщины не было! Я обошла пещеру по кругу, и посолонь, и противосолонь. Князь, попытавшийся

присоединиться ко мне в поисках, был оттеснен бдительной Маняшей. Она-то как раз не отходила от меня ни на шаг.

— Тряпки тут еще были, — бормотала я горячо, — барахло, будто с пугала огородного сняли. И пугало тоже было! Такой, знаешь, палка, палка, огуречик... Поломанный, страшный, еще ветки вместо рук, а на концах, будто когти длинные...

— Остановись, чадушко, — шепнула нянька. — Ты нас погубишь!

— Никого нет, — пролепетала я, уже обращаясь князю. — Простите, ваше сиятельство. Значит, нам с госпожой Нееловой послышались крики о помощи.

— Сочту за честь исполнить любой ваш каприз, драгоценнейшая Серафима Карповна, — щелкнул каблуками князь Анатолий. — Но позвольте...

Он взял из моей руки фонарь, не забыв как бы случайно провести по ней пальцами. К счастью, мы оба были в перчатках, так что прикосновения я почти не ощутила.

Анатолий был выше меня головы на две, когда он высоко поднял над собою светильник, яркий свет залил пещеру до потолка.

— Мечтатель либо фантазер, а может, пиит сказал бы, что вас призвала она!

На стене, в одном из проемов обнаружился барельеф — женская фигура с раскинутыми в стороны руками. От головы нимбом либо лучами расходились пряди каменных волос. Лицо не прописанное, будто стертая или изначально не высеченная, только раскрытые в безмолвном крике губы.

— Это богиня? — Смущение заливало мои щеки румянцем, потому что в отличие от лица тело неизвестный скульптор выполнил тщательно и подробно, включая все положенные женщине срамные места. — Языческая?

— Кто знает, во что верили руянские дикари до того, как величайшим велением были включены в состав Берендийской империи. — Князь повел фонарем, приглашая полюбоваться соседним барельефом. — Извольте взглянуть, тут еще одна.

Эта женщина была другой, кражистой толстушкой с плотными ляжками и тяжелыми грудями.

— Барышне не пристало на эдакий срам глядеть! — Маняша схватила меня за плечи и отвернула к себе. — Ля скандаль, ваше сиятельство! Ля скандаль!

Через плечо няньки я обвела взглядом оставшихся за нашими спинами мужчин. Слуги заворуженно наблюдали за князем, ротмистр же Сухов шагал осолонь, поднимая фонарь над головою рассматривая барельеф за барельефом с неторопливой методичностью.

Восемь арок, в семи из них угадывались фигуры. Некоторые, находящиеся ближе ко входу, видимо поврежденные временем и силами природы, едва проступали на поверхности.

Князь про «ля скандаль» все понял, осознал и сделал вид, что раскаялся. Мы быстро засобирались наружу. Я, сославшись на то, что партнерами принято обмениваться даже во время танца, ухватила за рукав ротмистра:

— Павел Андреевич, я вас приглашаю.

Тот с ужасом посмотрел на начальство, но закрепил мою туфельку в петле.

Оказывается, для того, чтоб перемещаться по веревке, страстных объятий не требовалось. Адъютант, пытаясь избежать прикосновений, будто тело мое было раскаленным на жаровне металлом.

— Авр-р? — спросил меня кот.

— Не нашли ничего, — ответила я, подхватывая Гавра на руки. — Послышалось нам с Марией Анисьевной.

Князь поднялся соло, молодецки прыгнул, ротмистр помог ему освободиться от страховочной петли. Маняша явилась следом в объятиях слуги.

— Позвольте вас проводить? — Кисло спросил его сиятельство.

— Ля скандаль, — пробормотала нянька так, чтоб он услышал.

Я присела в книксене, изъявила благодарность. Гусары поклонились, ротмистр отдал приказ слугам, и они стали споро собирать свои верхолазные приспособления. Маняша отправилась

рассчитаться с нашими работниками.

— Когда я смогу увидеть вас вновь, корсарка? — Князь, оставшийся без присмотра, вернул свой легкомысленный тон: — Желаете посетить бал? Я пришлю приглашение вам с братом.

— Его сиятельство ошибается, я здесь с кузиной, госпожой Бобыниной.

— Тогда с кем же я видел вас на берегу?

Странно, я была уверена, что мое родство с Бобынинами произведет на него впечатление. Это, в конце концов, козырь мой был, входной билет в высший берендийский свет.

— Не томите, Серафима. Кто он? Мой соперник?

Я хихикнула вполне искренне. Разбуженный Гавр заворчал.

— У князя Кошкина соперников быть никак не может.

— Зовите меня Анатолий, огненная.

— Я не посмею, ваше сиятельство, — ответила я многозначительно.

Еще чего недоставало! Я ему кто? Певичка кафешантанная?

Князь понял, что увлекся, поэтому переспросил деловито:

— Бобынина? Кажется, вы произнесли именно эту фамилию, упомянув кузину?

Я кивнула:

— Из загорского рода Бобыниных, о них даже в Бархатной книге дворянских родов запись имеется.

— Вы окружены дуэньями, будто готовы к осаде, — пошутил его сиятельство. — Но я — воин, покорять у меня в крови. Стало быть, приглашение для барышень Абызовой и Бобыниной будет прислано последней. Вы придете?

Я изобразила робость и смущение:

— Ежели кузина не будет против.

Слуги закончили сборы и потянулись цепочкой по холму.

— Прощайте, огненная.

Мы наконец расстались. Маняша стояла рядом со мной, провожая мужчин тяжелым взглядом.

— Противный какой, — заключила, когда последний силуэт исчез за гребнем холма.

И я ничего не ответила, потому что была с ней абсолютно согласна.

А на обратном пути повстречали мы с нянькой драгоценнейшую мою кузину под руку с Болваном Ивановичем.

— Фимочка, дорогая!

Майор, кажется, попытался бежать, но от Натальи Наумовны еще никто не уходил. Я заметила, как ее длинные пальцы с усилием сжались на мужском предплечье.

— Какая восхитительная встреча, дорогая! — с восторгом вскричала я и кинулась к ней целоваться, будто не виделась с кузиной с позапрошлой Пасхи, не меньше.

Она чмокнула воздух у моей щеки, я сделала то же самое.

— Мы с Иваном Ивановичем наслаждаемся буйством дикой природы. — Натали хихикнула, бросив шаловливый взгляд на Зорина.

Тот горячо поддержал спутницу:

— Невероятно наслаждаемся, невероятным буйством.

Ну точно болван! Хотя, если по чести, выглядел он сейчас не в пример импозантнее, чем в нашу последнюю встречу. Прогулочная пиджачная пара из серого твида пошита была явно у хорошего портного, из кармашка жилета виднелась часовая цепочка с изящным брелоком. Серебряная, не

золотая, коими всенепременно украшали свои животы нувориши.

— Ах, Фимочка, — продолжала кузина. — Это ведь целое приключение, пробираться по этим первобытным просторам. Если бы не рыцарское поведение Ивана...

Они уже накоротке? Однако! А может, он вовсе не отставной майор?

Я быстро взглянула на Зорина. Ну хоть жена-то у него есть? Я ведь уже почти подружилась с его майоршей, толстоватой добродушной теткой, любящей опрокинуть рюмашку за обедом, покрикивающей на домочадцев, чтоб не баловали, и плетущей по вечерам кружева под цокот деревянных коклюшек.

Иван Иванович, будто подслушав мои мысли, убрал с локтя ручку Натали и стянул свои перчатки. Колец на пальцах не наблюдалось, в том числе обручальных.

— Гаврюшенька...

Оказалось, что маневр с перчатками производился с целью погладить дремавшее на моей груди чудовище. Оно как раз выпростало из-под плаща когтистую лапу.

— Позвольте, Серафима Карповна?

Я с готовностью распахнула накидку и протянула разбойника Зорину, ожидая, что сейчас повторятся догонялки, которые Гавр устроил с ротмистром. Однако глупая животина приняла ласку.

— Не ест ничего, — вдруг пожаловалась Маняша. — Я ему и молочка, и рыбку предлагала.

— Что ж так? — Зорин развернул котенка на спину, рассматривая его живот, затем нажал куда-то пальцем. — Довольно упитанное создание. Вы, Мария Анисьевна, не тревожьтесь. Он, скорее всего, проголодаться еще не успел.

Наталья Наумовна громко чихнула и конфузливо спрятала носик в батистовый платок, поданный стоящей поодаль Лулу.

— Не замечала за тобою, Фимочка... — начала она, но повторный чих заставил ее прерваться.

— Твоя эксцентричность...

Снова чих.

— Твоя...

Я вежливо пережидала приступ, слегка, впрочем, отодвинувшись, чтоб не забрызгало. Да если бы я раньше знала, что нежный организм Натальи Наумовны кошек не переносит, я бы давно уже дюжину мурлык себе завела.

Обвинительную тираду кузине так завершить и не удалось. Она раздраженно сообщила, что прогулка ее утомила. Иван Иванович передал мне Гавра и приготовился провожать Натали в отель. Нам было по пути, однако Наталья Наумовна жалобно прошептала, что находиться рядом с кошкой никак не может. Опасаясь обморока родственницы, я предложила разделиться.

— Мы с Маняшей переждем, пока вы удалитесь на безопасное расстояние.

Зорин витиевато меня поблагодарил. Они пошли по тропинке, однако я заметила, что теперь Натали не держит спутника под руку. Видно, он набрался кошачьего духа, пока возился с Гавром.

— И что она в нем нашла? — пробормотала я негромко.

— Право слово! — Маняша тоже говорила вполголоса. — Красивый молодой мужик галантного обхождения.

— Даже не дворянин!

— Ты их поженила уже, что ль?

— Глупости. Для барышни Бобыниной это будет скандальный мезальянс.

— Барышне Бобыниной в травене двадцать семь годочков стукнуло.

— Замолчи! — Кузина с Зориным уже отошли довольно далеко, поэтому я почти кричала. — Это гадко! Гадко попрекать девушку возрастом и незамужеством тоже отвратительно.

— Всем известно, что старые девы...

Я топнула ногой:

— И слов таких при мне говорить не смей!

Маняша обиделась, да так, что даже расплакалась, вытирая щеки концом шали.

— Ну чего ты, душенька, — ринулась я ее утешать, — не реви! Я сама Наташку эту не люблю, ты же знаешь. Но только говорить про кого-то дурное из-за безбрачия, просто несправедливо.

Я понимала, что для няньки моей статус этот важен, и то, что она в отличие от Натали, не какая-то старая дева, а вдова, делает ее в собственных глазах выше и лучше. А на самом-то деле, лучше она, потому что добрая и верная, и веселая. А не потому, что два года назад сходила замуж за недотепистого Неелова.

Вот это все я ей втолковывала, да с такой горячностью, что сама чуть не разревелась. Маняше, то, что она добрая и верная, очень по нраву пришлось. А уж когда я рассказала ей, какая она настоящая берендийская красавица, смущенно покраснела.

— Я слышала, — сказала она, когда мы наконец помирились, — как управляющий обращался к Зорину «ваше высородие».

— Ну, стало быть, он хотя бы при чинах, — вздохнула я. — Интересно, по какому ведомству. А хотя нет, нисколько не интересно. У нас с тобой другие заботы.

— Бал у князя? Собираешься меня за новым платьем послать?

— Старым удовлетворимся. — Вспомнив про князя, я слегка погрустнела. — Меня пропавшая покойница больше тревожит. Она мне привидеться не могла.

— Еще как могла...

— А ежели в капище Святовита все дело? Погоди, ты мне не веришь?

— Верю, чадушко, — вздохнула Маняша. — Только капище это не Святовитово, а поганое, навье.

— Да ну?

— Вот тебе и ну. — Нянька прицокнула языком. — Силы в нем, конечно, уже никакой нет, так что и причина не в этом.

— Тогда в чем?

— Сон ты увидала.

— Я не спала.

— А обморок? Уж не знаю, с какого перепугу ты в него брякнулась... — Маняша передернула плечами и сокрушенно покачала головой. — Иван Иванович сказывал, колотилась как припадочная, губы кусала.

— Прямо так и сказал? — скептически переспросила я. — А не поведал он тебе, случаем, как ему удалось меня наверх затащить, такую всю припадочную?

Маняша демонстративно обиделась и замолчала. Я решила этот балаган далее не поддерживать, прижала к груди Гавра и зашагала по тропинке. Нянька семенила следом, сопела, кряхтела и, не выдержав, первой начала:

— Может, чадушко, домой отправляться пора?

— Что за нелепая мысль! — от неожиданности я перешла на французский, поэтому быстро перевела: — Ты в своем уме? Я только-только к цели подобралась, князя Анатоля очаровывать стала. Ты думаешь, если я завтра уеду, он меня догонять примется? Держи карман шире! Позабудет и, трех дней не пройдет, увлечется другой барышней. Мне пока удалось только лишь заинтересовать его, заманить яркой картинкой. Теперь-то самая важная часть игры и начнется, теперь надобно его отнюдь не самые пристойные мысли в романтическое русло направить, беседы о высоком, пение романсов, лучше дуэтом, мелодекламация.

— Муторно мне, — жалостливо протянула Маняша.

— От того, что он не так хорош, как мог бы быть?

— Тьфу! — Она плюнула под ноги по-настоящему. — От того, что он, если что приключится, даже себя защитит не сможет.

Я помолчала, опустила на землю рвущегося на волю кота, а затем серьезно посмотрела на няньку:

— Поясни, будь любезна. Мы который месяц сидим на Руяне, и раньше ты никакой тревоги не выказывала.

— Потому что раньше ты страшных снов не видала и навьего храма не находила.

— Ты сказала, что нави тут ни при чем.

— Сейчас, просто к слову пришлось. Так я продолжу. Раньше тебе девы в ледяной воде не мерещились. Хотя, может, ты спала? Точно! Ты задремала, меня дожидаясь, над книжкой своей несуразной.

— Книжка полезная, — возразила я. — И я не спала.

Мы неторопливо двинулись дальше. Гавр на руки больше не просился, затрусил у моих ног иноходью.

Не права Маняша. Если бы не этот фолиант, откуда бы я столь ценные сведения об охоте за женихами почерпнула? Мне же ранее никого никогда специально очаровывать не приходилось. Дочери Абызова это было бы несвойственно. У меня и так отбоя от кавалеров никогда не было. Даже в закрытой школе для девочек, где я обитала до наступления четырнадцатилетия, тайно передавались мне букеты и записочки с признаниями. В ход шли мудреные гнумские Катапульты, купленные в магических лавках, полупрозрачные почтовые голуби и просто подкуп прислужников. Меня этот ажиотаж вокруг моей персоны немало удивлял. Школа для мальчиков находилась в другом крыле монастырского замка, и увидеться с противоположным полом мы могли лишь во время воскресной церковной службы либо в деревеньке, куда нам разрешалось выбираться не чаще раза в месяц. Подружки тогда объяснили мне, что все дело в папенькином богатстве, именно на него слетаются поклонники.

Я поморщилась, воспоминания были скорее неприятными.

А Маняше теперь «муторно». Что поделать, и у меня на душе беспокойно. Ну ладно, сочтем обморок за сон и спишем мяукающую женщину на галлюцинации. Однако в воде я кого-то видела. Может, послать няньку расспросить местных: не пропал ли кто здесь недавно или, может, какая барышня ледяные купания для красоты принимает? Нет. На это я отвлекаться не собираюсь.

Я решительно тряхнула головой, отгоняя лишние мысли. Легче не стало.

— Пусть полиция разбирается.

— Чего? — не поняла Маняша.

— Любое дело должен делать тот, кто к этому делу приставлен, — пояснила я. — Желаю стражам закона и порядка заявление сделать. Не может ведь курорт без полицейского присмотра оставаться? Значит, приказ соответствующий здесь точно есть.

Приказа не оказалось. Закон и порядок на острове находился в ведении околоточного надзирателя, а сам он коротал служебное время в крошечном кабинетике в том же здании, где находилась почтовая служба. Обитатель кабинетика был под стать. Ранее гнумов-полицейских видеть мне не приходилось, поэтому лепетала я поначалу что-то невразумительное, жалея, что попросила няньку подождать с Гавром во дворе.

Звали полицейского Фальк, о чем свидетельствовала табличка на двери, инициалы Й. Х., к фамилии присовокупленные, оставляли простор воображению.

— Так вы, барышня Абызова, — гнум сверился с документом, который сам же заполнял, — пришли заявить об утопленнице? Где тело?

— Предполагаю, что его могло выбросить на берег у восточной части пляжа.

Взяв себя в руки, я довольно толково изложила как факты, так и свои предположения, даже указав на настенной карте, где именно видела незнакомку.

— А после вы обнаружили ее в пещере, но не наяву, а внутри личной галлюцинации? — с выражением зачел надзиратель с листа.

Я посмотрела на гнума с подозрением. Потешается? Но его будто вытесанное из камня лицо выражало лишь сосредоточенность.

— Вы чародейка, госпожа Абызова?

— Простите? — Я хихикнула и махнула рукой. — Нет, что вы, во время школьной проверки я не смогла прочесть и дюжины рун.

В берендийских школах, насколько я знала, девочек такой проверке даже не считают нужным подвергать. Женщины редко обладают магическим даром, настолько редко, что выискивать среди них таланты никто даже не пытается. Некоторые из моих девичьих подруг умели ворожить и привораживать, кое-кто мог предсказать погоду или отыскать потерянную вещь. Но, если начистоту, проще было использовать для всех этих целей купленный амулет, изготовленный настоящим чародеем. Благо и того и другого, а также лавочек, ведущих бойкую торговлю чародейским товаром, великое множество.

— Вы использовали какой-нибудь амулет для связи с мертвыми?

Мысли гнума текли в том же русле, что и мои собственные.

— Нет. А что, такие существуют?

Он пошевелил кустистыми бровями:

— Запрещены к использованию на всей территории Берендийской империи.

— Почему, позвольте полюбопытствовать? Их делают нави?

Околоточный покачал головой. Я не отставала.

— Ваше благородие, — протянула с интонациями капризной девчужки, — все равно ведь узнаю. А сказавши «а», нужно говорить «б».

— Не чародейка, но чаровница, — подкрутил ус господин Фальк, — размягчили старика.

Я горячо заверила, что такому бравому полицейскому о старости думать рано.

Тут я даже душой не покривила. О старости рано думать всегда.

— Подтверждаю, навский артефакт, иногда называемый «желанная встреча», иногда — «элементаль». Куда только эта зараза не проникает! Даже к нам. Вот вы, барышня Абызова, про навье капище сообщили. Так и это меня не удивляет. Хотя ранее я о нем слыхом не слыхивал.

Далее беседа наша велась не под протокол. В подчинении у околоточного было двое городских, по очереди совершающих обход курорта и городка, его обслуживающего. Мне было обещано, что оба служаки будут направлены на поиски моей покойницы. А сам господин Фальк самолично собирался осмотреть пещеру с барельефами.

Мы тепло попрощались. Я обещала через несколько дней навестить милейшего Йосифа Хаановича (именно так, как оказалось, расшифровывались инициалы на двери), чтоб узнать, как продвигается дело. А выйдя на улицу, скомандовала дожидаящимся меня Маняше и Гавру:

— Отправляемся в ресторацию, да не в отель, а на набережную к господину Хайманцу, будем угощаться жареной рыбой.

— Он тебе поверил? — спросила нянька. — Надзиратель-то?

— Да. И мне хочется отметить сие событие крайне поздним обедом.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,

в коей возобновляются старые знакомства и заводятся новые

Всякой девице, превращающейся по воле судьбы в молодую даму, необходимо усвоить основные правила устройства супружеских сцен. Супружеские сцены необходимы. Оне, как гроза в природе, освежают воздух.

Но неумелое устройство сцен приводит иногда, к сожалению, к весьма печальным последствиям и приносит не пользу, а вред.

Иван Иванович не любил жеманниц. Женщина должна быть простой и понятной, приветливой, добродушной и покладистой. Именно с такой особой он рано или поздно произнесет брачные клятвы в деревенской церквушке, где до сих пор нес приходскую службу его, Зорина, батюшка. Матушка время от времени осторожно предлагала Ванечке обратить взор на знакомых барышень на выданье, коих в чадолюбивых поповских семьях было более чем достаточно. Но Иван Иванович пока не торопился. Какие его годы? Вот разменяет четвертый десяток, тогда и о женитьбе призадумается. Непростая его служба отнимала все время и большую часть сил. И когда-нибудь ему захочется после изнурительного дня вернуться домой, где будут ждать его борщи с пирогами и немногословная супруга поднимет от вышивания русоволосую головку, чтобы улыбнуться приветливо, завидев его в дверях. О том, как провинциальная поповна будет себя чувствовать в светлом Мокось-граде, да еще будучи введенной в приличное столичное общество, к которому обязывает немалая мужнина должность, Иван Иванович не задумывался. Точно так же, как не обращал внимания на многочисленные авансы, выдаваемые ему как столичными барышнями, так и их строгими родительницами. Нет уж, увольте! Цветы, сласти, романсы под луной, а после — постылый быт и супруга, оскорбленная небрежением. А иначе не бывает. Сыскарь отдан в первую очередь службе Отечеству, а уж после семейным радостям. В работе Иван Иванович был расчетлив, быстр и беспощаден, поэтому семейную жизнь предпочел бы спокойную, без лишних страстей. Мокось градские девы ему этого обеспечить не могли. Интрижки случались, чего греха таить. Вот сейчас, к примеру, дожидалась его в столице некая кафешантанная певичка, прозываемая Жозефиной. Настойчивая девица — сама на знакомстве настояла, сама на штурм отправилась. Чем-то схожи они с барышней Абызовой. Обе яркие брюнетки, обе к цели, не видя препятствий, бегут. На этом, впрочем, сходство сих дев и заканчивается. Супротив Серафимы Карповны Жозефина, что огонек свечи рядом с извержением вулкана. Если бы барышне Абызовой вздумалось на сцене представлять, она бы не третьей справа в заднем ряду вытанцовывала, а впереди прочих, соло. И зрители никого больше не заметили бы, в этом Зорин был уверен. Он и сам с трудом от нее взгляд отводил. Наверняка все дело было в родинке в левом уголке рта, или в кариш влажных глазах, или во всей ее ладной фигуре, в которой все было как будто абсолютно соразмерено, но казалось, что всего чересчур. Слишком тонкая талия, не стянутая оковами корсета (уж в отсутствии оного Иван Иванович лично убедился, на ощупь, так сказать), слишком пышная грудь (к счастью Серафимы Карповны, она может себе позволить обшиваться у лучших портных), даже ножка у наследницы миллионов была непростая, крошечная, будто у куклы или сказочной Синдереллы. Да она вся походила на дорогую фарфоровую куклу, сбежавшую с витрины дорогого магазина. А причиной сего воображаемого побега мог послужить лишь взрывной властный характер Серафимы. Командирша! Эх она сразу его в оборот взяла. «Трави! Сама вниз спускаться желаю!..»

Иван Иванович, хмыкнул, вспомнив испуг, который испытал, когда нашел ее без чувств в поганой навьей пещере. Он тогда такую защиту вокруг барышни возвел, что на прикрытие кавалерийской атаки хватило бы, чуть свежеспасенного котенка волной не пришиб. Но поганость места оказалась преувеличенной, даже остаточной магии не хранили древние стены. Зорин исследовал пещеру тщательно, время от времени проверяя пульс и частоту дыхания девушки. Котенок, которого Серафима во время приступа прижимала к груди, поначалу шипел и пытался укусить, но, убедившись, что вреда его спасительнице никто не причинит, успокоился и даже позволил почесать за ушком.

Пещеру не использовали по назначению уже лет сто или того больше, стало быть, представляла интерес она только для ученых-этнографов, которые с превеликим удовольствием примутся выяснять, каким образом в стародавние времена нави добрались со своих болот на далекий северный остров. Статский советник этнографом не был, поэтому обозвав кота Гаврюшей, решительно засунул того в карман сюртука, а Серафиму Карповну подхватил на руки. Легкая она была, но довольно вещественная, Иван Иванович ощутил одновременно все девичьи изгибы, и локон защекотал ухо и кожу за ним.

Сдернутый полог защитного заклинания воздушным крылом подбросил его вверх, взбираться по веревке не хотелось, хотя удержать Серафиму Зорин мог бы и одной рукой.

Уже на твердой земле Ивану Ивановичу пришло в голову, что явиться пред очи курортной публики с этой вот кукольной Серафимой никак не возможно. И дело было не в приличиях, а в том, что вызывать всеобщее любопытство в его планы пока не входило. Он даже одежду себе подобрал для

утренней прогулки именно с этой целью, неприметную, нисколько ему не шедшую, и пробирался местами малолюдными, решив на всякий случай сначала осмотреться на предмет руянской местной магии.

— Очнитесь! — Он встряхнул барышню Абызову, будто крикливого младенца. — Ну же, придите в себя.

В кармане заворочался Гавр, Зорин его выпустил, для чего пришлось прижать к себе Серафиму одной рукой. Лицо девушки было безмятежным, лишь угольно-черные ресницы слегка дрожали.

— Вы спите, Серафима Карповна, — сказал Иван, — это уже не обморок. Просыпайтесь!

Он зачем-то подул ей в лицо, убирая упавшую на лоб прядку. Девушка тихонько засопела, сморщив носик, что-то пробормотала и зарылась головой Ивану Ивановичу под мышку.

Зорин даже улыбнулся тому, как удобно совпадали в пространстве их с Серафимой тела, а затем присел на ближайший валун, чтоб осмотреть девушку магически. Причина столь глубокого сна могла лежать именно в этой области.

Все было чисто, даже преувеличенно, будто недавно кто-то снял с барышни Абызовой любые чародейские следы. Так не бывает. Берендийские девы волшебу уважают: гадают на суженого, пьют зелья и носят амулеты для красоты или чтоб снять недомогания, даже простейший светильник оставляет на теле легкий недолгий след. На Серафиме ничего этого не было. Зорин призвал больше силы. Снятое смертное проклятие, гадкое, недоброе, которое должно было вызвать женский недуг. Снято умело, хорошим чародеем. Бессчетное количество мелких сглазов и проклятий. Ну это дело понятное, у барышни Абызовой завистниц должно быть превеликое множество. Следов нейтрализованных любовных приворотов Зорин насчитал семь, эти были свежими, за последнюю неделю, более старые он считать не стал. Вот теперь все было правильно. Серафима Карповна Абызова оказалась вполне обыкновенной берендийской девицей, а то, что пользует ее хороший чародей, тоже вполне обыкновенно, с деньгами папеньки Абызова она может себе это позволить.

И чародея может позволить, и князя...

Ивану Ивановичу стало любопытно, что она будет делать, когда узнает о существовании заморской принцессы, князю Кошкину в жены обещанной. Причем в результате этих действий он ни на мгновение не усомнился.

Котенок, все время осмотра сидящий на соседнем валуне с неподвижностью статуи, предупредительно зарычал. По тропинке к ним приближался припадающий на правую ногу старичок.

— Я лекарь, — сообщил он издалека. — Вам нужна помощь?

А после они с добрейшим Карлом Генриховичем доставили госпожу Абызову в личные апартаменты, занимающие половину второго этажа отеля «Чайка».

Мария Анисьевна Неелова Зорину чрезвычайно понравилась. Статная берендийская красавица, сероглазая, круглолицая, со спокойным достоинством в движениях и неторопливой размеренной речью. Он слегка повалял дурака, изображая добродушного недалекого увальня, одновременно прощупывая няньку на предмет чародейской силы. Ничего особенного не виделось, но хороший чародей свои силы от прочих прекрасно скрывать умеет. Как вот сам Иван Иванович сей момент, и копнуть поглубже госпожу Неелову не мог, чтоб самому не раскрыться. Но, если не Маняша хозяйку защищает, тогда, наверное, у барышни Абызовой мощный амулет под подушкой в спальне припрятан, решил Зорин. А после решил в исследование быта этих двух женщин не углубляться. Любопытство свое счел неуместным мальчишеством, поэтому попрощался, на продолжение знакомства не рассчитывая.

Перед обедом выяснилось, что инкогнито сохранить не удалось. Управляющий велел подчиненным обслуживать столичного чиновника по высшему разряду, те принялись величать Зорина его высокородием и кланяться чуть не в пол, на корню сорвав маскировку. Поэтому Иван Иванович сменил свой удобный мешковатый охотничий костюм на пристойную пиджачную пару и успел за полчаса свести с десяток курортных знакомств.

Когда он уже направлялся в столовую, туда, где за широко открытой дверью виднелись накрытые к трапезе столы, с вершины растущей в кадке у стены пальмы под ноги ему спрыгнул полосатый взъерошенный Гаврюша.

— Авр-р! — прикрикнул котенок и, отбежав к двери на улицу, снова зарычал.

— Надо так надо, — пробормотал Иван и повернулся спиной к обеденной зале.

На ступенях ему пришлось задержаться, беглого кота преследовала обозленная отельная горничная. Зорин отпустил девушку, заверив, что ее помощь не понадобится.

Гаврюша несся по дороге, лавируя меж гуляющей публики, как полосатый мяч. Ивану Ивановичу пришлось поотстать. Не бежать же сломя голову, право слово.

Серафиму он заметил издали, хоть и платье на ней теперь было скромно-неприметное, и кудри свои барышня Абызова безжалостно спрятала под плотной шляпкой. Рядом у ног хозяйки сидел Гаврюша, а напротив стояла незнакомая Зорину высокая худая блондинка. Серафима что-то горячо говорила, потом энергично встряхнула собеседницу за запястья и юркнула за ближайший куст. Котенок шмыгнул следом. Блондинка обернулась к компаньонке, столь типичной французской гризетке, будто она минуту назад сошла с театральных подмостков.

Эти барышни, Иван Иванович определил их как госпожу Бобынину и горничную оной, его не интересовали, а вот куст, у которого расположились девицы, интересовал чрезвычайно. Прогулочным шагом приблизившись, Зорин вежливо поклонился, сняв шляпу. Корректное молчаливое приветствие. За кустом начиналась тропинка, уходящая за вершину заросшего ежевикой холма.

— Мы, кажется, встречались, — вдруг сказала Наталья Наумовна. — Вы — сослуживец Семена Аристарховича Крестовского?

— Зорин Иван Иванович. — Иван вновь поклонился.

— Я — Натали. Нас представляли друг другу на именинах Софьи Аристарховны.

Именины Иван помнил смутно, тем более что те, на которых он присутствовал, праздновались лет пять тому назад, и полсотни разновозрастных девиц, Сонечкиных подружек, слились в его памяти в один пестрый визгливый круговорот.

— Наталья Наумовна! — всплеснул он руками. — Какое невыразимое счастье...

Фраза осталась незаконченной по причине невозможности выразить невыразимое.

— Столько лет прошло... — Барышня Бобынина тоже знала толк в полунамеках.

Зорин боролся с искушением невежливо ломануться в кусты, но Наталья Наумовна уже взяла его под руку. Гризетка что-то шепнула госпоже, махнув в сторону, где к ним по дорожке приближалась стайка щебечущих барышень.

— Расскажите мне, как поживает Сонечка? — Барышня Бобынина увлекла Зорина туда, куда он и сам хотел увлечься. — Давайте прогуляемся, Иван Иванович, насладимся нетронутой прелестью дикой природы. И вы мне все-все расскажете.

Тропинка была узкой, идти приходилось вплотную прижавшись друг к другу. Острый локоток Натальи Наумовны вонзался в бок Зорина при каждом шаге. Невзирая на означенные трудности, беседа текла легко и непринужденно. Удовлетворившись сообщением, что Софья Аристарховна прибывает в полном здравии, Наталья Наумовна стала беседовать о себе.

Иван Иванович сочувственно хмыкал, разбавляя этими звуками нескончаемый монолог о страданиях тонкой чувствительной души в страшной косности современного мира. Через четверть часа Зорину было предложено называть барышню Бобынину Натали.

Он приоткрылся, прощупав собеседницу. Чародейкой она не была. Гризетка же Лулу кое-что умела, причем такое, за что, будь они сейчас в Мокошь-граде, Зорин арестовал бы девку не задумываясь. Порчи да проклятия. За такое и на каторгу отправить не грех.

— Деньги, Иван Иванович, — вещала Наталья Наумовна, — это демон, захвативший неокрепшие души. В современном нашем обществе ни чистота родословной, ни репутация уже ничего не значат!

Зорин направил прогулку немного правее знакомой ему тропы. До его усиленного волшбой слуха доносилось все, о чем говорили у спуска в пещеру, каждое слово. Местные парни, уверенные, что самландского диалекта никто не разумеет, не стесняясь, обсуждали внешние стати нанявших их берендийских баб. Потом мужской голос из пещеры прокричал, что в капище не Святовиту служили, а проказничал Крампус, и что, может, он утопленницу к себе уволок. Толмач перевел на берендийский только часть фразы. Серафима горячо заспорила, затем до чародея донесся звук приближающейся кавалькады.

Наталья Наумовна начала чрезвычайно раздражать. Она все продолжала вещать, отвлекая, мешая сосредоточиться. Зорин хмыкнул:

— Да уж... — и потянулся к ней тонкой эфирной струей.

Обеих спутниц он мог бы отключить щелчком пальцев, но тогда пришлось бы после сочинять историю, объясняющую неожиданный парный обморок. Поэтому Иван Иванович поступил как врач или биолог. Барышня Бобынина ощутила неодолимое желание самого физиологического свойства. Наталья Наумовна даже побледнела и закусил губу, сдерживая порыв поудрить носик немедленно. Сбивчиво сообщив в пространство, что дикую природу можно познать лишь наедине с оной, она убежала, прихватив горничную с собой.

Зорин же неторопливо пошел в противоположную сторону и, расположившись в расщелине, смог не только слушать, но и наблюдать общение князя Кошкина и барышни Абызовой. Серафима разыгрывала роль как по нотам. Иван Иванович знал лишь одну женщину, которая могла бы с нею посоперничать в лицедейских способностях. Но та, другая женщина, никогда бы до пошлейшего соблазнения не унизилась, она бы этого Анатоля сначала бросила бы через бедро, а затем еще и в наручники заковала. Серафима же принимала липкие комплименты и отвечала на них дрожащим негромким голосом. Барышня кисейная! Соперников у князя быть не может! Кокетка!

Чародей прикрыл глаза, размеренно задышал, чтоб вернуть душевное равновесие. Злость в волшебстве первейший враг, он еще на войне это понял. Именно во гневе творятся самые черные и непоправимые дела. Ему нет дела до Серафиминых авантюр, они ему неинтересны. Ему интересен лишь князь, и даже не столько он, сколько Лилит, она же Гертруда Зигг, и аффирмация, коей вышеозначенная особа завладела. К завтрашнему вечеру, если поднатужится, можно закончить с проверкой всех новоприбывших на Руян женщин. Для этого ему даже не понадобится обращаться к управляющим других отелей, либо опрашивать местных жителей, сдающих апартаменты классом ниже. Вечером он посетит околоточного, который точно знает здесь всех и каждого. А также расспросит одного о загадочном шалящем Крампусе. Это уже из личного любопытства.

Тем временем князь попрощался с барышней Абызовой и покинул ее, сопровождаемый адъютантом. Нянька вполголоса ругалась, но Зорин слушал не Маняшу.

— Горячая как печка, — говорил ротмистр, — обжечься же можно. Крампус на нее точно глаз положил.

— Сначала я, — князь гаденько хихикнул, — сперва я, а потом пусть Крампус тешится.

В этот момент у Зорина сработало какое-то особое чутье, или инстинкт, или просто удача. Он успел закрыться за мгновение до того, как в пространстве появилась чужая недобрая ищущая чародейская сила.

Ресторанчик Хайманца был обычной приморской корчмой. Ну не совсем обычной. Располагался он на старом нерабочем катере, навсегда пришвартованном к пирсу у западного края прогулочной набережной. На кухне, или камбузе, как это помещение можно было бы назвать, худая белобрысая фрау Хайманц с утра до вечера колдовала над шкварчащими сковородками спина к спине с одним из старших сыновей, который быстро и ловко разделявал свежепойманную рыбу. Разносолов здесь не предлагали. К рыбе можно было взять хлеб и салат, либо только хлеб, либо только салат. А запивать все полагалось светлым местным пивом, которое при клиентах нацеживал из огромной бочки самолично хозяин. Мы поднялись по трапу, герр Хайманц приветливо кивнул. По берендийски он не говорил, но мы вполне обходились языком жестов. Я направилась вглубь катера к лесенке, ведущей на верхнюю палубу. К перилам была прибита табличка, на семи языках сообщающая, что на острове водятся чайки, и клиенты обедают сверху на свой страх и риск. Когда мы с Маняшей посетили это заведение впервые, помнится, немало потешались над этим предупреждением, да и над посетителями, что теснились за двумя узенькими столиками внизу, страдая от чадной духоты. Но это только в первый раз было. Сейчас же я, прежде чем подняться на верхнюю палубу, взяла на руки Гавра и плотно прикрыла его плащом. Птицы при нашем появлении возбужденно загалдели. Я села за ближайший столик, устроив котенка на коленях. Передо мною на столешницу спланировала чайка размером с откормленную курицу, клюв ее, длиной с мою ладонь, глянцево блестел на солнце.

— Пошла вон, — буркнула я и махнула рукой.

Птица вперевалочку приблизилась, склонила голову к плечу, потом истошно крикнула, отлетела на шаг в сторону и уселась, вцепившись в борт кинжальными когтями. Ждет, мерзавка, пока еду принесут. Прилетели еще две чайки, сели рядом с первой. Мытари! Пока свою долю не получают, не отстанут, а не поделишься, налетят стайей, все отберут. Хозяин принес пиво в больших пинтовых кружках. Напиток сей мы с моей нянькой уважали безмерно.

Я отхлебнула, зарывшись носом в пенную шапку, молодецки хмыкнула и рассеянно воззрилась на открывающуюся моему взгляду набережную.

— Так вот зачем мы жизнью рискуем. — Маняша отставила кружку. — Секрет здесь обустроила? Засаду?

— Подумать надобно.

У крыльца постовой службы суетился служивый народ, пара человечков в полицейских мундирах расположилась на ступеньках, раскуривая трубки. Видимо, ожидали сменщиков, если верить списочку, что я на стене кабинета господина Фалька углядела, городских у него в подчинении шестеро. Дверь отворилась, по лестнице спустился местный парень, надевая на ходу картуз. Мыкос, знаток Святovitовых капищ.

— Приведи ко мне сего отрока, — кивнула я няньке.

— Зачем?

— Не зачем, а поспешай!

— Эх, Серафима, — вздохнула Маняша, — знаком мне этот твой тон и нехороший блеск глаз также. Пока до правды не доковыряешь, не успокоишься?

Я молча повела рукою. Мыкос уже отдалился от почты, сейчас он свернет к дощатым мосткам, перекинутым через вымоину, а там, за ними, начинается деревенька, где догнать его няньке будет затруднительно.

— Да иду, иду...

Пока Маняша исполняла поручение, один из младших Хайманцев успел принести заказанные яства. Тарелки были огромными, как и разместившиеся на них рыбины. Я первым делом вооружилась ножом, откромсала от своей хвост и голову и, размахнувшись, подбросила их в воздух. Птицы заорали, забили крыльями, принялись сражаться за добычу.

— Гавр, — я посадила котенка на столешницу, прикрывая от внешней опасности локтями, — рыбки отведаешь?

Тот понюхал, чихнул и с отвращением попятился.

— Тебе есть надобно!

С этим он согласился, васильковые глазищи блеснули, кот зарычал, затем, быстро подпрыгнув, ухватил зубами лапу ближайшей к нам чайки. Птица рухнула на стол, кружки и тарелки разлетелись по сторонам, я вскочила, перевернув лавку. Гавр дернул головой, перехватывая добычу за крыло, когти вонзились в плоть. Он был меньше чайки раза в четыре, но, кажется, его это нисколько не смущало.

— Отпусти! — попросила я жалобно.

— Каков боец, — восхитился за моей спиной младший Хайманц. — Говорят, сонные коты только свежим мясом питаются да теплую кровь пьют.

— Он же маленький еще.

— Да удаленький. — Парень хохотнул. — Да не бойтесь, барышня, я вам сейчас за другим столиком накрою. За этим уже пусть малыш трапезничает. А кровь и кишки я потом подотру.

— Ну уж нет. — Меня замутило, я сдернула с плеча плащ и накрыла им сражающихся. — Если желаешь со мной жить, эти дикие привычки тебе придется оставить. Я, знаешь ли, девушка приличная, меня ливер на платье вряд ли украсит.

Птица притихла, только косила безумным блестящим глазом, когда я выпутывала ее из складок. Веки у нее были розовые, тоже складчатые. Гавр рычал, но когти спрятал, сел чинно, стал вылизывать испачканный пивом и маслом бок.

— Ты, — велела я чайке, — лети!

Приказ мой она выполнила с немалым трудом, помятые крылья никак не хотели слушаться. Наконец поймав ветер, она поднялась в воздух, заложила вираж и полетела от берега. Не лишняя предосторожность. Раненую чайку свои же товарки клювами добьют, а так на каком-нибудь острове в одиночестве у нее неплохие шансы выжить.

— А ты, — я повернулась к Гавру, — ты...

— Ав-р-р, — спокойно сказал кот и подобрал розовым ртом кусочек рыбы. — Авр-р...

Он с достоинством прожевал, глотнул, взял еще кусок.

— Никогда такого не видел, — сказал парень, — чтобы сонные коты человеческую пищу принимали.

— Отчего же сонные? — Я пересела за соседний столик, с удивлением замечая, как все окрестные чайки покидают палубу, разлетаясь в разные стороны. — Разве эта порода не камышовый кот называется?

— Камышовый тот бурый, — с готовностью ответил Хайманц, — знамо дело, в камышах с такой мастью прятаться сподручнее. Да и помельче они обычно. Этот больше аршина в холке будет, когда в возраст войдет.

— И много у вас на Руяне эдаких сонных котов водится?

— Раньше водились. Последний, еще когда я мальцом был, у дуба обитал.

— У какого дуба?

— Да там, — махнул он рукой вглубь острова, — старое такое дерево у меловой горы. Да вы его сразу узнаете, в тот дуб когда-то молния ударила, да расколола, да старшие наши, не из управы, а которые мудрые, наказали цепями ствол опутать. Баяли, что на том дубу весь Руян держится.

— А кот ходил по цепи направо да налево и сказки рассказывал? — Я приподняла скептически брови.

— Нет, — покачал парень головой, — говорящий перед ним был, еще до моего рождения.

— Ты мне, мил-человек, правду рассказываешь или байки для приезжих?

Хайманц расхохотался:

— Теперь-то брехать зачем?

— Теперь?

— Ну раз вы, барышня, живого сонного кота где-то достали, да он у вас с рук ест, значит, вы барышня непростая. Знаете, богиня раньше была, Дзевана прозываемая? Вот у нее-то в свите сонные коты и служили.

— Нескладно получается. В старину у вас здесь Святовиту поклонялись.

— Да мало ли кому тут раньше капища возводили, — махнул рукой парень. — Остров древний, когда-то волшебством по самую макушку полный. Ежели бы вас Святовит отметил, он бы вам коня послал.

Лошадь мне в хозяйстве была решительно лишней. Мне и кот-то неизвестно для какой надобности. Гавр тем временем вылизал столешницу, не разбирая, где рыба, а где пивные лужицы, и, помурлыкивая, перепрыгнул ко мне на колени.

— Что ж я заболтался, — встрепенулся Хайманц, — сейчас и вам рыбки свежезажаренной поднесу.

— Кстати, — остановила я его движение, — а откуда ты так хорошо берендийский знаешь?

— На материке учился. Да и, барышня, тут все языкам неплохо обучены, курорт все-таки, разный люд приезжает. А ежели кто делает вид, что вас не понимает, так это чтоб с разговорами не приставали.

Он развернулся, переждал поднимающихся по лесенке Маняшу с Мыкосом и что-то быстро протарахтел последнему, кивая на Гавра, лежащего на моих коленях.

— Еле догнала. — Отдуваясь, Маняша, присела, отодвинула носком башмака посудный черепок, — еще и идти супостат не желал, денег посулить пришлось.

— Не нужно мне платить. — Мыкос снял с макушки картуз и сел напротив, положив его на стол. — Спрашивайте, что хотели.

За прошедшее с нашей последней встречи время в языках хитрец преуспел. Я только диву давалась, как нас, пришлых, здесь обманывают.

— Что у тебя околоточный надзиратель вызнать хотел?

Этого вопроса парень не ожидал.

— Так место только. Он собирается эту пещеру стеной заложить, чтоб отдыхающих не распугивать.

— А оно распугать может?

Он кивнул.

Предосторожность околоточного мне была понятна. Они все здесь с нас кормятся, большая часть местных при отелях да ресторациях или каменные поделки на каждом углу продают. Меньше народу придет, меньше прибыль. Так что у любого островитянина интерес сохранить доброе имя Руяна прежде прочих стоит.

— И чем же эта пещера так плоха?

— Крампус в ней шалит.

Еще один древний бог? Не многовато ли их для одного дня? Я кивнула, побуждая собеседника продолжать.

— Старшие его боялись, не почитали, а... опасались как бы. Говорили, что он до девок охоч, но не до всех, а только до тех, кого богиня отметила.

— Дзевана?

Тут нам пришлось прерваться, потому что младший Хайманц заскрипел лестницей, принявшись затем расставлять на столе тарелки. Перед Мыкосом также очутилась и рыба, и пиво в кружке.

— Тебя звать-то как? — спросила я парня.

— Костас, — ответил тот и пододвинул к столу табурет, присаживаясь с нами. — Слышу, тут про Крампуса разговор зашел?

— Барышня его пещеру отыскала. — Мыкос отхлебнул пиво и прищурил в удовольствии светлые глаза. — Ей еще там баба какая-то привиделась, так она нас заставила ту бабу спасать.

Хайманц невежливо заржал.

— Позвольте узнать, господа, — проговорила я, — о причине этого невероятного веселья.

— Если вы, барышня, желаете эту женщину наяву повидать, вам не здесь искать надобно.

— А где?

— Да где угодно. Она сейчас хоть на другом конце империи в глубочайшем сне пребывает. — Тут Костас запнулся, помолчал и продолжил другим тоном: — Простите великодушно, не подумав сболтнул. Где угодно в пределах острова, ибо через морскую воду Крампус бы жертву не удержал.

Маняша все время молчала, но ни словечка не упускала из беседы. Она у меня умница, когда до дела доходит. За разговором мы отобедали, парни принесли себе еще пива, а я не забывала поглядывать на набережную да на почтовое крыльцо. Господин Фальк там время от времени мелькал, деловитый да быстрый, отдавал распоряжения каменщикам, что толкали перед собою пустые пока тачки, отправил куда-то облаченного в мундир служивого. Затем служивый вернулся, да не один, а в сопровождении...

— Маняша, — попросила я няньку, — глянь-ка, не Болван ли Иванович Зорин на randevу к околоточному призван?

— Любопытненько, — кивнула та.

— А не желаешь ли, Мария Анисьевна, после плотного обеда моцион в ту сторону совершить?

— Не откажусь.

Мыкос от денег отказался, Костас тоже попытался, но ему-то мы почти насильно пару ассигнаций всунули.

— Твои родители не обязаны нас бесплатно кормить, — заявила я строго.

Когда мы удалялись от катера, я заметила, что чайки стали опять слетаться на верхнюю палубу.

— Беда с тобою, Серафима, — сокрушалась нянька, крепко придерживая меня под локоть. — Нормальные люди лишь одно дело за раз делать приучены, и только ты в разные стороны мечешься.

«А надо бы вечерком еще в библиотеку наведаться, — думала я про себя, никак на упреки не отзываясь. — Подшивку модных журнальчиков пролистать да разыскать там какую-нибудь изящную штучку, в коей упитанных котиков при себе носить можно».

— Вот и сейчас следовало бы в гардеробной наряды для следующей встречи с князем перебирать, а не...

— Кстати, о нарядах, — оживилась я. — Помнишь, чем бабы загорские младенчиков к себе подвязывают?

— Платом. — В голосе Маняши слышалось напряжение. — А тебе на что?

— Не мне. — Я торжественно предала ей на руки Гавра. — Поворозочки какие себе придумай, или плат новый нарядный прикупи у местных мастериц.

Нянька покорно приняла подношение, лишь зевнувшее розовой пастью.

— Чего еще барышня прикажет? Чепчик там какой младенчику спроворить или пинеточки числом четыре по количеству ножек?

Я посмотрела на Гавра.

— Бант, — решила радостно. — Голубого шелку.

— Под цвет глаз. — Маняша разжала руки, упустив котика на землю. — Не калека, чай. Пусть сам ходит.

По кошачьему обыкновению, Гавр опустился на все четыре лапы, слегка спружинив.

Я, по своему обыкновению, объяснила Марии Анисьевне, кто из нас хозяйка. Она, в свою очередь, пригрозила скорой разлукой. Я посетовала на людскую неблагодарность. Она — на барские фанабери. Я...

— Погоди, — перебила она меня на полуслове. — А Гаврюша-то где?

Я заозиралась. Набережная была пустынна. Вдали виднелись какие-то гуляющие, но здесь, да самого домика почты, никого не было. Юркнуть в кусты кот не мог, до кустов аршинов пять отвесной стены.

— Гавр, — позвала я. — Кис-кис-кис... Может, его чайка унесла?

— Ну хоть кто-то его носить захотел. — Нянька запахла на груди шаль. — Да найдется он, чего ты растревожилась. Может, он уже домой потрусил да там в номере нас дожидается. А может, это нам с тобою знак такой, тоже в отель возвращаться.

В знаки Маняша верила истово, в приметы также. Я никогда с нею не спорила, лишь иногда указывая на различную сих знаков трактовку. Вот и сейчас кивнула:

— Истинно знак. У меня питомец пропал. Такая пропажа требует немедленного полицейского вмешательства.

И я решительно зашагала к почте. Теперь можно было не дожидаться господина Зорина, а прервать его беседу с околоточным. Повод был расчудесным.

Городовые, видно, уже отправились патрулировать округу, поэтому остановить нас было некому. Я быстро пересекла коридор, предостерегающе подняла руку, чтоб Маняша пыхтела потише, и приникла к двери полицейского кабинета.

— Ле скандаль, — пробормотала спутница, затем толкнула створку. — Не позорься, нет там никого.

Кабинет оказался пуст.

Куда все подевались?

Маняша вразвалочку прошлась по комнате, заложив руки за спину, с видом скучающим и пресыщенным рассмотрела карты и прочие стенные украшения, улыбнулась портрету государя над письменным столом, затем, решив, видимо, что довольно меня помучила, кивнула куда-то за конторку.

— Тайный ход?

— Тебе тут замок рыцарский, что ли? Подпол там.

— Зачем?

— А я знаю? Только все трое туда спустились: и Иван Иванович, и двое служивых с ним.

— Ты их почуяла? — Я уже обогнула стеллажи и рассматривала крашенные деревянные ступени, спускающиеся в темноту.

— Я тебе собака охотничья, что ли? Почуяла! Да куда им еще деться? Никто из участка не выходил, пока мы прогуливались, стало быть, там они.

— Твой тон, любезная...

— Куда? — Маняша схватила меня за рукав. — Приличнее будет здесь обождать.

Я фыркнула, выдергивая руку:

— У меня наиважнейшее дело, промедление, может, смерти подобно.

Как только подошвы моих туфелек коснулись последней ступеньки, на потолке зажегся желтоватый огонек магического светильника. Коридор уводил в толщу скалы, светильники, расположенные в нескольких шагах друг от друга, зажигались при нашем приближении и беззвучно гасли за спиной.

— Добротно так все обустроено, — прошептала Маняша, — не по-нашенски.

Я сей непатриотичный пассаж оставила без ответа. Становилось все холоднее, дыхание застывало облачками перед лицом.

— Запахнись! — велела нянька.

— Тише! — Я прижала к губам палец, замерла и пошла дальше на цыпочках.

Из-за плавного коридорного изгиба до нас донесся густой бас господина Зорина.

— Я, в свою очередь, могу вас заверить, что никаких препон вам чиниться не будет...

— Ваше высочорodie!

— Йосиф Хаанович, мы же договорились с вами без чинов...

Тон у Зорина был в этот момент мне непривычен. Куда подевалась его простецкая жизнерадостность? Я выглянула из-за угла, уткнулась в мундир городского и отшатнулась обратно.

— Мое задание исполнено, — продолжал Зорин, — во многом благодаря четкости ваших, Йосиф Хаанович, действий. По возвращении в столицу я подготовлю приказ о вашем награждении. Прочие действия оставляю на ваше усмотрение.

Я ловила каждое слово, прижавшись спиной к холодной стене, а плечом к теплому Маняшиному боку. Мне было так любопытно, что я даже дышала через раз. Зорин — полицейский? Иначе как он собирается околоточного награждать? А за что? Говорите, ваше высочорodie. Не стесняйтесь!

— Это что это тут? — Городовой, видно привлеченный мельтешением магических светильников, вышел из-за поворота.

— Ля скандаль, — ахнула Маняша.

— Помогите! — Эхо моего вопля вернулось к нам многократно. — Ограбили! Имущества лишили! Ваше благородие! Питомец пропал!

Городовой был сметен моим напором еще на «ограбили!», а я ринулась в бой:

— Йосиф Хаанович!

Коридор заканчивался большой залой с беспорядочно стоящими в ней диковинными столами. У ближайшего стояли околоточный с Зориным.

— Барышня Абызова?

А я замерла, не в силах продолжать представление. На столе лежал покойник. Женщина, прикрытая до подбородка белой простыней.

— Как можно. — Гнум заступил мне путь, я легко обогнула его.

Каштановые длинные волосы, высокие скулы, длинные ресницы отбрасывают тень на восковую кожу, брови густые, соболи.

— Мяу, — всхлипнула я. — Вот мы и встретились, страданица. Бедная ты, бедная...

Нянька заглянула через мое плечо, затем обняла, утешая.

— Вы утверждаете, госпожа Абызова, — скрипуче спросил околоточный, — что именно эту женщину нашли сегодня утром?

— Утверждаю.

Я распрямилась, взяв Маняшу за руку.

Гнум покачал головою:

— Уверю вас, что сие никак не возможно.

— Отчего же?

— От того, что тело обнаружено ночным дозором третьего дня. Или вы, барышня, мертвых...

Он запнулся, затем дернул простыню. Нянька зашептала молитву, я уголком глаза заметила, что господин столичный чиновник смотрит на меня не отрываясь.

Господин Фальк наклонился над столом. Покойница была без одежды, околоточный внимательно, вершок за вершком, исследовал ее. Как барышня приличная, я должна была бы сей же миг упасть в пронижновенный обморок, но я как замороженная смотрела.

— Задача решена! — Наконец провозгласил гнум и ткнул пальцем к красноватое пятнышко у щиколотки. — Покойная девица Зигг была ведьмой, а всем известно, что порода сия и после смерти способна некоторое время существовать в виде неких эфирных эманаций.

Он посмотрел на Зорина, ожидая восхищения, тот кивнул, видимо, принадлежал к сонму этих «всех, которые знают».

— А Серафима Карповна, — Фальк поклонился в мою сторону, — являясь барышней современной, следовательно нервической и мечтательной, эту эманацию уловила.

Маняша сильно сжала мою руку.

— Девица Зигг? — переспросила я.

— Гертруда Зигг, прибывшая на Руян первого жовтенья, как следует из учетных книг.

Зорин многозначительно кашлянул, видно намекая гному, что красоваться, делясь со штатскими барышнями служебными секретам, несколько неуместно. Околоточный намек понял, засуетился, накрыл покойницу простыней, широким жестом указал к выходу:

— Прошу, дамы и господа, пройдемте в кабинет. Барышня Абызова, не будете ли вы любезны мне протокольчик подписать? Наш лекарь-то, оказывается, при осмотре напорточил, метку просмотрел. Так мы его к ответу...

Я обернулась к накрытому телу, прошептала:

— Покойся с миром, сестра.

Коридор замельтешил потолочными огоньками.

— Позвольте полюбопытствовать, — Зорин шел чуть позади, — почему вы назвали ее сестрой? Вы тоже ведьма?

— Я тоже женщина, — отрезала гордо, — и все мы сестры.

— Где-то я это уже слышал. Вы суфражистка?

— Это допрос, господин полицейский?

— Я пока не получил ни одного ответа.

— Нет, я не ведьма и, боже упаси, не какая-нибудь эмансипе! А вы?

Резко развернувшись, я ткнула пальцем ему в грудь.

— Я тоже! — Он приподнял руки, будто сдаваясь на милость победителя.

— Что — тоже? Не эмансипе? Не ведьма? Кто вы, господин Зорин?

— Ваше высококордие! — Фальк взывал из кабинета.

Я вдруг поняла, что все уже поднялись, оставив меня наедине с этим, как оказалось, незнакомцем.

— Мы будем через минуту, — ответил Зорин громко, рассматривая со вниманием мой указательный палец, затем поднял лукавый взгляд. — Я, драгоценнейшая Серафима Карповна, персона для вас прискорбно неинтересная, приказной чиновник не самого высокого полета.

«Это высококордие-то? — саркастично подумала я. — Ну да. У самой земли, господин статский советник, летаете».

Мне вдруг почудилось, что от его груди на мою руку перекинулась маленькая злая искорка, кожу кольнуло. Я отдернула ладонь и спрятала ее за спину. Зорин покачал головой, будто удивляясь дамской порывистости. Ну и ладно, сошка так сошка. В одном эта сошка права, неинтересна она мне, прискорбно неинтересна.

Я кивнула, заканчивая беседу и, развернувшись, поднялась по ступеням.

Пока господин Фальк составлял протокол, я скучала в кресле для посетителей, а Маняша развлекалась беседой с Иваном Ивановичем в противоположном конце кабинета. Говорили они негромко, но увлеченно. Я зевнула украдкой, отметила сумрак, сгущающийся за окошком, затем спросила:

— Ваше благородие, а что дальше с этой госпожой Зигг будет?

— С покойницей-то? Полагается до семи дней родственников либо опекунов дожидаться. Если не дождемся, сами земле предадим, тоже как положено.

Он опять заскрипел пером по бумаге.

Надеюсь, в награду, которую ему Зорин посулил, самописец войдет, потому что с чистописанием у гнума ладилось не особо.

— Погодите, — на кончике пера повисла чернильная капелька, — Йосиф Хаанович, вы же только что определили, что убиенная являлась ведьмой.

— Земля всех стерпит.

Капля сорвалась, оставив на бумаге кляксу. Околоточный ругнулся, я решила более с разговорами не мешаться. Наконец мне вручили протокол, который я прочла со вниманием, хоть и присутствовала при рождении каждой его буквы.

— А причина смерти вами уже установлена? — спросила я, выводя вензеля личной подписи.

— Сие, барышня Абызова, есть тайна следствия, — строго отвечал Фальк, но, умилившись от моей просительной гримаски, кивнул. — Утопла она.

— Сама или помог кто?

— Следов на теле никаких нет, чтоб на драку либо удушение показывали. Думается... Но позвольте, Серафима Карповна, возможно ли столь юной особе про эдакие кошмары слушать?!

Я вздохнула. Скорее бы уже стать почтенной матроной. Затем, сложив перед грудью руки, закатила глаза:

— Ах, ваше благородие, надеюсь, в вашем лице я имею удовольствие видеть гнума самых передовых взглядов. Не разбивайте моих надежд. Поделитесь своими размышлениями и...

В этот раз кокетство опять сработало.

— Вы же ее видели, покойницу? Пловчиха она была, судя по мускулатуре, отменная. Сразу по приезде отправилась саженьками море мерить да сил не рассчитала. В холодной воде осторожнее быть надо. Вот и все, барышня Абызова, что я по этому поводу сподобился измыслить.

Я кивнула с благодарностью и протянула подписанный протокол:

— Надеюсь, за семь дней родственники отыщутся.

Фальк сложил документ в папку и принялся прощаться.

«Бедняжка Гертруда Зигг, — думала я, возвращаясь в отель. — Ты же ведьмой была при жизни. Значит, и на тот свет тебе положено по ведьминским обрядам отправляться. Ведь чем ведьмы от

обычных чародеев отличаются? Тем, что их волшебство от древних богинь идет. За то чародеи их и не любят, потому что сами в природных первоэлементах силы черпают».

Из школьных уроков истории я помнила, что в смутные времена на ведьм целые охоты устраивали. Чародеев тогда тоже особо не жаловали, но им все же полегче жилось. Думаю, по причине самой простой. Чародеи в подавляющем большинстве были мужчинами, а ведьмы — наоборот. Ну и, в отличие от ведьм, чародеев можно было к военному делу приспособить. Также вполне мужская причина, если рассудить.

Ну да не время сейчас мне на всемирную несправедливость сетовать. Знала бы, как этой Гертруде помочь, помогла бы, но не знаю. Ведьмы настолько от прочих таятся, что никого в свои обычаи не посвящают. Потому и обладаем мы лишь самыми общими о них сведениями. О ведьминской метке, к примеру. Это потому, что пресловутую эту отметину просто увидеть можно: яркое родимое пятно, формой одну из рун повторяющее.

Я обернулась к Маняше, та следовала за мною в компании галантного Болвана Ивановича. Их заинтересованность друг в друге меня почему-то раздосадовала.

— Мария Анисьевна, — строго позвала я, — у меня ножки устали, поди сюда, я тебя под руку возьму.

— Да вон уже нашу «Чайку» видно, — сахарно ответила нянька и подхватила мой локоть. — А Иван Иванович с рассветом с Руяна отбывает.

— Ну так давайте прощаться! Маняша, я спать хочу.

— И представь себе, чадушко, Иван Иванович в чародейском приказе службу нелегкую несет.

Я взглянула на его высокородие:

— Чародей? Что ж вы, господин чародей, поганую ведьму сразу не спалили?

— Преследование ведьм в нашей империи, драгоценная Серафима Карповна, законами запрещено, — напевно пробасил Зорин.

— А отчего же вы тогда следствие по всей форме не проводите, слуга закона?

— Оттого, что оное в компетенции дражайшего господина Фалька, а я, — он похлопал себя по нагрудному карману, — не уполномочен.

Значит, прибыл сюда сыскарь чародейский именно по Гертрудину душеньку, то есть за некоей вещью, которую она при себе имела. Вещь он с гнума требовал, задание исполнил.

Я кивнула в ответ на приветствие, коим удостоилась от тучной госпожи Шароклякиной, с которой мы обычно встречались за обеденным столом.

— Трапезу извольте пропускать, Серафимочка, — погрозила матрона пальчиком, а глазки ее стрельнули в Зорина восторженным залпом.

Почему-то пухлые дамы именно такой типаж мужчин предпочитают, видимо, в тщетной надежде выглядеть крошкой на фоне плечистого здоровяка.

Иван Иванович с поклоном представился, Шароклякина произвела контрольный выстрел.

«Если бы полномочия Болвана Ивановича простирались чуть дальше, он собрал бы на Руяне неплохую коллекцию поклонниц», — подумала я зло.

— А вас, Серафимочка, кухня разыскивает, — не глядя на меня, сообщила собеседница и продолжила мoción, переваливаясь, как очень упитанная лань.

Я потащила Маняшу в отель, пока та не принялась отвешивать Зорину поясные поклоны и целоваться троекратно по-берендийскому обычаю на прощанье. Ненавижу прощания.

Иван Иванович, оставшись в одиночестве, сначала попытался испытать удовлетворение от того, что работа его здесь закончена, не преуспел и предпринял неторопливую прогулку вдоль берега моря. Аффирмация, запечатленная на берестяном лоскуте, похрустывала в нагрудном кармане. Что-то его, Зорина, тревожит, что-то неявное, упущенное. Он размышлял в такт шагам, позволив мыслям течь свободно и бессистемно. И так, труп злосчастной танцовщицы в покойницкой местного приказа. Сие прискорбно, но сам факт смерти подозрений не вызывает. Околоточный осмотру тела не препятствовал, и Иван Иванович провел его по всем правилам. Гертруда была ведьмой? Дело

обычное. Много их обретается в пределах Берендийской империи, можно сказать, без счета. В любой деревеньке некая бабка что-то там ведает, или девица, привораживая суженого, вдруг ощущает зов одной из древних богинь. Больших ковенон Иван Иванович не знал, но они, скорее всего, тоже существовали. Дамочки обожают в кружки собираться, тем более ведьмы. В своих скитаниях по каменистым холмам Руяна Зорин заметил пару-тройку мест, где явно проводились обряды. И это тоже не удивительно. Древний остров, полный если не силы, то отголосков оной, должен к себе эту ведовскую породу манить. Слетаются небось, как мотыльки на огонь, чтоб танцы при полной луне устраивать да в ночной воде резвиться.

Представления об обрядах ведьм у Ивана Ивановича были самыми что ни на есть общими и несколько фривольными. Ибо в профессиональном смысле этот вид магии его не интересовал, по общему мнению, могли ведьмы чуть больше, чем ничего.

Но князь Кошкин вручил свою аффирмацию ведьме. Зачем? Как знак любви?

Зорин наблюдал ухаживания сиятельного Анатоля, они убедительно свидетельствовали о невозможности глубоких чувств в груди этого фанфарона.

Пожалуй, его тревожит сам князь, а точнее, его разговор с адъютантом, услышанный на берегу. Что-то про Крампуса, который должен заинтересоваться горячей девицей. Ночной демон Крампус. О нем Иван Иванович некогда слыхивал, в детстве босоногом от дворовой Пелагеи, которая развлекала ребятню сказками по вечерам. Вот она, Пелагея, как раз ведала, ее метка на щеке алела. Крампус, по ее словам, до девок охоч был зело, поймает какую девицу да в сундук свой запрет, только не телесно, а будто бы душу отделит. Вот пока душа в том сундуке томится, дева в миру чахнет, пока до смерти не зачахнет. Ванечке, помнится, странной эта охота казалась и не страшной ни капельки. «Три года — зима по лету, три года — лето по зиме, три года — само по себе, — завывала Пелагея, тараща глаза. — А как три раза по три соберет, так в силу войдет и за крещеный люд примется, кровопивец».

Зорин улыбнулся, припомнив визжащих от страха деревенских девчонок. Тем-то было чего опасаться, сказано же, только до женского полу демон охоч. С месяц еще любой чих подозрения в чаклости вызывал. Потом, конечно, забылось, детская память короткая.

Кошкин, Крампус, ведьма... Эх, жалко, времени на расследование нет. Занятое дело могло бы получиться, дернуть за ниточку, распутывая клубок, местных бирюков расспросить, к дамочкам присмотреться...

Иван Иванович развернулся на каблуках и решительно последовал в сторону рыбацкой деревеньки.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,

в коей обсуждаются стати настоящих берендийских богатырей, Серафима умиряет горничных и демонов, а Зорин любит стихи

Во-первых, надо выбирать девицу не моложе двадцати пяти лет, ибо очень молодые девицы почти всегда бывают ветрены, непостоянны и капризны. Так как глаза у женщин отражают характер, то нужно искать у выбираемой невесты голубые глаза, так как такой цвет глаз означает тихую покорность мужу, безграничную любовь и верность...

Проснулась я с тяжелой головой. А все пиво, зелье басурманское, вроде всего ничего давеча отхлебнула, а ночь получилась беспокойной. Еще и Маняша с идеями своими...

Вечером все неплохо казалось. В отель без приключений добрались. Гавра более искать не пришлось. Сидел разбойник под дверью, нас ожидая, после, войдя в комнаты, принялся и улегся в изножье кровати, демонстрируя решимость более ни на вершок не сдвинуться.

Пока Маняша меня по обычаю ко сну готовила, я проглядывала карточки на серебряном подносе. Букеты-то в апартаменты горничным вносить запрещено строго-настрога, духота от них, да и вид больно оранжерейный, а сопроводительные записки до меня доходят. Обычно там мало что любопытного: комплименты да стишата. Почему-то считается, что юные девы до поэзии охочи. Спорить не берусь. Лишь предположу, что не до всей. Да если бы мне по копейке за каждые прочитанные «ланиты» платили, пламенеющие либо, напротив, бледные, я на гривенник сегодня богаче бы стала.

— Князь-то не отписался еще? — Маняша как раз закончила сливать воду через уголек и пригласила меня к умыванию.

— Нет. — Я склонилась над тазом, ощущая пресловутыми ланитами ледяную свежесть ключевой водицы.

— Может, поторопить его?

Я фыркнула, покачала головой и утерлась изнанкой сегодняшней сорочки:

— Никогда и никого Серафима Абызова не привораживала.

— Так я не про приворот речь веду. — Маняша осмотрела влажные следы на шелковой ткани и отбросила сорочку в белезнярку, после горничные прачкам отдадут. — Наведаюсь к сиятельству по-свойски да нашепчу что следует. Я могу, ты знаешь.

Она могла, я знала. Поэтому строго приказала:

— Даже не думай.

Нянька поджала губы.

Обыкновенно у нас с нею другая сторона запреты раздает. Что на нее нашло нынче? Сама же говорила, что князь противный. Может, она не нашептать ему хочет, а, напротив, расспросить? А может, вовсе не к Анатолю наведаться хочет?

Размышления свои я немедленно озвучила.

— Не хочешь, не надо, — ответила Маняша, — была бы честь предложена!

Она, демонстрируя раздражение, зазвенела посудой. По спальне поплыл уютный дух распаренной в кипятке мяты. Противный, к слову, запах, но привычный, оттого правильный. Вот замуж схожу, немедленно привычки поменяю. Буду перед сном какао требовать, и непременно чтобы с французскими зефирками в нем. Это лакомство такое, навреде пастилы, только туда, кажется, вместо меда сахар подмешивают. Ни меда, ни мяты у меня водиться не будет.

Присев к столу, я выпила сдобренный медом отвар. Гадость!

Гавр на постели дремал, урчал по-кошачьи да дергал кисточками ушей, когда нянька взбивала мне подушку.

А утро встретило меня мигренью. Маняши рядом не оказалось.

Поначалу тревоги я не ощутила, тихонько побрела в уборную, постанывая при каждом шаге, думала еще, что надо бы пастилку от головы какую употребить либо настойку, пиво давешнее обвиняла. Гавр, сопровождающий меня в сем походе, удостоился шиканья и приказа не топтать. После,

вернувшись в постель, дернула шнурок колокольчика, призывая отельную службу. Горничная отвратительно жизнерадостным шепотом (тоже шикать пришлось, чтоб не орала) сообщила, что Марии Анисьевны не видала, а кофей сей же миг будет мне поднесен.

— И булочек к нему, — простонала я, откинувшись на подушку.

После кофе со сдобой стало полегче. Гавр с благосклонностью выхлебал поданную ему плошку молока и от булочки тоже не отказался, подпрыгнул свирепо, изображая охоту на мякиш с последующей славной викторией. Тоже мне, охотничий кот.

Мы подождали Маняшу, пока отельный гонг не предупредил о скором завтраке. Платье висело на плечиках в гардеробной. Я облачилась самостоятельно, радуясь, что голова почти не болит. Наверное, нянька поутру решила прогуляться, и мы встретимся с нею за трапезой.

Есть не хотелось, я морщилась от кухонных запахов, вежливо отвечая на приветствия. Госпожа Шароклякина уселась напротив, указала вопросительно на пустующий по правую руку от меня стул:

— Где же ваша дуэнья, Серафимочка?

Ответа ей не требовалось, далее без паузы мне сообщили о молодецкой выправке встреченного со мною давеча кавалера. Я только закончила пожимать плечами на вопрос о Маняше, поэтому вторичное пожимание выглядело несколько нелепо.

— Настоящий берендийский богатырь. — Шароклякина закатила глазки. — А уж любезный какой!

Я хмыкнула, поглядывая на дверь. Где ее носит, няньку мою?

В проеме время от времени возникали то припозднившиеся к завтраку гости, то служба. Уже все столики были заняты, свободное место подле меня было единственным в зале.

— Доброго утра, дамы. — У стула воздвигся настоящий берендийский богатырь, излучая свою болванскую любезность. — Позвольте?

Я не позволила. Шароклякина, напротив, закудахтала приглашение. Во внимание было принято последнее. Зорин уселся основательно, улыбнулся Шароклякиной, назвав ее по имени отчеству, представился пожилой чете Сиваковых и их лупоглазой Аннушке.

— Утренний паром отменили? — Спросила я, когда господин Сиваков закончил ответное представление.

Служил он по научной части при академии, чем немало гордился. А Аннушка, сейчас покрасневшая от неожиданного соседства, полгода назад обручилась с одним из тятенькиных студентов.

— Простите? — Зорин склонил ко мне голову, затем, улыбнувшись, протянул: — Гаврюшенька!

Кот, до сего момента тихонько сидящий под столом, уже устраивался на коленях Ивана Ивановича.

— Вы же на рассвете отбыть собирались.

— Передумал. — Зорин воровато озирался, прикрывая полосатого разбойника краем скатерти.

Далее пояснять он не стал, сделал заказ официанту, приласкал Гавра, просиял, узрев Наталью Наумовну, поклонился ей через залу. Неужели причина в моей кухне?

Сегодня она была чудо как хороша. Бледно-лиловое платье дополняли лиловые же ленты в белокурых волосах, уложенных сложной прической. На минуточку я ощутила себя замарашкой, ибо все, на что сподобилась без помощи, вколоть в шевелюру дюжину шпилек.

— А Мария Анисьевна... — чуть приглушил сияние Болван Иванович.

— Захворала, — любезно перебила я его. — Вы бы Гавра отпустили, прочие гости могут недовольство живностью за столом испытать.

Прочие гости выразили удовольствие от живности за столом. Аннушка даче изрекла тематический вирш о «котике белые лапки». Ну хоть ланиты там не упоминались, и то хлеб.

Я снесла макушку вареного яйца одним резким ударом. К несчастью, места за столом было столь мало, что мой отведенный локоть абсолютно случайно вонзился в бок соседа.

— Прошу прощения.

— Пустое. — Зорин отобрал у меня столовый нож. — Позвольте вам помочь, Серафима Карповна.

Я с недоумением уставилась на свои дрожащие руки.

Где же Маняша?

Время тянулось невыносимо медленно. Я растерзала ложечкой яичный желток, выпила кофе со сливками и сахаром, затем просто кофе, искрошила рогалик. Господин столичный чародей ухаживал за мною с видом сестры милосердия.

Когда первые гости, закончив завтрак, двинулись к выходу, я, сообщив, что желаю пройтись, поднялась из-за стола. Действовала я сейчас на грани приличий.

— Приятного аппетита, — отложил салфетку Зорин. — Также вынужден откланяться, дамы, господин Сиваков.

Гавр семенил у ног чародея как собачонка.

— В сопровождающих нужды нет, — раздраженно бросила я у двери.

Зорин ответил мне удивленным взглядом, а затем, раскланиваясь, пропел:

— Наталья Наумовна-а!

Кузина оторвалась от любования чахлой пальмой в кадке, вполне достоверно изобразив удивление встречей. Интересно, а шляпка лиловая, которая сейчас украшает головку прелестной Натали, где пряталась? Ну не в кадке ведь, правда?

— Иван Иванович! Фимочка! Почему ты без Маняши?

Пришлось исполнять девичьи приветственные поцелуи.

— Она инфлюэнцей терзается.

— Так и сидела бы с ней в номере, и завтрак туда же заказала, — прошипела Натали мне в ухо. — Одна в обществе! Какой скандал!

Пахло от нее странно, резко и будто мускусно. Не девичий запах.

— Лулу, голубушка, — уже громко сказала кузина, — возьми у меня в шкафчике притирку аптечную, ту, что с желтой этикеткой, да снеси в апартаменты Серафимы Карповны. Пусть Маняша эту мазь в грудь втирает, чтоб хворь ушла.

Горничная присела в книксене и посеменила к лестнице.

— А ты, Фимочка, нянюшке от меня кланяйся да пожелания здоровья передай.

Я рассыпалась в благодарностях и заверениях. Маневр кузины был понятен, она хотела тет-а-тета с «настоящим берендийским богатырем». Я, значит, с ее гризеткой на пару, к Маняшиному воображаемому одру, а она в бой.

— Ах, какие нынче погоды, Иван Иванович. — Соловьиная трель Натали мои предположения подтвердила. — Идемте к морю, стихиями любоваться.

Сейчас этот болван вприпрыжку поскачет любоваться. Вот и славно. Я развернулась, делая вид, что возвращаюсь к себе. Пережду минут пять для надежности да следом выскользну.

Так и случилось. Мы с Гавром спустились с крыльца, когда спины наших голубков уже виднелись в конце мощеной дорожки.

— Мне-то без дуэньи в обществе неприлично, — пожаловалась я коту, — а кухне с господином чародеем прогуливаться несколько не эпатажно? Никто никаких несоответствий не замечает?

Гавр не ответил, но мордочка его выражала согласие.

Погода действительно была «ах какая!» Летнее жаркое солнце при абсолютном безветрии. И до самого горизонта серебрилась зеркальная гладь моря.

Если бы у меня была шляпка, я развязала бы сейчас ленты, отпуская их болтаться в такт шагам.

— И ничего, — сказала я Гавру. — Сейчас за кусты свернем, и никто меня простоволосой не увидит. Не было у нас с тобой времени за головным убором вернуться. А если бы нас в номере гризетка Лулу застала? Пришлось бы врать ей что-то, изворачиваться, притирку эту злосчастную нюхать. Что говоришь? Маняша заругает? Так пусть сначала отыщется, а потом и поносит меня по-всякому. Я даже огрызаться не буду, все приму.

Место спуска в пещеру было заметно издалека. Со вчерашнего дня там, видимо, кипела работа. На это указывала перевернутая в кустах тачка, обломки тесаных кирпичей, усеивающие берег и разводы некоей глинистой бурой субстанции.

Я позвала:

— Маняша! Ау!

Гавр подошел к обрыву, заглянул вниз и сел, будто поджидая, пока мне не надоест орать. Надоело не скоро, да и ор дело такое, что полной сосредоточенности не требует. Не прекращая звать, я приблизилась к краю, усмотрела спускающиеся к самому выступу дощатые мостки. Веревки крепились к породе деревянными костылями. Выглядело все надежно, с ненашенной добротностью.

— Авось не сорвусь, — сказала я Гавру.

— Ав-р-р, — ответил тот и попятился.

— Что?

Я отвлеклась всего на мгновение, а когда взгляд вернулся к мосткам, заорала во всю силу легких.

Из-под обрыва вынырнула чудовищная тварь, запрыгнула на берег, клацнули сухие кости, щелкнул птичий клюв, взметнулись многослойные рваные лохмотья.

Отпрыгнув назад, я не удержалась на ногах, упала, приложившись спиной о камень.

Голова твари, гладкая, костяная, болталась из стороны в сторону на тонкой пульсирующей шее, одна рука была гораздо длиннее, на нее чудовище опиралось, помогая себе при ходьбе.

Я засучила ногами в попытке отползти, Гавр молча ринулся в атаку. Эх, болезный, эта чайка тебе не по зубам.

Тварь казалась более-менее живой. Ну, насколько живой могла бы выглядеть лишенная кожи плоть. Прочее было бестолковым соединением высушенного морем и ветром мусора.

Я схватила с земли камень и вскочила на ноги.

Чудовищу удалось обхватить Гавра похожей на птичью лапой, тот завизжал от боли.

— Брось кота! — велела я и бросила камень, который звонко отскочил от костяного черепа.

Рот-клюв раскрылся, выпуская не голос, а какой-то клекот:

— Тепло ли тебе, девица?

— А то! — Этот обломок попал ему в плечо, подняв облачко трухи. — Животину не тирань.

— Тепло ли тебе, красная?

— Ты истопник, что ли? Или за погодой наблюдать приставлен?

Вот если бы попасть в сустав той руки, в которой оно сжимает Гавра...

Котенок затих, тварь поднесла его к раскрытому клюву, я прыгнула, всаживая каблук в опорную чудовищную руку.

Тварь покачнулась, Гаврюша плюхнулся на землю, а я взвыла, когда трехпалая клешня ухватила мое плечо.

— Тепло ли тебе, девица, тепло ли тебе красная?

Было очень страшно и очень больно и воняло гадостно, гнилыми улитками и прелым навозом.

— Пугало ты огородное...

— Три года — зима по лету, три года — лето по зиме...

Пальцы ползли по плечу к шее, прикосновение к незащищенной коже оказалось склизким и обжигающим. Шевелиться я уже не могла, воздух вокруг меня будто густел, превращаясь сначала в воду, затем в студенистый кисель. Я отчего-то знала, что скоро он замерзнет и тогда чудовище меня отпустит, оставит в покое.

— ...три года — само по себе...

Я не смогла вдохнуть, глаза заволочло красной пеленой, в ушах зашумело приборно.

Батюшка горевать будет.

Сердце ударялось в виски, раз, другой, третий. Все медленнее и медленнее... Ну вот и все, Серафима... Приказывай всем жить, а сама...

Бах! Мир разлетелся огненными снежинками. Меня отбросило, приложило спиной о скалу. Костяная голова моего обидчика стукнулась о землю, подпрыгнула мячиком, покатилась. Безголовый монстр замер, покачнулся, из перебитой шеи во все стороны летели желтоватые вонючие брызги, потом обрушился кучей мусорных обломков. Шея дернулась, выпустила последнюю вонючую струйку и затихла в пыли.

Воздух скользнул в горло. Я закашлялась, упала на колени, затем завалилась на бок. Шейный обрубок твари был похож на дохлого слизняка. Зрелище мне не понравилось. Я устремила взор вдаль. Голубое яркое небо, голубое яркое море и разделяет их лишь крошечная серая полоска, может, даже и не реальная, а сочиненная, ибо одно от другого отделять положено.

— Авантюристка загорская, — говорил кто-то зло. — На полчаса оставить нельзя, чтоб не ввязалась ни во что.

Перед моим лицом покачивался револьвер, и не покачивались две ноги в на диво пристойно скроенных брюках.

— Налюбовался стихиями? — Хрип получился знатный, помирать после такого эффектно. — А, Болван Иванович?

— Огненной с избытком, — непонятно ответил Зорин, спрятал револьвер и легко подхватил меня на руки.

— Гавра посмотри, — брыкнулась я.

— Посмотрел.

— И чего?

С закрытыми глазами и, если прислониться виском к груди господина чародея, голове было почти не больно. Нес он меня ловко, будто от многолетней привычки барышень на руках таскать.

— Девять жизней у твоего Гавра, оклемался уже. Следом трусит, полюбуйся сама.

Я полюбовалась только одним глазом, и открыла его не полностью. Котик прихрамывал, шерстку кое-где марали красные пятна.

— Лечить его надо.

— Давай мы сначала тебя полечим?

— А чего это ты мне тыкаешь?

— Ты первая начала.

— Я девушка, мне можно.

— А я за равноправие. Про суфражисток слыхала?

Смеяться было очень больно, но остановиться я уже не могла:

— Слыхала. Только и помыслить не могла, что они на самом деле мужики с пудовыми кулачищами...

Я хихикала, пока смех не перешел в рыдания.

— Но, но, — Зорин прижал меня к себе, как кутенка, — отставить истерику. А то Фимой звать буду, знаю, как тебя от этого обращения корежит.

— А что еще про меня знаешь, господин чародей? — Вопрос прозвучал кокетливо, осознав сей факт, я залилась краской и спрятала лицо у Зорина на груди.

Иван Иванович, видимо поняв мое смущение, отвечать не стал.

— Кто это был? — спросила я, когда молчание стало казаться неуместно томным.

— А он не представился? — фальшиво удивился мой телоносец.

— Так не успел, видать, ты в него раньше палить стал.

— Думаешь, надо было дожидаться, пока он тебя в сундук запечатает?

— Не думаю, — искренно сказала я. — Напротив, я за своевременное вызволение благодарна... Какой еще сундук?

— В который Крампус этот зловредный пойманных дев сует.

Крампус? А ведь местные парни мне про него рассказывали. Только получается — мелковат тутошний шалунишка оказался, раз его из револьвера изничтожить удалось. Или не удалось?

Вопрос я озвучила и получила на него спокойно-обстоятельный ответ:

— Я разрушил лишь одно из овеществлений демонского духа, сам он по округе порыщет да соберет себя сызнова.

— То есть вполне возможно, пока мы тут идем неизвестно куда, за нами по пятам новая мусорная гора следует, еще вонючее прежней?

— В теории вполне, но... — Зорин остановился и усадил меня на бревенчатую скамейку, укрытую с трех сторон ежевичными кустами.

— Что — но?

Место это было мне знакомо, одна из обзорных площадок, обустроенных в холмах для единения с природой. В обычных тувельках я бы сюда попросту не дошла.

— Но Крампус почуял во мне чародея и теперь таиться будет.

— А...

— Помолчи.

Сказать, что этот приказ меня удивил, ничего не сказать. Да я онемела просто. Как он посмел? Мне! Меня...

— У нас есть сейчас два варианта. Первый, я несу тебя к чудеснейшему Карлу Генриховичу, который обитает неподалеку, он тебя пользует, сколько посчитает нужным. Второй, ты позволишь мне себя осмотреть. Второй вариант мне видится предпочтительным. Мы сэкономим время и не станем фраппировать бравого лекаря столь частыми визитами.

— А сэкономь еще больше времени, не предпринимая это путешествие мы не могли? — Сварливо спросила я и поманила Гавра, сидящего у ног.

— Не могли. — Зорин кота отогнал одним лишь взглядом. — Чтоб хорошо колдовать, место нужно хорошее, чистое. Так что, позволяешь?

— Дозволяю. Чародеи меня раньше не пользовали.

Тут Иван Иванович слегка хмыкнул и, кажется, покраснел. Затем присел рядышком и одну за другой, стянул мои перчатки.

— Если что-то необычное почувствуешь, сразу скажи.

Я кивнула, глядя на голые свои беззащитные ладошки в его ручищах. Гавр негромко угрожающе зарычал.

— Не обижу твою хозяйку, котище, не бойся. — Зорин прикрыл глаза.

— Тепло, — прошептала я.

— Что?

— Ты сказал, если что необычное... Будто ручеек под кожей бурлящий побежал.

— Помолчи.

— Ну уж нет. — Я выдернула руки. — Давай сразу договоримся, когда говорить, когда молчать да как эти два «когда» не перепутать! Ты понимаешь, что ситуация сейчас донельзя непристойная образовалась? Да мы со стороны как влюбленная пара смотримся?

— Для кого? Для Гаврюши? Тут на две версты в округе нет больше никого.

— Тем более опасно. Я даже на помощь никого позвать не смогу, если ты безобразничать примешься.

— Поверь, Серафима, если бы я тут принялась, как ты выразилась, безобразничать, помощь мне не понадобилась. — И Иван Иванович тяжело вздохнул.

— К лекарю пойду, — решила я. — Сама, своими ногами. Он-то небось ласкаться по возрасту преклонному не способен. А то, знаю я вас, мужиков. Сначала перчатку долой, потом в запястье лобзание, потом рукав распушить, до локотка добраться, а уж затем...

Зорин застонал, поморщился, мотнул головой и, описав полукруг правой рукой, прижав ладонь левой к своей груди. Раздался щелчок, будто сошлись колесики какого-то механизма. Я обмякла, привалившись к зоринскому боку, веки налились тяжестью.

— Не рычи, — пробасил чародей, обращаясь, видимо, к Гавру. — Я правда по-хорошему хотел. Уговорить ее пытался. Но ты же сам видишь, она мертвого до смерти заболтает, переговорит, запутает. Серафима твоя, огненная. Огненная — значит горячая. В сон я ее ненадолго погрузил.

Рядом со мною сидела теперь Маняша. Я радостно сжала ее руки, ощущая шершавость нянькиных ладоней.

— Беглая, беспутная, — укорила тихонько. — Как могла меня покинуть?

— Не по своей воле, дитяtko, — отвечала она, — лихие людишки постарались.

Я силилась что-то сказать, но, как бывает во сне, только беззвучно открывала рот. Маняша отвернулась, стерла плечом текущие по подбородку слезы, затем подняла голову, всматриваясь куда-то в даль.

— Слушай, дитяtko, да запоминай, — проговорила торопливо, — три раза по три соберется, беда будет, три по лету, три по зиме, три сами по себе... — Маняша резко повернулась ко мне, обожгла взглядом: — Последняя отпирает, последняя запирает. Холодно мне, дитяtko, ох как холодно...

— Как тебя отыскать? — получилось проговорить, изо рта со словами вырвались облачка пара.

— Князя отыщи, — Маняша сжала меня до боли, — в нем не ключ, но путь.

Ее лицо замирало, покрывалось инеем, последними подернулись неживой пеленой глаза. Я в ужасе зажмурилась, погружаясь в беспамятство. Багровые пятна расползлись под веками, рук не ощущалось вовсе, будто мне их отняли.

«Одна ты осталась, Серафима, и охранить тебя некому, — подумалось отстраненно, будто не о себе, — сдайся, покорись».

Нет уж! Дудки! Я ринулась вперед, вцепилась в кого-то большого и теплого, оказавшегося на пути, бестолково принялась распахивать на нем одежду, прислоняться щеками и плечами к обжигающе-горячей коже, а когда согрелась, довольно всхлипнула.

— Серафима, — сказал этот большой зоринским басом, — пора пробудиться.

Открыв глаза, я строго посмотрела на донельзя расхристанного чародея:

— Вы закончили осмотр?

— Да, — ответил он после паузы.

— Чудесно. — Я надела перчатки. — Надеюсь, ничего серьезного?

— Несколько ушибов, которые вас более не потревожат. — Зорин также перешел на «вы».

— Не изволите осмотреть также моего питомца? Ваши, дражайший Иван Иванович, услуги...

Дражайший Иван Иванович неторопливо застегивал жилет, прикрывая разорванную на груди сорочку.

— Я пришлю вам дюжину новых, — пообещала я.

— Позвольте полюбопытствовать, с какой целью? Намереваетесь их так же растерзать?

Я встретила его взгляд без смущения:

— Благородный муж не станет никому рассказывать о том, что произошло меж ним и юной барышней.

— И что же у них приключилось?

— Нервический припадок, — пожалала я плечами, — что неудивительно после встречи оной барышни с колдовским наваждением. К слову, вам следует призвать из столицы отряд боевых чародеев, чтоб очистить Руян от всех демонических сущностей.

— Без ваших мудрых советов, Серафима Карповна, жизнь была бы попросту беспросветной.

— Она у вас станет именно такой, если будете болтать.

Сейчас, после угрозы, следовало бы гордо удалиться, но злокозненный Зорин уже ворковал нал Гавром, пригласив того к себе на колени.

— Что там? — не утерпела я, вернувшись к скамейке.

Ответом меня не удостоили. Чародей водил над полосатым тельцем раскрытой ладонью. Кот, судя по виду, блаженствовал. Зорин погладил урчащего разбойника и спустил того на землю.

— Ступай, Гаврюша, да не хворай боле.

А вот теперь-то гордо удалиться я решительно не могла, момент упущен. Эдак не за мною последнее слово останется.

— Надеюсь, когда мы с вами, Иван Иванович, в Мокошь-граде случайно встретимся, на продолжении знакомства вы настаивать не будете.

Вот оно: чудесное прощание. Но Зорин, болван чародейский, и здесь мне форы не дал.

— Берите свою няньку, Серафима Карповна, да не мешкая с острова отплывайте на материк.

— Это угроза?

— Предупреждение. Демон Крампус здесь на ведьм охоту затеял, так что вам лучше будет подальше обретаться.

Он что же, решил, что я ведьма? Я? Вот ведь умора! Сложив бровки домиком, я кокетливо протянула:

— Отбуду, всенепременно. Дела свои закончу и сразу же.

— Не закончите. — Иван Иванович пружинисто поднялся со скамьи, отчего возвысился напротив меня горою. — Вы же барышня умненькая, заранее все обычаи берендийские изучили, те, что древнейших дворянских родов касаются.

Я, не понимая, к чему он ведет, отступила, чтоб не запрокидывать голову.

— Предположим, нет.

— Праотцы осторожны были, чистоту крови блюли. Указом Берендия Первого, который первый камень берендийской государственности заложил, предписывается ближнему кругу с осторожностью браки заключать. Чтобы ни нави какой, ни прочей чужеродности дорогу к трону не открыть.

— Тому указу сто лет в обед.

— Четыреста, но его никто не отменил. Невесту перед венчанием консилиум из чародеев да лекарей осматривать будет. На предмет навих снастей либо ведьмовских меток.

— Снастей? — Я покраснела.

Зорин грустно кивнул:

— Не выгорит ваше дельце, госпожа купчиха, еще и позору хлебнете.

Мне захотелось драться, вцепиться собеседнику в лицо когтями да не отпускать, пока о пощаде не взмолится.

— С чего вы решили, что мое дело с замужеством связано? Это... нелепо, нелепо и оскорбительно.

— Ах, Серафима, бросьте. Про ваши матримониальные планы на острове только что глухой и слепой

не знает. Наталья Наумовна, голубица кроткая, жаловалась давеча, как вы ее в компаньонки зазывали, чтоб с дворянами знакомство свести.

Давеча? Когда только успела? Голубица!

— А прислуга сплетничает, что вы всем кавалерам от ворот поворот указываете, принца под парусом ждете. Барышню Абызову-де каждодневно цветами да конфетами чуть не по маковку осыпают, а она знай себе фыркает.

— Я смотрю, вы плодотворно вечер после нашего прощания провели.

Зорин не отпирался:

— Что еще любопытно, среди поклонников ваших тутошних из вполне приличных семей молодые люди попадают. И дворян без счета, настоящих столбовых. Только вот вы, Серафима Карповна, не на мелкую рыбешку сети раскинули, а на князя. Отчего же не сразу на цесаревича?

Отчего? Может, от того, что цесаревич нужными мне качествами не обладает?

— Его высочеству и пятнадцати еще не исполнилось, — любезно пояснила я. — Когда он в брачный возраст войдет, я перестарком уже буду. Девичий век, знаете ли, не долог.

Чародей смерил меня удивленным взглядом:

— Вам восемнадцать лет.

Я кивнула:

— Ужас, правда? Далее лишь старость и смерть.

— Будете далее чудить, до старости не доживете.

Кажется, он в сторону пробормотал что-то вроде — «девчонка». Можно было бы обидеться и изобразить гневный уход, но я гордость пока отодвинула. Не потому, что барышня Абызова кротка да отходчива, а потому что она — дочь своего батюшки, берендийского коммерсанта не из последних. Поэтому, шагнув неуверенно, покачнулась и приложила ладони к вискам:

— Пощадите, ваше высокородие.

Подействовало. Всегда действовало. Супротив девы в беде ни один рыцарь не устоит.

— Серафима! — Зорин подхватил меня за плечи. — Вам дурно?

Я красиво заплакала, без всхлипов, позволив слезам стекать по щекам дорожками.

— Возьмите. — Он протянул мне носовой платок, я, убедившись в его прискорбной чистоте, а также заметив, что костяшки руки рыцаря ободраны о камни, неловко приняла подношение, проведя тканью по ссадине.

— Благодарю.

Спрятала красноватое пятнышко в складке, промокнула влагу со щек чистой стороной и засунула тряпицу за манжету.

К сожалению, слабость изображать пришлось и дальше. Я тяжело опиралась о чародейский локоть весь путь до отеля.

— Я Марии Анисьевне вас с рук на руки передам, — сообщил у крыльца Иван Иванович, хранивший молчание до сего момента.

— Пустое. Мы с Гаврюшей почивать отправимся.

Кот, видно обиженный, что пришлось своими лапками версты мерить, потрусил к лестнице, на нас не обернувшись. Зорин мой локоть уже отпустил, но все не решался попрощаться. В конце дорожки, там, где она изгибалась к набережной, появилась лиловая кроткая голубица. Увидала нас, обернулась к Лулу, бросила ей что-то, ускорила шаг. Эх вас, Наталья Наумовна, разобрало.

— Барышня Бобынина желает вам о буйстве стихий рассказать, — кисло сообщила я чародею и, кивнув, взбежала на крыльцо.

— К обеду спуститесь?

— Не думаю, мы с Маняшей сегодня, пожалуй, попостимся. Располагайтесь за нашим столом, ваше

высокородие, да обществом наших соседей наслаждайтесь.

Натали рысила что твоя коренная, так что Лулу пришлось галопировать. Такая их лошадиная доля, кто коренной, а кто и пристяжной. Я юркнула внутрь, не желая обсуждать с кухней ни платье свое драное, ни рассыпанные по плечам волосы. Пусть весь свой гнев на Болвана Ивановича изольет.

Однако сразу в апартаменты не отправилась. Повстречалась мне в коридоре горничная, несшая корзину с тремя дюжинами розовых бутонов.

— Князь Кошкин барышне букет прислал, — радостно пропищала девица.

Я схватила корзину за плетеную ручку, размахнулась:

— Еще раз услышу, что сплетни про меня разносите, жаловаться не стану, самолично накажу.

От тяжести меня повело в сторону, я замахала руками на манер ветряка. Девица, решив, что сейчас ее этой же корзиной и оприходуя, завизжала:

— Простите, барышня, бес попутал!

Бес ее попутал! Знаю я этого беса синеглазого, сейчас вон Наталью Наумовну путает.

— Карточка где? — Я разжала пальцы, корзина бумкнула об пол, цветы рассыпались по ковровой дорожке.

— К-какая к-карточка? — переспросила горничная, звонко икнув.

— От князя, бестолковка. К букетам всенепременно сопроводительная карточка прилагается.

— Не было, — икнув повторно, возразила девка. — Гусар в пролетке подъехал, корзинку доставил, сказал, барышне Абызовой от князя Кошкина. Я и взяла, а письма никакого не было, да и на словах более ничего не передавал.

Я подумала, что оно и к лучшему. О ланитах сызнава читать не хотелось.

От неожиданно навалившейся усталости даже ноги ослабли. Велев горничной прибраться, так для порядка, просто, чтобы последнее слово за собою оставить, и махнув рукою на девчачий извинительный лепет, я добрела до апартаментов. Заперла дверь, набросила засов. Маняша не вернется. Моя Маняша, нянька, подруга, наперсница отлучена от меня лихими людишками. Уж я этих лиходеев...

Гавр удивленно прядал ушами, наблюдая мои метания. «Дура-девка, — думал котище, — грозитя кому-то, руки заламывает. А дело-то простое, сесть в секрет да поджидать, пока мышка из норки носик покажет. Даже если и не мышка, а кто покрупнее, так и ничего, так и славно, точно так же действовать надобно».

— Нет у нас времени, — пояснила я коту. — Много я тут в секрете высижу? Приманка требуется, да не абы какая. Смотри, Маняша велела князя найти. Знакомый князь у нас один, сиятельный Анатолий, его-то искать вроде не нужно. Значит, еще какой князь имеется?

Гавр с другими князьями знаком явно не был.

— А может, — вдруг пришло в голову, — имеется в виду не звание, а, к примеру, прозвище? Помнится, читывала я французский романчик, повествующий о преступлениях тамошнего дна. Так там атамана бандитского вообще Король звали. А, каково?

Собеседник принялся вылизывать себя в неприличных местах, даже отвернуться пришлось.

— После такого целоваться ко мне не лезь!

Я сбросила туфли, ослабила ворот платья и плюхнулась на козетку, что располагалась напротив большого обзорного окна.

Ах, какие дивные погоды нынче стоят! Будто серпень на дворе солнечный, а не жовтень. Как это здесь называется? Бархатный сезон? Точно! Вот в бархатное платье я на бал и облачусь. Есть у меня одно такое, алое как грех, не особо для барышни подходящее, зато для горячей корсарки в самый раз. Придется еще кауфюра к себе в апартаменты зазвать, не может же Серафима Абызова в салон самолично идти. Знать бы еще, как оно делается, зазывание это. Раньше такими вещами у меня нянька занималась, куда надо шла, с кем следовало беседовала, денежку платила. Да и леший с ним, с прической. Будь Маняша сейчас здесь, у меня с утра на письменном столике и списки князей лежали, и парни местные были бы уже допрошены.

Я хихикнула. Будь моя Мария Анисьевна со мной, искать ее не пришлось бы.

Не путь в нем, а ключ, сказывала. Прикажете внутри ковыряться? Крампус еще этот вонючий. Но его нянька не упомянула... Хотя... Вот бы его, лиходея, с пристрастием допросить. Сама-то не сдюжу, так не перевелись еще соответствующие органы на земле берендийской. Интересно, а Зорин мзду берет? Вот было бы ладно: с меня денежка, а с него — арест с допросом.

О допросах за последние четверть часа думалось не единожды. О чем это нам говорит? А о том, что у тебя, чадушко, сведений недостача. Так чего ты в номере запряталась? Ожидаешь, пока кто-то тебе в клювике искомое поднесет?

Я быстро поднялась с козетки, дернула шнурок звонка, призывая прислугу, и отперла дверь.

— Ванну мне приготовьте, — велела явившимся на зов горничным, — да помогите к обеду переоблачиться.

Дело вполне обычное, девицы нисколько приказу не удивились.

— Питомца моего накормить, — продолжила я командовать. — В кабинете бумага с вензелями закончилась, поднесите листов с десятков да конвертов плотных и сургуча для печатей.

Горничных вскорости стало вдвое больше. А уж когда я решила немедленно, еще до омовения, перекусить, в гостиной стало не протолкнуться.

Раздевшись, я закуталась в шlafрок и присела к сервированному у окна столику.

— В починку прикажете платье отдать? — Одна из девушек на вытянутых руках держала мой многострадальный утренний туалет.

— На помойку снеси, — грустно ответила я. — Погоди. Там в рукаве носовичок был.

Девушка суетливо перетряхнула лохмотья:

— Этот? Он вроде мужской?

Я выхватила платок:

— По моде!

Поискав глазами, куда бы засунуть добычу, я спрятала платок в один из ящичков секретера. Нумера в «Чайке» убирались ежедневно, обязательно же какая чистюля нынче же к прачкам платок отправит. Так что секретер я заперла.

После я откушала булочек с сыром, запила все чаем. А хорошо, что меня чародей пользовал, а не лекарь, к примеру. Два раза о камни спиной приложиться это не шутка. После эдаких экзерсисов мне пластом лежать пришлось бы не один день.

В ванне помощь мне нужна не была. Поэтому оставив девушек убирать со стола, а Гавра чавкать под столом колечком кровяной колбасы, я уединилась. Скинув шlafрок и изогнувшись лианой, осмотрела себя в зеркале. Даже синяков на спине не было. Ай да Зорин, ай да молодец.

От горячей воды и сытости меня разморило. Я ни о чем не думала. Любовалась колечками завивающегося к потолку пара да прислушивалась к бормотанию горничных за неплотно прикрытой дверью. Они, разумеется, сплетничали. Ну, то есть, я могла это предполагать, ибо в отсутствие постояльцев общались девицы на своем родном диалекте. Сарматский, нисколько не похожий ни на наше берендийское наречие, ни на французский, которым я владела вполне свободно. Вот ведь незадача, не сподобилась я хоть пару-тройку фраз на местном языке изучить. Хотя, чем бы мне эти фразы помогли? Язык это ведь даже не слова и предложения, он как жизнь, как сон, в нем многое от мелодики зависит, от интонаций. А славно бы как было, понимай я, о чем там за дверью разговор идет. Они же наверняка меня не стесняются.

Зевнув, я прикрыла глаза.

— Старайся шибче, эта сумасшедшая берендийская девица вчетверо против обычного за услуги доплачивает и нас не обидит... — Донеслось до меня уже сквозь дрему.

— Богачка?

— Ее папаша за горами такими миллионами ворочает, что весь Руян купить может со всеми нами на сдачу.

Это говорила та, что пониже ростом, у нее голос был под стать фигуре, основательный и негромкий.

Нет, девицы вовсе не перешли на родной мне язык, просто я вдруг стала их понимать.

— Фрау Капзиш хвасталась, что ее Ганс на инженера выучился да после на одном из заводов Абызова работал. Сказывал, большие дела делает, что-то с железом да гномьей рудой.

Собеседница хмыкнула. Толстушка сказала:

— То-то же. Папаша на золоте сидит, а дочурка в чужом краю шуры-муры крутит.

— Да какие шуры-муры, Марта! Ни встреч, ни свиданий. Букеты от кавалеров, и те не берет.

— Это раньше было, Марта, до того, как ее любовный интерес к нашему берегу прибился.

Их что, обеих зовут Мартами? Вот умора! А первая Марта дело говорит. Приплыл князь Анатолий к руянскому берегу, все и поменялось.

— Приказной этот?

— Ага. Не успел причалить, принялся ее на руках таскать. Она, не будь дура, в обморок брякается, а он навроде рыцаря при королеве. Ты бельевую корзину с собой захвати.

Сейчас они уйдут, а я даже не успею пояснить, что с объектом моего интереса руянские девы не угадали.

Но ушла только одна, другая осталась сюсюкать с Гаврюшей.

— Котик, котик, кыс-кыс... Что ж ты такую странную хозяйку себе выбрал, бедовый? Старшаки уж так тебя приглашали, а ты ее избрал, странную, нездешнюю...

Гавр ворчал что-то в ответ. Почему-то по-кошачьи я понимать не стала.

Вода, кажется, остыла. Я заворочалась, щека прикоснулась к гладкому фаянсу.

— Прикажете помочь, барышня? — Толстушка говорила по-берендийски, заглядывая в полуоткрытую дверь.

Я тарасилась на нее. Мне все приснилось?

— Помоги. — Я выбралась из ванны, обернулась в купальную простыню. — Как тебя зовут?

— Марта, — с книксеном сообщили мне подобострастно. — К услугам вашим.

— А подругу твою?

— Подругу? Элен.

— Ту, которая с тобою здесь прибиралась.

— Ах эту... Тоже Мартой кличут, только она мне не подруга. Она раньше в другом отеле работала, в «Ласточке».

— Понятно. — Понятно мне не было. — Скажи что-нибудь по-сарматски.

— Чего? — Марта удивленно округлила рот на последнем «о».

— Стих, песню, что-нибудь длиннее трех слов.

Видимо, Маняша действительно горничных не обижала. Марта послушно отбарабанила нечто рифмованное и ритмичное.

— Считалка, — выдохнув сообщила она. — Пастушок пришел на луг и встретил летнюю овечку черную, зимнюю овечку белую и... просто овечку, летних три, зимних три и три...

По-сарматски я не уразумела ни словечка, так что перевод оказался не лишним.

— Каких? — быстро спросила я, когда Марта замолчала.

— Чего?

— Третья тройка овец какая?

Кажется, сегодня весь персонал отеля получит новое подтверждение безумия папенькиной дочки Серафимы Абызовой.

— Это не его овцы были, — после паузы сказала девушка. — Дикие, сами по себе.

Тут меня будто ледяной водой окатило. Девятая отпирает, девятая запирает...

Головокружение ощутилось некстати. Спокойно, Серафима! Овцы тут вовсе ни при чем.

Марта подхватила меня, не дав упасть.

— Прилечь надобно.

Она подвела меня к козетке:

— Сейчас другая Марта возвратится, мы вас, барышня, оденем да косы ваши смоляные причешем, к обеду раскрасавицей спуститесь.

Я смотрела в окно, ничего за ним не видя. Предположим, в рифмованных строчках речь шла вовсе не о животных. Может, овцы — это метафора?

Обернувшись, я уже собиралась задать вопрос Марте, но та уже выглядывала за дверь в коридор. Испугалась бедняжка, не знает, как со мною нервической управиться. Из коридора слышались шаги, не девичьи, тяжелые и неритмичные, будто идущий хромал.

Марта выскользнула из номера, после быстрых вполголоса переговоров громко сообщила мне:

— К вам посетитель, барышня, лекарь герр Отто. Прикажете впустить?

— Серафима Карповна, — Карл Генрихович, изогнувшись, просочился через порог, — не извольте беспокоиться. Имею сведения, что нуждается вы, милейшая моя, во врачебном осмотре. Ах. Не пугайтесь. Что ж вы всполошились, душа моя? Ну и что, что в одной простыне? Я же лекарь, меня наготой удивить невозможно.

Карл Генрихович тархтел, что твоя трещотка, не давая мне вставить ни словечка.

— Ты, девица, ступай, прогуляйся с четверть часика. Что значит, одеваться? Сначала одеваться, а потом для осмотра раздеваться? Так, что ли, у вас, прекрасного полу, полагается?

Он захихикал дробно, вытолкал толстушку да накинул на дверь засов.

— Гаврюшенька! Тебя-то, тварюшки бессловесной, хозяйка дичиться не будет?

Тварюшка границы моей скромности проверять не стал, посмотрел с жалостью на свою пустую миску, с неодобрением на меня да, подняв трубою полосатый хвост, прошествовал в спальню.

— Ну вот мы и наедине, милейшая Серафима Карповна. — Лекарь поставил на стол саквояжик, потер ладони, сбегал в соседнюю горенку к рукомойнику.

Я вдруг поняла, что держу край купальной простыни зубами, иначе они бы уже стучали.

— Приступим? — Возвращаясь, Карл Генрихович тер ладошки друг об друга. — Согреем ручки, чтоб вам неудобства не доставить. Да не вставайте, любезнейшая Серафима Карповна, лежите, голубушка. Мне так сподручнее будет.

— Источник ваших сведений, — отыскав в себе хоть сколько самоуверенности и выплюнув простыню, саркастично спросила я, — живописал вам, что ушибы в нижней части спины обретаются?

— Правая ключица, — лекарь сдернул ткань с шиком провинциального фокусника и возложил персты, — правая же лопатка, три верхних шейных позвонка, ребра, крестец, копчик...

Пальцы господина Отто были сухими и гладкими, как деревяшки, и такими же твердыми. Я охала, когда нажатие оказывалось слишком сильным, и хихикала, когда руки врача добирались до щекотных мест.

— А извольте-ка подняться, Серафима Карповна, — вдруг велел Карл Генрихович, и заахал, вертя меня из стороны в сторону, когда я послушно встала на ноги. — Ах, какой молодец! Богиня! Юнона с Венерою! Вижу, вижу, где вас латали, милейшая. Ежели господина, имени которого я, впрочем, называть не буду, изгонят с его многотрудной службы, я бы рекомендовал ему избрать стезю медицинскую.

Экий прыткий старичок!

— Господин, имени которого мы тут с вами не называем, не просил ли вас, часом, осмотреть меня

заодно на предмет навших снастей или прочих меток?

— Снастей? — Герр Отто фыркнул. — Слово-то какое потешное...

Не ответил хитрец, а сам глазами по мне зашарил с удвоенным рвением.

Я вынесла осмотр стоически, кивнула на сообщение, что здорова, закуталась обратно в простыню и отворила дверь томящейся за нею Марте, ах, уже обеим Мартам. Захотелось руку простереть на манер античных мужей, которые тоже в простыни облачались.

Велела:

— Накройте к чаю сызнава, Карл Генрихович притомился и от перекуса не откажется.

— Не откажусь, — согласился лекарь.

— Авр-р. — Гавр зычно намекнул, что и он еще раз поесть не откажется.

Из гардеробной я явилась через три четверти часа. Лекарь, с аппетитом откушивающий, отложил салфетку и сдвинул ладони в аплодисменте:

— Королевишна!

Платье на мне было премиленькое, цвета слоновой кости, закрытое до самого подбородка на четыре дюжины жемчужных пуговиц. Свернутые на затылке волосы держала россыпь жемчужных же шпилек, выпуская лишь два локона по сторонам лица. Выглядела я хорошо, но вовсе не как богиня либо венценосная особа.

— Горазды вы, господин Отто, комплиментами барышень смущать.

Горничные нас потихоньку оставили. Хорошо, у нас с Маняшей где только денежки на расходы не понапаханы. В гардеробной тоже было. Поэтому обеим девицам я отсыпала от щедрот. Ну и что, что они сплетницы злоязыкие, зато дело свое знают. Вон как споро и ладно меня одели-причесали, да и в прочем обещали не подвести.

После я, исполняя обязанности хозяйки, подливала гостю чай да развлекала беседою. Сообщила, что Мария Анисьевна отправлена была мною с поручением и будет немало сокрушена тем, что не повидается с любезнейшим Карлом Генриховичем. Тот тоже сокрушился, но как-то без огонька.

Обсудили погоду. Герр Отто рассказал, как по чистой случайности встретил в холмах нашего с ним общего знакомого, который и попросил моим самочувствием озаботиться. Моцион тот знакомый совершал с барышней некой, а лекарь от пациента домой шел.

— А господин Зорин сообщил вам, каким образом я увечья претерпела?

Собеседник смутился:

— Обещал после все рассказать. Я так разумею, при барышне той в подробности пускаться было неуместно. Может вы, Серафима Карповна, мое любопытство удовлетворите?

— Крампус, — честно ответила я. — Гуляли мы с Гавром у берега, а на нас образина демоническая выпрыгнула.

Не жалея красок, я живописала событие, используя «бум», «трах», «шмяк» и даже изобразив звук выстрела «бабахом».

— Ай-ай-ай. — Лекарь покачал седой головой. — Шалит лиходей. Видно, в силу вошел. Годков двадцать о нем слуху не было.

— Неужто двадцать? Парни местные прекрасно о том демоне осведомлены.

— Так-то, Серафима Карповна, память народная, наследственная, можно сказать, песнями питается, сказками.

— Кажется, я вашу мысль поняла. Например, есть некая детская считалочка, в которой... — Я запнулась, не зная, как закончить. — А вы, Карл Генрихович, очевидцем тогда были, два десятка лет назад?

— Не совсем уж очевидцем. Ходили мы тогда по Белому морю да в Штреле в порту на ремонт встали. Ну а уж когда здесь безобразия случились, всех лекарей, кто служивый, на Руян прикомандировали. Из девяти женщин спасти только двух удалось.

— Три года по лету...

— Вы эту считалку имели в виду? Я ведь раньше думал, что она про странные здешние погоды, бывает, что за зиму ни разу снега не будет, либо лето выдастся столь холодным, что об отдыхающих позабыть приходится. А после, когда стал вопросом вплотную интересоваться, когда службу оставил да обосновался здесь... Времени много свободного появилось, я его на чтение да размышления употребил.

— Погодите. — В голосе лекаря послышалась мне жалость к его, лекаря, одиночеству, поэтому перебила я его энергично. — Я девушка простая, поэтому мне все по частям объяснять нужно. Демон Крампус раз в двадцать лет появляется на Руяне, чтоб уморить девятерых женщин?

— Нет-нет. Серафима Карповна, голубушка, логические построения — вовсе не дамского ума дело. Демоны не привязаны к какому-нибудь месту либо времени.

— Он появляется когда угодно и где угодно? — Обижаться было не время, дамский ум я, пожалуй, ему спущу.

— Предположительно.

— Девять женщин?

— Если верить источникам...

— Доктор, да или нет?

— Ну да, девять. Тогда, двадцать лет назад, из было девять. Их извлекли из меловой пещеры на западной оконечности острова. Некоторые из этих несчастных были уже мертвы, со следами обморожения и с легкими, полными воды...

— Те две, которым удалось выжить, — мне было очень страшно, — где они?

— Простите?

Я схватила лекаря за руку:

— Они здесь, на Руяне?

— Серафима Карповна, вы побелели. Вам нехорошо?

— Карл Генрихович, я хочу поговорить с одной из них. А лучше, с обеими. Вы можете устроить мне встречу?

— Это несложно. Но Иван Иванович будет возражать, он, насколько я могу предположить, желает самолично известить руянского демона.

— Если господа чародеи за двадцать лет не удосужились его уничтожить, то сейчас и подавно не будут. Господин Зорин в наших Палестинах по другой служебной надобности, отвлекаться на шалуна-Крампуса резона не имеет.

Лекарь поартачился еще минут с десять, но я видела: возражает для виду да чтоб лица перед кисейной барышней не терять. Болвана Ивановича забоялся! Три раз по три «ха-ха», и по лету, и по зиме, и как получится. Зорин нам мешаться не будет, по крайней мере, с завтрашнего дня, об этом я позабочусь. А пока...

Я вывела доктора лестницей черного хода, через столовую прислуги, каморку уборщика и чулан, в котором во время дождя сушилось белье.

— Зорину ни слова, — проникновенно попросила я на прощанье.

Означенный господин вдвойне моим делам противостоять мог, и как чародей, и как служитель закона. К счастью, в причины моей просьбы Карл Генрихович вникать не пытался, заверил, что тайну нашу сохранит. Люблю покладистых старичков, даже излишне при том шаловливых.

Итак. Время. Оно работало против меня, каждая минуточка, которую моя Маняша претерпевает страдания, отдается в моей душе болезненным ударом.

Бегом я вернулась в апартаменты. Гавр, предусмотрительно запертый, встретил меня недовольным ворчанием.

— Не до тебя! — На комод в гардеробной дожидались меня писчие принадлежности и стопка разрозненных записок. — Хочешь гулять, отпущу. Не вернешься, твоя воля.

Я широким жестом указала на распахнутую дверь. Разбойник гулять не пожелал, принялся вылизываться.

— Вот и славно.

Кабинетик у меня был крошечный, приспособленный для дамских, даже девичьих нужд. Но именно туда, за письменный стол на гнутых львиных ножках, я переместилась из гардеробной.

Что мы имеем? Я пододвинула первый лист, сверху которого значилось: «Маняша и князь». Более там ничего не значилось. Я дописала про «не путь, но ключ» и размахисто вывела: «Какой князь?» Вопросительный знак изогнулся глумливой восьмеркой. Я посмотрела на него с отвращением. Что я могу сделать в этом направлении? Во-первых, требовать у милой Натали приглашение на бал, обещанное его сиятельством. Ждать встречи с князем до бала я не собиралась, событие предстоит не сегодня и не завтра. Мне просто нужен повод для встречи. Изъявление благодарности за приглашение — хороший приличный повод. Второе...

Я поискала в бумажных обрывках.

Обитает его сиятельство на личной вилле с мудреным сарматским названием, которое записать на слух не получилось. Зато получилось набросать план. Прямоугольное строение, два крыла, два этажа. На верхнем — восемь апартаментов, на нижнем — служебные помещения, комнаты прислуги (три горничных, управляющий, садовник, повар с двумя помощниками, грум, лакеев нет, адъютант занимает двухкомнатный апартамент). Конюшня отдельно, сад с лабиринтом, через него спуск к пляжу, личному, отгороженному естественными скалами. Дно пологое, берег в мелкой гальке.

Худышка Марта, ранее служившая в отеле «Ласточка», водила знакомство с садовником, а тот, видимо желая ее впечатлить, приглашал девицу на виллу в отсутствие хозяев. Она-то меня об этом месте и просветила.

Есть еще летний домик в глубине сада, обычно никак не используемый. Но Марта сказала, что перед приездом его сиятельства было велено там прибраться, починить худую крышу и сменить отсыревшую мебельную обивку.

— Не слишком богато там обустроено. — Марта пожалала на этих словах костлявыми плечиками. — В большом доме, там и гардины парчовые, и столовое серебро, и паркет наборный лаковый — клен да дуб, да ясень, а в летнем домике по-простому.

Толстушка Марта, желая внести лепту, кивнула. Во рту она в тот момент держала жемчужные шпильки, поэтому говорила невнятно:

— И белье постельное не шелк, а лен. Я сама туда комплекты носила, потому что...

Потому что... Дальше я припомнить не смогла. Видимо, в тот момент ее слова не показались мне важными.

Я посмотрела на карту, дорисовала подъездную дорожку через холм. Что там еще? Огород? Нет. Все необходимое к столу доставляют ежедневно из деревни, а чего здесь не найти — пароходиком. То есть в прошлые приезды князя так и было.

Я полюбовалась этой частью плана и отложила лист. Следующий я посвятила навъему капищу, зарисовала по памяти расположение тамошних барельефов и на том остановилась.

Напольные часы в углу кабинета сообщили мне, что прошел час с четвертью. Марты — девицы проворные, надеюсь, порадуют меня вскорости новостями.

Больше записывать было нечего, хотя... Крампус!

Я изобразила разлапистую кракозябру. Демон. У кракозябры появились рожки. Прячет дев в сундук. Да не всех. А только тех, кто... Сундук получился не в пример лучше демона. А почему сундук? Потому что мне так Болван Иванович сказал? А Карл Генрихович поведал, что у покойниц, которых из пещеры вытаскивали, полные легкие воды были. Он, что ли, душегубец, дев сначала в сундук, а сундук в море?

Я зевнула. Спать было никак нельзя. Поэтому, поднявшись из-за стола, отправилась в гостиную, к сервировочному столику, на котором дожидались меня Маняшины зелья. Обеденный гонг застал меня за попытками разжечь крошечную зельеварную горелку. Ничего сама сделать не могу! Белоручка! Неумеха!

— Обедать пойдем, — пнув ножку стола, сообщила я Гавру, — закажем кофею побольше да покрепче, ну и с кухней перемолвимся, пользуясь случаем.

Кот показался мне раздраженным, что-то беспокоило полосатого разбойника. Он как-то странно подергивал лопатками, семеня передо мною по коридору, и оглядывался, вытягивая шею, будто пытаясь рассмотреть свою спину.

— А вот хворать не смей, — погрозила я пальцем, — нет у нас на это времени.

И только войдя в столовую и увидев за своим столом господина чародея с барышней Бобыниной по левую руку, вспомнила, что не собиралась сюда идти.

ГЛАВА ПЯТАЯ,

в коей укрепляются родственные связи, накладываются чары, а кое-кто не отвечает на поцелуй

Женщина или любит, или ненавидит.

Третьей возможности у нее нет. Когда женщина плачет — это обман. У женщин два рода слез. Один из них — из-за действительной боли; другой — из-за коварства. Если женщина думает в одиночестве, то она думает о злом...

Иван Иванович казался барышне Бобыниной легкой мишенью. Простодушный увалень, как она окрестила его про себя еще во время их той приснопамятной встречи в столице. Окрестила и забыла о его существовании. Потому что там, в Мокошь-граде, были кусочки и полакомей. Тогда... тогда Наталья Наумовна еще считалась завидной невестой, а Аркадий Наумович, любимый братец, не промотал все родительское состояние. Сейчас же, увы и ах, ей приходилось влачить жалкое существование почти приживалки. Дядюшка, которого при жизни родителей Бобынины на порог не пускали, племянников не обижал. Аркадий, стараниями господина Абызова, нес необременительную службу управляющего транспортной компанией, а саму Натали ожидало приданое в векселях и ценных бумагах, до поры до времени хранящееся в гнумском банке. Также Карп Силыч выкупил все закладные на мокошьградский дом Бобыниных, не позволив родовой недвижимости уйти с молотка, но переписывать его на родственников не спешил, оставив за собою. И хотя Натали прекрасно понимала, что, не осторожничай дядюшка, Аркадий сызнова заложил бы дом, да и от приданого отщипнул уже неоднократно, чувствовала себя оскорбленной. Она достойна лучшего! Она — Бобынина! Имена ее предков стоят в Бархатной книге дворянских родов. А чем может похвастаться Абызов, кроме несметных богатств и того прискорбного факта, что некогда заморочил голову ее сумасшедшей тетке? То-то же. Он, плебей, счастлив быть должен от того только факта, что оплачивает содержание бобынинского дома (жалованья Аркадия на это не хватило бы), да ручки ей целовать, что согласилась за невоспитанной Фимкой присматривать.

Хамка! Деревенщина! Все старается приличную барышню из себя изобразить, но кровь — не водица, ничего у нее не получается. Дядюшка, купчина скудоумный, только что пылинки с кровиночки не сдувает. Все желания Серафимы с детства удовлетворяются. Ни в чем ей отказа нет. Впервые Натали познакомилась с кухней, когда той взбрело в голову учиться. Десять лет ей, прыщавой толстухе, только исполнилось. Такой Натали ее и запомнила, колобок на ножках, постоянно что-то жующий. Модные дорогие наряды смотрелись на Фимке чудовищно, слишком густые волосы топорщились, выбиваясь из прически, а руки постоянно пестрели чернильными пятнами. А еще кухня обожала читать, щедро обсыпая страницы книг крошками от пирожков и ватрушек. Прогостила тогда в столице Серафима недолго. Господин Абызов, ко всему в жизни подходивший основательно и с размахом, отправлял доченьку в заграничный пансион, и Мокошьград послужил лишь промежуточным пунктом в долгом путешествии.

Натали тогда, помнится, расстроилась, что ей дядюшка пансион не организовывал, а, напротив, заточил в доме, окружив нанятыми гувернантками и выписав из провинции пожилую тетку по материнской линии, старую деву, которая должна была проживать с барышней Бобыниной до совершеннолетия последней.

— Возраст у тебя, Наташенька, неподходящий, — сообщил сей фанфарон, восседая на хозяйском месте за столом в ее, Бобыниной, доме. — Девятнадцать годков тебе скоро, невеста совсем, а там школа для девочек.

Простодушная Фимка, с обожанием относящаяся к новоявленной сестрице, уже успела поведать той и про строгие нравы заграничного пансиона, и о том, что самой ей сначала по возрасту отказали, ибо нижний предел для воспитанниц — двенадцать лет. Но батюшка, уважив дочернее стремление, вызвал в Загорск экзаменаторов, которые знания барышни Абызовой оценили лестно и разрешение на обучение дали. Поэтому Натали на дядюшкины слова обиделась бесповоротно. Захотел бы, устроил бы и ей обучение. А когда через четыре года Серафима с позором вернулась на родину, испытала ни с чем не сравнимое злорадство.

Неладное там что-то приключилось, настолько, что никаких денег и связей не хватило Абызову, чтоб дело замять.

Однако насладиться справедливостью сполна не получилось. С чужбины вернулась совсем другая Серафима. Куда только подевались ее круглые щечки, ее прыщи, ее неловкость и косопальность? В четырнадцать лет барышня Абызова приобрела четкие черты лица, пухлый рот, родинка возле которого смотрелась эффектно, чистую белоснежную кожу, точеные плечи и талию, которую мог бы обхватить руками не самый крупный мужчина. А еще она приобрела дуэнью Марию, которая теперь находилась при ней неотлучно.

— Она из наших, из загорских, — сообщила Серафима, представляя Маняшу, — батюшка меня сопроводить не смог, поэтому...

Она махнула рукой, предлагая кухне додумать фразу самостоятельно. Натали заметила, что по коже Серафимы везде, куда мог коснуться взгляд, змеятся почти совсем затертые, но различимые следы рун: от кончиков пальцев к запястьям, скрываясь под манжетами, на ключицах, шее, подбородке, даже на мочках ушей и...

— Мне обещали, что через месяц ничего заметно уже не будет, — сказала Серафима, закутываясь по уши в шаль.

— Кто обещал?

— Те арасские маги, что их на мне рисовали. Совсем худо мне было, Наташенька...

Тут уж Наталья Наумовна объяснила наглой девке, кто в доме хозяин, как ее называть, да что пристало приличной барышне, а что нет.

Серафима поникла, схватила за руку Маняшу, которая во время их разговора буравила Бобынину злым взглядом.

Прогостила она в Мокошь-граде неделю, успев скупить в лавках все запасы пудры, чтоб маскировать свою дикарскую раскраску, получить дюжину любовных записочек, которыми ее буквально засыпали все особы мужеского полу, допущенные в дом, стать причиной дуэли меж горячим горским князем (фальшивым, как вскорости выяснилось) и юным корнетом императорского полка и довести Наталью Наумовну Бобынину до истерического припадка. А потом уехала вместе со своей Маняшей и тремя сундуками книг, которые, оказывается, тоже приобретала в немалых количествах.

Натали облегченно выдохнула и вернулась к прежней жизни, о кухне не вспоминая. На горизонте маячил бравый военный и еще пара-тройка неплохих вариантов, сладких и запретных. Замуж Наталья Наумовна не торопилась, здраво рассуждая, что после замужества дядюшка умоет руки, ограничившись приданым и отдаст ее на волю супруга. А уж какова может быть эта воля, можно было предположить на примере любезного братца. Сумма, сколь приятной она ни была, в неумелых руках истает вешним снегом, а для поддержания теперешнего образа жизни требуются регулярные финансовые поступления. Натали, вслух истово презирающая деньги, цену им знала. Ах, с большим удовольствием она взяла бы себе не мужа, а отца, такого, как Карп Силыч Абызов, только дворянина. Но это, к сожалению, было невозможно.

Однако годы текли как вода. Двадцать семь, и вот она уже старая дева. Дядюшка в письмах все настойчивее намекал, что пора бы под венец. На Аркадия, к слову, никто давления не оказывал. Холостяк за тридцать — обычное дело, барышня же под этот возраст — поправление основ и приличий.

Когда Серафима явилась в дом Бобыниных этим летом, Натали приняла гадкую выскочку холодно. Та ластилась котенком к «милой сестрице», сносила нотации и колкие фразы. Однажды вечером, а год от года Наталье Наумовне стало поступать все меньше и меньше приглашений на приемы и увеселения, так что домашние вечера вошли в обычай, Серафима изложила свою просьбу.

— Ну не знаю, — перед мысленным взором Натальи Наумовны уже раскладывался пасьянс из разноцветных фотографических открыток модных курортных местечек, — пожалуй, Руян.

Кухина покивала на разъяснения, захлопала в ладоши и в тот же день приступила к сборам. От батюшки Абызова она унаследовала стремление к основательности и размаху. В дом Бобыниных потянулись вереницей сапожники да портные, все горизонтальные поверхности гостиной скрылись под ворохом модных журналов, а куклы-пандоры, поначалу демонстрирующие модели сезонных платьев, быстро сменились ростовыми манекенами.

— Я в дамской науке не сильна, — доверчиво сообщала Серафима, стоя на табурете, пока с нее снимали мерки. — Так что только на внешний эффект полагаться придется.

Натали недовольно поджимала губы, однако после некоторых уговоров согласилась принять парочку платьев в подарок. Всего лишь парочку! Большого ей никто не предложил!

Еще Фимка наняла себе учителя танцев, с которым провела семь часов кряду с перерывом на обед. После чего вертлявый юнец был отпущен с миром. Серафима Абызова сочла себя готовой. Ее чудовищная Маняша, пугало во вдовьем платке, носилась по дому, собирая багаж. От помощи, которую ей предложила Лулу, отказалась наотрез.

— Любопытный экземпляр, — картавила гризетка обиженно. — Неужели мусье Абызов не мог приставить к дочери кого-нибудь поавантажнее? Хотя, если эту оглоблю слегка приодеть...

Наталья Наумовна картинно смочила виски ароматической солью из флакончика, суета вызывала мигрень, и строго перебила служанку:

— Ты уложила наши чемоданы?

Лулу, спохватившись, что позволила себе лишнего, заверила, что все исполнила в лучшем виде.

Конечно, два жалких кофра Бобыниной не шли ни в какое сравнение с грудой скарба, с коей отправлялась в путешествие наследница Карпа Силыча. На острове это неравенство барышень стало еще отчетливее. Натали, наотрез отказавшаяся делить апартаменты с кухиной, очутилась в скромных номерах второго этажа, а Серафима заняла многокомнатные хоромы на последнем.

Фимка, по обыкновению, попыталась ее задобрить, одарила очередным платьишком, фальшиво восхищалась видом, открывающимся из окон убогих комнатушек бедной родственницы. Но барышня Бобынина не смягчилась. Платье приняла неохотно, а восторги снесла с мученическим видом. Ах, не того она достойна...

Курортная жизнь ее увлекла. Быстротечность знакомств и отношений, ежевечерние танцы, вереницы поклонников. Он всего этого можно было бы потерять голову. Но раствориться в вихре удовольствий не получалось. Мешала все та же Фимка. Натали постоянно сравнивала себя с нею и, к прискорбию, не в свою пользу. За кухиной ухаживало куда больше кавалеров и куда более основательных. Серафимино к ним равнодушие лишь распаляло мужеский пол, возбуждая охотничьи инстинкты. Поначалу Натали думала, что вскорости дурочка увлечется, оступится, совершит ошибку. Смертельную, непоправимую, от которой вовек не отмоется. Она же молоденькая совсем, стало быть, дурочка. Но в первой же двусмысленной ситуации, на закате, наедине с горячим кавалером, в увитой розами беседке, спасла ее грозная Маняша, появившаяся в самый разгар объяснения. И являлась проклятая вдовица всегда, когда ее «чадушку» угрожала хоть тень опасности или пересудов. Может быть, господин Абызов и мог бы нанять для Серафимы кого-нибудь поавантажнее, но надежнее вряд ли.

Теперь, когда на Руян прибыл князь Кошкин, Натали предвосхищала страдания верной няньки. Анатолий не тот типаж, чтоб дать себя запугать нянькам и мамкам, он действует быстро и напролом. В этом барышня Бобынина убедилась некогда на личном, не очень приятном опыте. Правда, страдания бедной Маняши не будут долгими... Но тсс... О некоторых вещах даже думать до поры до времени опасно. Безопасно думать, к примеру, о Зорине, не особо разумном чародее столичного приказа. Окажись на его месте кто-нибудь другой из его коллег, к примеру, Семен, брат Сонечки Крестовской, или господин Мамаев, порывистый боевой маг, Натали испытала бы тревогу. Но Иван Иванович, добродушный увалень, легкая добыча. Очаровать, привлечь, может быть, даже вызвать жалость, и он у нее в кармане.

— Господина Зорина, — картавила Лулу, расчесывая нынче утром ее волосы, — постоянно видят в компании Серафимы Карповны.

— Фимке он неинтересен. — Натали поморщилась, когда служанка неловко дернула спутанную прядь. — Она только рядом с князем себя видит.

— Но вы-то, мадемуазель, знаете, что хорошего от такой пары ждать не приходится? — Ответа она не ждала, продолжая бормотать в такт мерным движениям волосяной щетки. — Господин Зорин вчера на разговор меня вызвал. Вы, мадемуазель, ко сну уже отошли, а я на кухне с прочими горничными чаевничала. Так вот, Иван Иванович туда явился чуть не за полночь да давай вопросы девушкам задавать.

— О чем?

— Я не особо поняла, они по-сарматски говорили. Я уже от скуки собиралась к себе идти, а он проводить вызвался.

— И?

— Про вас спрашивал, про батюшку с матушкой, про то, как вы с кухиной ладите.

— Ты посмела свою госпожу с чужими людьми обсуждать?

— Посмела, — нисколько не смутилась гризетка, — рассказала, что род Бобыниных в Бархатной книге прописан, про то, какая вы нежная да ласковая.

— А он?

— Продолжил спрашивать. Вот и пришлось ему про вашу тетюшку, маменьку Серафимы проговориться. Очень его поразило, что Полина Захаровна от безумия в могилу сошла.

Лулу улыбнулась зеркальному отражению своей госпожи и, отложив щетку, стала закреплять шпильками золотистые локоны.

— Бедная Фимочка, — картинно вздохнула Наталья Наумовна, — так прискорбно — иметь в роду сумасшедших.

Маняша обязательно обозвала бы сей казус пердимонклем, и была бы права. Свой фигуральный монокль в этот момент выронила я, фигурально же выражаясь. Ну как я могла позабыть, что милостиво разрешила Болвану Ивановичу пользоваться моим обеденным местом? Вот он и воспользовался да даму с собою пригласил. Законом не запрещено. Я так резко остановилась, что Гавр успел отойти от меня аршина на два.

— Кыс! — прикрикнула я. — Сюда, разбойник!

Прикрикнула шепотом, потому что и без того все присутствующие уставились на меня с разной степенью удивления.

— Фимочка? — проворковала Натали.

— Фимочка! — одними губами сказал Зорин.

Так бы и врезала болвану!

Распорядитель уже командовал официантам, к нашему столу добавляли еще один стул и расставляли чистые приборы. Зорин и господин Сиваков поднялись, дожидаясь, пока я устроюсь на отведенном месте.

— Мария Анисьевна хворает? — спросила госпожа Спивакова.

От тесноты моя нога оказалась вплотную прижатой к колену Зорина.

— Уже ей получше, — улыбнулась я несколько нервно.

Наталья Наумовна прожигала меня взглядом, отчего было горячо лицу, ноге тоже было горячо, но отнюдь не от взгляда. Неужели сложно было отпрыгнуть в коридор и убежать по нему, заливаясь безумным смехом? Теперь вот сиди, страдай. Да еще и кусок в горло не полезет.

К удивлению, но все полезло. Госпожа Шароклякина, по правую руку от меня, оживленно щебетала да следила, чтоб моя тарелка не пустовала. Подавали нежнейший сливочный суп с морскими ушками, а к нему слоеные крендельки и паштет из гусиной печени. Все было очень вкусным. Иван Иванович вниманием меня не баловал, погруженный в возвышенную беседу с Натальей Наумовной. Я попыталась отодвинуть свое колено, сместив его так, чтоб не прикасаться к соседу, но, видимо, конечности Болвана Ивановича должны были занимать все свободное место, потому что вскорости я опять ощутила его близость.

Я откушала суп, поправила на коленях салфетку, ненароком отодвинув чужое колено рукою. Однако в этот момент сосед тоже поправлял свою салфетку. Наши пальцы встретились. Я сдержала возглас, Зорин же, не переставая говорить с Натали и не повернувшись, сжал мое запястье. Я оказалась в ловушке. Тем более нелепой, что освободиться сколько-нибудь приличным образом я не могла. Он отпустить меня собирается, разбойник?

— Гавр? Кыс-кыс?

Я придумала приличный способ и сделала вид, что пытаюсь заглянуть под стол. Зорин отвернулся от Натали, помог приподнять мне скатерть, затем, не отпуская моей руки, сообщил:

— Гаврюшенька вас, Серафима Карповна, к столу сопроводил, да и был таков, наверное, не голоден.

Я посмотрела в голубые глаза чародея с угрозой:

— Вы уверены?

— Абсолютно, — заверил тот меня и опустил скатерть, прикрывая ее краем наши теперь сплетенные пальцы.

Ах так? Я разозлилась просто до безумия. Да что он себе позволяет? Будь здесь Маняша... Ух она бы ему устроила! Какое бесстыдство! Будто влюбленная парочка под столом за руки держимся.

— Однако, Фимочка, — негромко, но так, что все услышали, обратилась ко мне кузина, — являться на обед без дуэньи в твоём положении и нежном возрасте...

— На время болезни Марии Анисьевны, — вдруг строго сказала Шароклякина, — я вполне могу исполнять ее обязанности. Я женщина пожилая...

— Да какая вы пожилая, Лариса Павловна, — возразила я, удачно вспомнив имя-отчество Шароклякиной.

— Ах, бросьте, Серафима! — Матрона кивнула официанту, позволив убрать приборы. — В матери вам, пожалуй, по возрасту гожусь, в опекунши тем паче. А вот вы, дражайшая Наташенька, что ж свою гризетку отсадили?

Я поискала взглядом, рассмотрела Лулу за дальним столиком у окошка.

— Не хотелось неудобств от многолюдья создавать, — проворковала Натали и вздохнула, направив укоризну в мою сторону.

— В тесноте, да не в обиде, — отрезала Шароклякина.

Я испугалась, что она сейчас примется гнать кухню к ее горничной, но обошлось. Подали десерт, и все отвлеклись на кремовые эклеры в поземке сахарной пудры.

Иван Иванович сладости не кушал. Потому что правая рука у него была занята, а левой орудовать было несподручно. Это я поняла с некоторым злорадством и так же злорадно потянулась к лакомству.

— А вы что ж, Наталья Наумовна? — спросил Сиваков со стариковской галантностью. — Фигуру бережете?

— Не хочется, — вздохнула кухня. — Мне много не нужно, глоток воды, кусочек хлеба...

Охлажденный крем скользнул по небу, я отложила пирожное, отпила кофе, горький, пряно-горячий, его вкус идеально дополнил сладость эклера. Я даже зажмурилась от удовольствия, а открыв глаза, заметила, что Зорин внимательно на меня смотрит. Натали отвлеклась на беседу с Сиваковым, чем чародей не преминул воспользоваться.

— Отпусти, — попросила я одними губами.

Он покачал головой.

Я приподняла брови: «Зачем?»

Иван сжал мою руку.

— Эх, молодость, — пробормотала Шароклякина, но, когда я встревоженно к ней обернулась, матрона сосредоточенно подливала в свой кофе сливки.

Обед закончился. Сиваковы попрощались, Лариса Павловна потребовала у официантов еще один кофейник. Лулу просеменила к выходу из зала и переминалась на пороге, поджидая Натали.

— Мне вдруг десерту захотелось, — громко сообщил Зорин. — Вот до сего момента не хотелось, а сейчас неудержимый голод ощущаю.

— Позвольте. — Я безуспешно дернула рукою.

— И вы, Серафима Карповна? — балагурил чародей. — Ах, ну разумеется, раз ваша дуэнья решила задержаться, то и ваше место подле нее. Что ж, Наталья Наумовна, не смею вас...

Он лишь на вершок приподнялся и ухватил левой рукой пирожное.

На кухню было страшно смотреть, она так сжала губы, что рот стал почти неразличим на ее бледном лице.

— Хорошего дня, — наконец выдавила она вежливо-равнодушно. — Госпожа Шароклякина, Иван Иванович.

Лулу в дверях подхватила хозяйку под руку.

— Экие страсти. — Шароклякина опрокинула в себя кофе с гусарской лихостью. — Пойду я, после обеда вздремнуть не мешало бы.

Я попыталась встать.

— Спасибо, Лариса Павловна.

— Сиди, чадушко, — велела матрона, передразнив Маняшины интонации. — На двор без меня ни ногой. Часа через два, либо два с четвертью, либо... В общем, променад совершать будем. Понял, Иван Иванович?

— Спасибо, Лариса Павловна, — серьезно ответил чародей.

Шароклякина пошла из зала, переваливаясь из стороны в сторону.

— Отпусти! — наконец можно было говорить громко и даже вытащить руку из-под стола.

— Не могу. — Зорин проглотил последний кусочек пирожного. — Я колдую.

— Привораживаешь? — Мне показалось, что официанты, суетящиеся у дальних столов, удивленно на нас поглядывают, поэтому я опять спрятала руки под скатерть.

— Поверь, если бы я тебя привораживал, ты бы... — Он замолчал, видно воображая, что именно я бы делала, но фразы не закончил. — Что-то здесь лишних глаз и ушей в переизбытке. Может, в другом месте побеседуем?

— В каком еще месте? Мне без Шароклякиной из отеля теперь не выйти.

Зорин подумал, затем спросил:

— К тебе или ко мне?

— Что?

— Можем поговорить в моем номере или в твоих апартаментах.

— У меня Маняша болеет.

— Врешь. — Он покачал головой. — Ежу понятно, что никакой Маняши с тобой нет часов десять, а то и дюжину. Иначе бы, Фима, я здесь влюбленного пажу не разыгрывал и за ручку тебя не держал.

— Еще раз назовешь Фимой...

— К тебе нельзя, там небось кроткая голубица Наташенька уже крыльями бьет у двери. Пойдем ко мне.

— Ивашка-букашка!

— Что? — Он вытер пальцы о салфетку и поднялся. Потянув меня за собою.

— Ивашка-баклажка, деревяшка, неваляшка.

— А, понял, это ты обидные прозвища подбираешь. Дерзай.

— Да руку-то отпусти, ирод, — зашептала я горячо. — Люди смотрят!

— Смотрят, но не видят. — Он каким-то танцевальным движением крутанул меня так, что я оказалась прижатой спиной к его груди, наши сомкнутые руки теперь лежали на моем правом плече. — По-чародейски это называется отвести глаза.

— А по-простому — пустить пыль в глаза наивной барышне?

— Эх, Серафима, с тобой по-простому не получится. — Он прижал раскрытую ладонь к моему животу так сильно, что я охнула, приподнял на вершок от земли и понес.

Я бестолково болтала в воздухе ногами и ругалась.

— Мне, между прочим, тоже неудобно, — будто оправдываясь пробормотал Иван Иванович.

Мы поднимались по лестнице на второй этаж.

— Очень на это надеюсь.

Свернули не направо, где был номер Натальи Наумовны, а налево. Тамошные комнаты я при первом осмотре забраковала, ибо окна их выходили не к морю, а на безрадостно-холмистый пейзаж.

— Я сейчас тебя поставлю, чтоб достать ключ. Не дергайся.

Подождав, пока подошвы коснутся пола, я попыталась дотянуться зубами до руки, лежащей на моем плече. Разумеется, укус пришелся в манжету сорочки, зато коже под ней досталось

прикосновение губ.

И тут я почувствовала то самое пресловутое колдовство, которое струилось сейчас по чародейским жилам. Почувствовала и будто обожглась, ахнула. Стало немножко стыдно и томно, так томно, что в голове помутилось.

Зорин, к счастью, на бесславное мое отступление внимания не обратил. Он шарил свободной рукой по карманам:

— Странно, прекрасно же помню, что дверь запираю, а ключ...

— Внизу посмотри, — хрипло и томно велела я, — может, обронил впопыхах.

Мы синхронно опустили головы, дыхание чародея защекотало шею.

— Вот же он!

Ключ лежал у деревянного порожка. Мы исполнили пируэт обратного раскручивания. Зорин склонился, будто благодаря за танец, но руку мою не отпустил.

— Дай. — Я отобрала ключ. — Мне сподручнее будет, ты же, судя по всему, правша.

— Я точно прятал его в карман, — бормотал чародей, наблюдая, как я отпираю замок. — Добро пожаловать, драгоценнейшая Серафима Карповна, в мою холостяцкую обитель.

Я захлопнула за нами дверь:

— Трепещу в предвкушении...

Я быстро осмотрелась. Стерильный порядок. Зорин, как видно, действительно готовился к отъезду. Постель заправлена девственно-чистым бельем, на туалетном столике ни расчески, ни несессера, и вообще никаких личных вещей на виду. Только у платяного шкафа стоит на полу дорожный чемодан с основательной системой застежек.

— В предвкушении чего? — прервал затянувшееся молчание Иван Иванович.

Многозначительность вопроса мне не понравилась.

— Колдуй давай, — пошевелила я пальцами плененной руки. — Ты же не собираешься всю жизнь так провести?

Он не собирался, пожал плечищами и кивнул в сторону кровати. Меня бросило в жар.

— На тебя, Серафима, сейчас направлено с десятков разнообразных заклятий — от банального сглаза до вполне мощного плетения. В жизни не встречал еще человека, к которому бы так липло злое колдовство. То, что ты дожила до своего почтенного, — тут он подпустил сарказма в голос, — возраста — чудо, а скорее, мастерство твоих защитников. Тебя охраняла Маняша? Я прав?

Что я могла ответить? Молча косилась на кровать и сглатывала горечь, наполняющую рот.

— Но Мария Анисьевна не чародейка, в этом я уверился.

По щекам потекли слезы.

— Моя Маняша сто очков вперед любому чародею дать может! Только забрали ее у меня злые люди!

Я тихонько завывала от горя и бессилия.

— Ну-ну, — Иван Иванович приобнял меня за плечи по-отечески, — не плачь, милая. Ребячество с моей стороны допрос тебе учинять прежде помощи. Сначала мы все поганые чары изничтожим да заслоны супротив новых поставим, а уж после...

С удивлением я поняла, что уже сижу на краешке кровати, и явственно ощутила давление, с которым меня пытаются уложить на постель.

— В сон нужно тебя погрузить, — заявил Зорин деловито.

— Нет.

Я легла на спину как была в туфельках.

— Иначе будет больно.

— Пусть. — Я заискивающе посмотрела в склонившееся надо мной лицо.

Глаза у Ивана Ивановича были холодные, не васильковые, как обычно, а цвета морозного зимнего неба.

— Ты, Ванечка, видно, чародей не из самых одаренных, раз наживо меня пользоваться не решаешься, — протянула глумливо. — Любая ведьма мне бы эти сглазы с арканами через уголек слила, и вся недолга.

Насмешка сработала вернее заискиваний.

— Вот она тебе и сливала, — только что не сплюнул Зорин. — Потому что ведьмы забирать горазды, что хорошее, что плохое, с равным рвением.

Я собиралась пригрозить, что другую ведьму себе без труда отыщу, руянскую, да подумала, что, разозлившись, он, пожалуй, усыпит меня без согласия или — еще хуже — передумает чары ради меня тратить. А чары мне были нужны, я помнила еще, как это, остаться надолго без защиты, и знала, что для того, чтоб помочь Маняше, мне потребуются все мои силы. Так что просто приподняла брови, демонстрируя равнодушное недоверие.

— Серафима, когда я начну, заснуть уже не получится.

— Не томи, пугатель, берендийская баба любую боль снести может. Обещаю не вопить, чтоб...

Зорин распрямился, отпустив мою руку. Внутренности скрутило и продолжило скручивать, я сдержала стон, любясь разноцветными туманными спиралями то ли волшебства, то ли своих галлюцинаций. Может, сглупила? Может, стоило в сон погрузиться? В тот раз Маняшу повидать получилось. Вдруг она сызнала меня у самой грани яви поджидает? Я бы уж тогда расспросила ее поподробнее, почему не путь, но ключ в том человеке запрятан. Боль росла во мне, сотней тонких иголок прорываясь сквозь кожу. Не путь, но ключ. Надо бы этот ключ отыскать. Иван вон свой на пороге нашел, но это потому, что в нем ни того, ни другого нет. Больно-то как, мамочки! Рожать, наверное, не в пример легче. Любая берендийская баба родить может. Я тоже смогу, когда время придет. Только бы ребеночек на Анатоля не походил ни единой черточкой. Лучше кого-то похожего на Ивана родить, беленького такого бутуза и чтоб голубоглазый, чтоб...

— Все, душа моя, — хриплый мужской голос звучал устало, — закончил я тебя пользоваться.

Я сморгнула слезы, приподнялась, опершись руками о постель. Чародей тяжело присел рядом, сдергивая с шеи галстук.

— Двадцать восемь дней тебя никакое злое колдовство не достанет.

— Двадцать восемь? — тоненько переспросила я.

— Это лунный месяц. — Иван опустил лицо в ладони, уперев локти в колени. — Что ты там про ключи бормотала?

— Тебе послышалось. — Я только надеялась, что про прочее я не вслух размышляла, о детях, к примеру.

— И не мечтай, Фимка. — Один голубой глаз подмигнул мне из-за разведенных пальцев. — Не путь, но ключ. Может наоборот?

— Почему наоборот? — Я обрадовалась, что разговор темы чадолюбия не касается.

— Потому что в князе твоём «не ключ, но путь». Это одна из формул сводов аффирмации: «И словами сими связан не ключ, но путь от владетеля к подвластному...»

Подумав и так, и эдак, я решила, что, пожалуй, чародей прав, я могла и перепутать. Однако тема князя и аффирмаций тоже не была мне приятна.

Поэтому, изобразив радостное воодушевление, я сказала:

— От всего сердца благодарю вас, Иван Иванович, за ваше непревзойденное колдовство. Так великолепно я не чувствовала себя, наверное, никогда в жизни.

— Пустое, Серафима Карповна. — Зорин распрямился, развернулся вполоборота ко мне. — Оказывать помощь подданным берендийской короны — мой долг, как чародея, так и чиновника. Однако, как человек простой, я хотел бы рассчитывать на толику благодарности с вашей стороны. Во-первых...

— Окстись, милый, — перебила я его, — торговаться надо до, а не после. Но я, как женщина

справедливая, готова овеществить свою благодарность.

— Во-первых, я хочу иметь право называть тебя Фимой, — Иван принялся загибать пальцы, — разумеется, не при посторонних.

— Это не вещественно. — Я поморщилась, затем, не сдержавшись, прыснула. — Согласна. Есть еще во-вторых?

Иван Иванович кивнул и сдвинул меня, лег рядом на подушку, уставившись в потолок.

— Расскажи мне про Марию Анисьевну. Все. Без утайки.

Я поерзала, устраиваясь удобнее на узкой кровати.

— Ты и так почти все понял. Когда выяснилось, что любое колдовство цепляется к его кровиночке, что репей к шелудивой дворняге, батюшка принялся изыскивать способы меня от напасти избавить. Мы же богатые, Абызовы, просто до неприличия богатые, на нас из-за этого слишком много глаз всегда смотрит. Карп Силыч не может другим ни одной своей слабости явить, а наследница, за которой нанятые чародеи денно и ночью бдят, это слабость.

— Понятно, — протянул Зорин. — Конкуренты могут попытаться чародея перекупить, чтоб через тебя на батюшку воздействовать.

— А ведьмы — совсем другое дело, их волшебю никто со стороны ни понять, ни ощутить не может.

— Разумный человек твой батюшка, — после паузы сказал Иван.

— Иначе бы он не стал тем, кем стал. — Слова лились просто. — Безродный подкидыш незнамо какого роду-племени. Его под входом в шатер загорских абызов кто-то оставил, оттого и фамилию он такую себе сочинил. Абызы — это что-то вроде шаманов, да ты, наверное, и сам знаешь. Только к чародейству у папеньки склонности не обнаружилось. Ну разве что малахит к нему сам в руки шел да деньги липли. Но... Подожди, я что-то совсем мыслью по древу растеклась. Папенька нашел мне ведьму. Да не простую, а золотую — сильную и верную.

— Где у нее метка?

— На спине, где кошачье местечко. Ты почему спросил? — Я похолодела, рывком поднялась, нависла над Иваном, заглядывая ему в лицо. — Тело уже нашли?

Он смотрел на мой рот, потом, будто с усилием, перевел взгляд и улыбнулся:

— Разыщу я твою Маняшу, живую и невредимую. Когда, говоришь, она пропала?

— С ночи еще, потому что, когда я проснулась, няньки рядом не было.

Ложиться обратно на подушку я не стала, сползла с кровати и придвинула стул от туалетного столика.

— Она обычно меня ко сну снаряжает, и... — Я развела руками. — Получается, что я теперь без нее хуже, чем голая, будто вовсе без кожи.

— Кавалер какой-нибудь?

— У Маняши?

— Она красавица.

Мне стало чуточку обидно:

— Ну вот, как найдешь ее, ухаживай. Благословлю.

— Всенепременно.

— Кроме поклонников, идей у тебя нет? — Голос нервически возвысился. — Маловато будет. На службе-то тебя как, ценят, при невеликих-то талантах?

— Конкуренты господина Абызова. — Зорин, видимо, выставил защитный щит от моих шпилек, потому что излучал каменное спокойствие. — Некто, о твоих проблемах осведомленный, лишил тебя защитницы, чтоб воспользоваться.

— А Крампус?

— Это третий вариант. Я вот все думаю про эти «три по три».

— И чего надумал?

— Фима, — Иван покачал укоризненно головою, — кто кого у нас допрашивает?

— А это уже допрос? — Я даже со стула вскочила и ногой топнула. — Это значит так у вас, сыскарей, принято? Развалился тут, значит, и допрашивает!

— Тебя никто с кровати не гнал.

— Ах так!

Я поискала глазами хоть что-то, что можно разбить, или пнуть, или...

— Отставить агитацию. — Зорин с хрустом потянулся и встал с постели, сразу став огромным и внушительным. — Твоя манера, душа моя, постоянно раскачивать порывы то в одну, то в другую сторону, доводя собеседника до белого каления, изрядно утомительна.

— Ах, я вас утомила?

— Ну вот опять! — Он схватил меня за плечи, наклонился. — Радость, благодарность, обида, злость, ты демонстрируешь все эти чувства почти без перехода и, на первый взгляд, бесцельно. Но ты прекрасно знаешь, что делаешь.

— И что же? — Я бесстрашно встретила его взгляд. — Что я, по-твоему, делаю?

— Пытаешься вывести меня из равновесия.

— Зачем?

— Ты боишься. Не меня, себя. Чем-то я тебя, папину дочку, зацепил.

— Какое чудовищное самомнение! — Я схватила Зорина за ворот сорочки, чтоб его лицо было еще ближе к моему рту. — Тебе нечем меня цеплять! Мне мизинцем пошевелить достаточно, чтоб чародеи посильнее, красавцы попрigoже...

Горячие губы, ищущие, жадные. Томление, поселившееся во мне, огненными струйками омывает тело, мои руки на его шее тянут вниз, в ушах шумит, будто голова превратилась в морскую раковину. Вот оно! То, чего я так желаю и так боюсь. Дрожь, страсть, предвкушение.

Он отодвинул меня от себя, заставив чуть не заскулить от разочарования.

— Это и есть твой последний козырь, Серафима? — спросил Иван, тяжело дыша.

Я видела его будто сквозь толщу льда, размыто, нечетко.

— Серафима.

— Простите, — пискнула сдавлено, — ради бога, простите...

И выскользнула за дверь в коридор.

Позорище! Безумная девка Абызова на мужика с поцелуями набросилась!

Плакать не стала, чего уж там. Дробно взбежала по лестнице на свой этаж, чтоб, пронесшись по коридору и ворвавшись во внешнюю гостиную, нос к носу столкнуться с драгоценнейшей Натальей Наумовной.

А сидела бы дражайшая кузина в креселке, как ожидающим положено, не столкнулась бы. Но креселко было занято Гавром, так что Натали пришлось любоваться дрянными акварельками, повешенными на стены, чтоб как-то разбавить их монотонную поверхность. Акварельки сплошь пейзажные, с меловыми холмами, зарослями ежевики и обязательным морем. Скука смертная. Вот Наталья Наумовна скучала, глядела, а тут я, красная, растрепанная.

Коту я погрозила пальцем. Не бегал бы от меня, разбойник, я бы, может, постеснялась с поцелуями к чародею лезть и позору бы не хлебнула. Кузине, напротив, улыбнулась приветливо:

— Давно ждешь? Мы с госпожой Шароклякиной про моцион сговаривались. А Лулу ты к себе в номер отправила?

Мои апартаменты отпирались не ключом, а специальной картой, жестяным прямоугольником навроде брелока, который надо было засовывать в щель чуть повыше замка.

Гнумский механизм щелкнул, я извлекла карту и вернула ее в кармашек за поясом. Тут мне пришло

в голову, что я не придумала, как буду объяснять кузине отсутствие в номере «хворающей» Маняши, но отступить было поздно, тем более что Гавр юркнул внутрь, не утруждая себя более ожиданием.

— Гадкое животное, — прошептала Натали.

«Сама такая» — выразили острые кошачьи лопатки.

Что-то у него со спиной неладное, надо бы лекарю показать. Интересно, а кошачьи лекари на Руяне имеются? Да не для простых котопфеев, а для сонных. Вообще в Берендийской империи такой лекарь сыщется?

— Желаешь чаю? — Я пригласила кузину присесть, а сама, заглянув в пустую спальню, прикрыла дверь, будто оберегая покой спящей няньки.

— Мы же только отобедали, — удивилась Натали. — И часу не прошло.

Пришлось присесть напротив и чинно сложить руки на коленях. Помолчали. Гавр, развалившись на ковре, истово вылизывался. В тишине было слышно каждое движение его шершавого языка.

— Погоды нынче стоят удивительные...

Фраза повисла в воздухе. Взгляд кузины, ничего не выражающий, застыл на моем лице. Кажется, мне следовало устыдиться или повиниться. Но раздумывать о том, чего именно от меня хочет Наталья Наумовна, было лень. Пусть помолчит, да сама первый шаг делает. Меня сие молчание не тяготит нисколько.

Однако Ивана Ивановича придется отблагодарить, и не ему неприятными лобзаниями, а чем-то более существенным. Мужик, почитай, целый день, с утра начав, меня то на руках таскает, то чародейски пользует, а то и от Крампуса отгоняет, то есть наоборот, Крампуса от меня. Маняшу еще посулил найти. На посулы те, конечно, надежды мало. Где это видано, чтоб чародей, даже служивый, за-ради ведьмы расстарался?

Денег он не возьмет, к моему прискорбию. Потому что отблагодарить деньгами было бы самым простым решением. А что ему надо, Ивану то есть? Я же ничегошеньки о его высокородии не знаю. Чем живет, о чем мечтает. Нет, Серафима, так дело не пойдет. Если бы папенька твой так легкомысленно коммерцию свою исполнял, Абызовы по миру бы пошли. Первое правило коммерции — дать человеку то, чего ему надобно, а тебе не жалко. А для этого надо сперва человека изучить.

Гавр свернулся калачиком и задремал. Теперь тишину разбавлял его урчащий храп.

Напольные часы из кабинетика возвестили два часа пополудни, в коридоре кто-то осторожно ходил, шаркала швабра, звякнула об ободок ручка ведра.

Мне стало скучно и захотелось чаю с пирожками.

Револьвер? Берендийские мужчины любят оружие. Чтоб справный гнумский механизм, да заказать чеканку по серебру на рукояти богатую с инициалами, вензелями, с чернением либо позолотой. Или, может, заклинание? Аркан иноземный, которого в нашей империи еще не колдовали. Пусть исполнят на папирусе жидким золотом. А футляр красного дерева либо кости слоновьей. Да уж, Серафима, ни вкусу, ни фантазии у тебя. Одно слово, купчиха.

Часы отбили следующую половину часа. Натали отмерла:

— Я собираюсь писать Карпу Силычу.

— Неужели? — Радость моего тона относилась не к тому факту, что кузина умеет писать, а к наконец прерванному молчанию.

— Считаю своим долгом сообщить дядюшке, что доверие его не оправдала, от неприятностей тебя не уберегла.

— Дело в том, дражайшая Наталья Наумовна, — осторожно сказала я, — что господин Абызов ценит послания четкие и осмысленные. То есть, если мне позволено свой совет предложить, после вступительного приветствия лучше указать, какая именно неприятность меня настигла. А уж оправдала ты или нет, папенька решит и без самоуничтожения с твоей стороны.

Кузина вновь застыла взглядом на моей физиономии. Надоела! Еще четверть часа глазами меня есть будет? Нет у меня времени на ее игры!

Зевнув, я елеино промолвила:

— Вздремнуть не помешает. Лариса Павловна долгие променады предпочитает, надо перед началом отдохнуть, подготовиться.

— И тебе нисколько не любопытно, что я к письму дядюшке присовокупить собираюсь?

— Пожелания здоровья? — Я прикрыла зевок ладошкой. — Белокурый локон?

— Записку от князя Кошкина огненной Серафиме!

«Ля скандаль, однако», — пронеслась быстрая мысль. Сейчас надо быть крайне осторожной.

— И объяснения, каким образом эта записка попала в твои руки?

Кузина передернула плечами:

— Случайно. Видимо, его сиятельство корреспондирует со многими особами, он одновременно составлял два письма, одно мне, барышне Бобыниной, с приличествующими его высокому статусу и моему доброму имени фразами, а другое, неофициально-фривольное... — Она опять дернулась: — В спешке либо по ошибке он запечатал их в один конверт, доставленный мне нынче по обеду.

Я готова была заплодировать, настолько ладным получилось объяснение. Даже если это ее вороватая Лулу стащила записку из моего номера, доказать я не смогу ничего. А князь-то... Эх...

Но если бы Натали действительно собралась кляузничать про меня батюшке, ее эпистола уже путешествовала бы в почтовом мешке. Спокойно, Серафима, к тебе пришли торговаться. А значит, сейчас самое время сбивать цену, ну и заодно спесь с некоторых кротких голубиц.

— И все-то ты, Наташенька, успеваешь, и почту по обеду получить, и в номере приятного холостого мужчины осмотреться.

— Какая невероятная чушь!

— Твое сегодняшнее амбре, дорогая, не спутаешь ни с чем. — Я картинно сморщила нос. — Тяжелый аромат на мускусной основе. Довольно смелое решение для барышни. Такими духами не пользуется в нашем отеле больше никто. И, представь, именно мускусный запах донесся до меня из номера Ивана Ивановича, когда я проходила мимо.

— Мимо?

— Ну разумеется, мимо. — Елейный тон оскорбленной подозрением добродетели, монашки у нас в пансионе эдакими отповедями славились. — Я же не могла войти в номер неженатого мужчины даже с ротой специально обученных няnek! Это же форменный скандал, дорогая. А еще через приоткрытую дверь я заметила, что господин Зорин не оставил в своем апартаменте ни одной личной вещи. Ну знаешь, из тех, которые какая-нибудь экзальтированная дама могла бы похитить с целью использования для любовных приворотов.

— Никогда о таком не слышала.

— Можешь спросить у баронета Штоса или господина Кружкина, они, кажется, оба от тебя без ума и охотно опишут симптомы по личному, так сказать, опыту.

Это был козырь, я приберегала его для вот такого вот крайнего случая.

Натали тряхнула головой, став похожей на норовистую лошадку. Я добила:

— Чуть не забыла, дорогая, ключ от номера Иван Иванович обнаружил лежащим на пороге, так, будто некто, обыскав номер, оставил ключ в надежде, что хозяин решит, что сам его там обронил. Правда, презабавно?

И я уставилась в ее искаженное от избытка чувств лицо. Теперь точно роток на замок, ни одного лишнего словечка. Вообще не шевелись, Серафима, дыши ровно, размеренно, гляди чуть выше переносья, над бровями, будто из револьвера целишься. Да губы кусать перестань, расслабь их. Что Наташке надобно, ты и без того знаешь, и есть у тебя эта безделица, и не нужна она тебе нисколько. Платок господина Зорина с капелькой его чародейской крови. Кузинина Лулу из него такой приворотнице изваяет, любо-дорого. А тебе-то он без надобности, теперь, после позорного поцелуя, тем паче.

Брови Натальи Наумовны мельтешили парой золотистых гусениц, пауза довлела, становилась гулкой и физически неприятной. Сейчас кроткая голубица сознается и повинится, а я, для виду поломавшись, предложу ей обмен: платок на похабную эпистолу.

Я чуть сдвинула взгляд. По искривленному в гримасе личику струились слезы, Натали хватала ртом

воздух, будто вытщенная из садка рыбешка.

— Так вот какого ты обо мне мнения, Серафима, — наконец выдавила кузина, вид у нее был столь беззащитно-покорный, что заставил меня устыдиться. — Неужели ты... я...

Она резко встала, дернув шнурочки изящного лилового ридикюля, извлекла из него мудрено сложенную бумажку:

— Изволь. — Бумажка спланировала на стол, раскрывая лепестки бумажной розы. — Но знай, что я считаю твой романтический интерес к князю Кошкину опасным и глупым. Я знаю, мое мнение, бедной родственницы и старой девы, ты в расчет не примешь, но поверь, я предупреждаю тебя из самых лучших, самых чистых побуждений.

— Прости. — Я тоже поднялась. — Натали, голубушка, никогда я не считала тебя ни бедной, ни старой...

— Ах, не утешай. — Из ридикюльчика появился носовой платок, которым кузина утерла слезы. — Оба эти эпитета к тебе никакого касательства не имеют, посему... Я напишу Карпу Силычу уже из дома, испрошу дозволения удалиться в монастырь. Прощай, сестрица, надеюсь, общество госпожи Шароклякиной станет для тебя...

Она разрыдалась и, обернувшись, побежала к двери.

— Натали! — Я заступила ей выход, раскинув руки. — Прости, ну прости меня, пожалуйста. Я вовсе не хотела тебя унижать! И ворошить твое... твои секреты тем паче. Я не так тебя поняла. Прости меня, голубушка.

— Я хотела тебя испугать! — Тоненько крикнула кузина. — Припугнуть письмом батюшке, потому что князь — монстр, я не желаю тебе такой доли!

— Присядь, — я подвела ее к стулу, усадила, налила из графина воды, поднесла к ее губам стакан, — водички попей, успокойся.

— Ты такой еще ребенок, Серафима, — с усилием проглотив воду, вздохнула Натали. — Для тебя вся жизнь — праздник, городское увеселение, которым ты любишься из логи. Ты привыкла, что тебя все любят, но реальность может быть жестокой.

— Князь Кошкин тебя чем-то обидел?

Стакан звякнул о поднос. Возвращаясь на место.

— Я никогда не была накоротке с его сиятельством, в отличие от Аркадия, — твердо ответила кузина. — До меня доносились кое-какие слухи, и, хотя приличной барышне собирать сплетни не пристало, они не могли меня не настигнуть.

Накоротке с Аркадием Наумовичем? Стало быть, кутежи, любовные излишества, карты. Мой будущий супруг приобретал новые неприятные черты.

— Я буду осторожной.

— Пообещай мне, — подавшись вперед, Натали схватила меня за руки, — что ты не причинишь зла Ивану.

— Ивановичу? — Я глупо хихикнула. — Он-то тут при чем?

— Мы давно с ним знакомы. — Кузина мило покраснела. — Он добрый порядочный человек, так непохожий на друзей моего брата, с которыми мне всю жизнь приходилось общаться. Настоящий рыцарь без страха и упрека, могущий составить счастья достойной женщине. Сейчас он опекает тебя и, боюсь, может вмешаться в твои отношения с князем Анатодем.

— Это нелепо. — Я выдернула руки и, отыскав чистый стакан, принялась пить.

— Иван увлекся тобой, дорогая. Не спорь! Если он посмеет пойти против князя, это самым неблагоприятным образом отразится на его карьере. Представь, какие усилия пришлось приложить сыну священника, чтоб достичь того, что он имеет сейчас.

Натали говорила с лихорадочной горячностью, не глядя на меня. Ее взор блуждал по комнате, будто не в силах на чем-то сосредоточиться.

— Я отправилась к нему сегодня, дурочка влюбленная, чтоб предостеречь, уговорить. Но, оказавшись в номере, испугалась и убежала. Да и послушал бы он меня? А ты вообразила, что я собиралась стащить что-нибудь вроде его гребня или бритвенного прибора? Никогда, ты слышишь,

никогда барышня Бобынина не унижалась до любовных приворотов! Откуда такие мысли? Скажи.

Я не знала, что и ответить. Все знают. Горничная твоя направо и налево хвасталась, что для тебя старается. Только вслух я этого не произнесла, глубоко вздохнула, да покраснела, да очи долу опустила.

— Лулу! — После паузы сказала кузина. — Я все поняла, Серафима, и я это исправлю.

И не дождавшись моих клятв и заверений, которые готовы были уже прозвучать, Наталья Наумовна засемила к двери. Я, изрядно фраппированная сменами ее настроений, застыла, не в силах ни задержать ее, ни даже поставить на стол опустевший уже стакан.

Интересно, а манеры кузины Ивана Ивановича утомляют так же, как мои, или менее?

За Натали я не последовала. Во-первых, момент был упущен, а догонять ее в коридоре получилось бы вовсе нелепо, а во-вторых...

— Авр-р. — Проснувшийся кот потянулся сладко, поскреб лапой дверь в спальню.

— Не время почивать. — Я подхватила со стола бумажную розу и отправилась в кабинет, надо было записать кое-что для памяти.

Но сперва пришлось зачесть эпистолу. Уж не знаю, что скандального в ней усмотрела Наталья Наумовна, кроме косноязычия писавшего. Обычная романтическая дребедень с ланитами, на сей раз огненными. Это получается, у меня на щеках чай кипятить можно? Розы для розы... Ах, подозреваю, что эта хитроумно сложенная записка в давешнем букете обреталась. Стало быть, наврала мне отельная горничная. Наказать надо негодяйку примерно. Успеется.

Я смяла послание и бросила ее в корзину для сора, пододвинула к себе утренние бумаги, перечла, исправила фразу про путь и ключ. Аффирмация. Была бы у меня сия штукенция для князя Анатоля, по струнке бы у меня уже ходил да с колечком на безымянном пальце.

В дверь, главную, ту, которая отделяла мои апартаменты от общей гостиной, постучали.

— Войдите. — Я выглянула из кабинетика, встречая обеих явившихся с отчетом Март.

Половина четвертого, девицы быстро управились. Разместив их на стульях, я приступила к допросу.

Маняшу, а точнее, какую-то высокую женщину в темном платке видели выходящей из отеля сильно за полночь. Видал местный пьянчужка, плутающий по дороге до дому. За точное время он не поручится, но это было еще до рассветных сумерек. Куда шла? Он думает, к морю, но следить не стал. Окликнул, ответа не получил, да и побрел себе дальше. Точно не в холмы.

О холмах. Парни, снаряженные толстушкой-Мартой, расковыряли кирпичную стену, которой околоточный велел заложить вход в Крампову пещеру, никого там не обнаружили. После кладку поправили, наживо, без раствора, только чтоб заметно ничего не было.

Околоточный. Говорят, весьма зол тем фактом, что столичный сыскарь-чародей восвосяси не отправился. Господин Фальк самолично утренний пароходик проводить явился, и проводил, только без пассажира, ради которого проводы затевались.

— А не появлялось ли нынче каких утопленниц? — вернула я беседу к теме моря.

— Никто не утоп.

Я выдохнула с облегчением.

— Зато, говорят, вчера берендиец-сыскной по округе чуть не до утра рыскал и в деревне со многими разговоры вел. Про что спрашивал? Как раз про утопленницу давешнюю, упросил старуху Юнг, у которой та поселилась, комнатку ему показать. А Мыкоса битый час про какие-то ледники допытывал.

— Господин Фальк, когда ему про все это донесли, взъярился пуще прежнего. Теперь заперся у себя в кабинете и, по слухам, натачивает фамильную секиру.

— Он, значит, старший в своем Фальковом гнумском роду, — уважительно протянула я, — раз секира имеется.

— Ага, старший и единственный. Но вы, барышня, не тревожьтесь. Он эту секиру, чуть что не по его, точить принимает, так что опасности высокородию никакой не будет.

Я представила, как гнум носится по Руяну за Иваном Ивановичем с оружием наперевес и прыснула.

Далее мне сообщили, что слухи о том, что барышня Абызова осталась без няньки, уже пошли, будто пущенные чьей-то рукою. Несколько руянских дев и фрау собирались предложить мне свои услуги, без особых, впрочем, на то надежд.

— Хотя теперь, когда ваша кузина свою горничную рассчитала, — Марта-худая хитро подмигнула, — наймите меня, барышня.

— Как рассчитала? Лулу?

— Мы, когда к вам в апартаменты поднимались, лично все увидели и услышали. Гневалась барышня Бобынина.

— Подло, кричала, низко и подло...

— Не место среди приличного общества...

— Отказываю, кричала, от места, без выходного...

Девушки тархтели, перебывая друг друга.

— Барышня, а что такое желтый билет? — вдруг с интересом спросила толстушка.

— Ума не приложу. А в связи с чем он упоминался?

— С желтым билетом под фонарем стоять будешь, — без выражения сообщила горничная. — Я еще подумала, зачем для фонаря билеты, не фильмотеатр, чай.

Так вот как Наталья Наумовна решила «все исправить». Невольно я прониклась к кузине уважением. Не побоялась без дуэньи остаться, надо же.

Поблагодарив девушек за информацию, я раздала им следующие задания. Потому что поиски требовалось продолжать.

— Во-первых, надо опросить рыбаков. Может, у кого-то сети с ночи повреждены оказались. — То, что — предположительно — Маняша пошла предположительно к морю, меня тревожило. — Во-вторых... Про овечек черных да белых, летних да зимних ничего узнать не удалось?

Девушки переглянулись:

— Старуха Юнг...

— Та, которую его высокородие допрашивал?

— Вот-вот, та самая. Она старая, жуть. Говорит, что это про погоду, что бывает так, что на рассвете зима, утром — лето, по обеду — осень.

— А сестра ее, фрау Юнг, — я уже не замечала, которая именно из Март что говорит, настолько быстро они тархтели, — тоже старая, но помоложе, сказала, что это про ведьм.

Последнее слово было произнесено шепотом.

— Почему про ведьм?

— А про это она ничего не говорила.

— Манифик, — пробормотала я и продолжила нормальным голосом: — Значит, кроме моряков разузнайте мне про руянских ведьм и почему они белые и черные, либо летние и зимние. Кстати, у вас, дорогуши, на теле меток нет?

Меня заверили, что никаких меток, даже предложили заголиться для демонстрации телесной чистоты. Я от осмотра отказалась, подумала, стоит ли сызнова дать денежки, но решила с этим не частить. Обе Марты явно получали удовольствие, визнавая для меня информацию, а когда работают для радости и не для прибыли, все лучше выходит.

— Старуха Юнг точно ведьма, — сказала Марта-худая. — Поэтому она эту фризку утопшую и приветила.

— И чародею столичному помогать не спешила, — поддержала ее подруга.

— А то, что покойница была ведьмой, все уже знают?

Девушки переглянулись и захихикали.

— Там же Мориц был, когда господин Фальк метку нашел.

— А Мориц женат на двоюродной сестре мужа моей тетушки.

— Ага. На тетушке моего кузена Симона, того, который...

Все они тут друг другу родственники, ничего в тайне не удержится, кроме того, что я больше всего хочу знать.

Горничных я отпустила, Гавру отдала половинку припрятанного со вчера пирожка. Что делать теперь? Спать я буду ночью. Решено, буду. Без Маняши страшно, но выхода нет. Может, она ждет, когда я к ней приду, рассказать что-то хочет, направить.

До ужина время еще есть, надеюсь, обещанный Шароклякиной моцион будет проходить после оного. Appetit я и так нагуляю. А пока можно посетить отельную библиотеку. Ничего серьезного она мне, конечно, не предложит, там романчики в основном французские. Зато можно полистать подшивки столичных газет.

Я заглянула в гардеробную, присмотрела наряд, в который предстояло переодеться к вечерней трапезе, подозвала Гавра и покинула апартаменты.

ГЛАВА ШЕСТАЯ,

в коей, кроме прочего, происходит совещание чародейского приказа

На море на Океане на острове Буяне лежит камень-латырь, на том на камне баба сидит, у бабы три дочери, первая с огнем, вторая с полымем, третья руду заговаривает да ломоту...

Серафиму он догонять не стал, прикрыл дверь, которую эксцентричная барышня оставила распахнутой, и рухнул на постель, прикрыв отяжелевшие веки.

Волшба отняла много сил, а ему предстояло сегодня еще работать. Сима, Фима, Серафима, папина дочка, вздорная барышня, авантюристка, командирша и... просто красавица. Ее порывистый неумелый поцелуй не оставил Ивана равнодушным, да и кого бы оставил, но, к счастью, настолько удивил его высокородие, что тот попросту не успел ничего предпринять в продолжение.

Чародей улыбнулся воспоминаниям. Прощения еще испросила, дурочка.

Он потянул носом, от подушки едва заметно пахло ванилью. Тяжелый аромат духов Натальи Наумовны почти совсем развеялся, но Иван махнул рукой, чтоб створка окна поднялась, впуская в комнату свежий воздух. Однако госпожу Бобынину пора попридержаться, пока ее воображение не завело барышню в нелепую ситуацию. Тип женщин, к которым принадлежала кроткая голубица Наташенька, был Зорину прекрасно знаком. Аффектированная жертвенность, душевная, жаркая. «Жалейте меня, отважные рыцари, — предлагает она мужескому полу. — Жалейте и оберегайте». И никогда им тех жалений довольно не бывает. Рыцарь чаще всего осыпает упреками, не словесными, нет, демонстрируемыми скорбными вздохами да тихими слезами.

Он задремал и, когда уже почти погрузился в сладкий дневной сон, был безжалостно из него исторгнут. В коридоре отказывали от места. Громко, безапелляционно, неотвратимо. Голос барышни Бобыниной Зорин узнал, поэтому предположил, что второй участницей скандала была гризетка Лулу. Последняя на упреки не отвечала, но, когда особо едкая тирада завершилась дверным хлопком, до слуха чародея донеслись шаги и скрип лестницы. Бывшая горничная, видимо, не стремилась теперь соблюдать тишину.

Иван Иванович понял, что сызнова заснуть ему не удастся. Посмотрел на часы, половина четвертого, до заката часов пять. Этого времени довольно, чтоб восстановиться магически, значит, усмирение Крампуса произойдет сегодня еще до полуночи.

Библиотеку Зорин посещать не собирался. Он, всего лишь умывшись и сменив сорочку, решил прогуляться, но, встреченный на первом этаже Ларисой Павловной Шароклякиной, был решительно пленен и назначен провожатым.

— На руки книг не выдают, — жаловалась матрона, — жадные сарматы, а я без романчика ко сну отойти не смогу. Те, что с собою прихватила, читаны уже, не работают как следует.

Библиотечная зала находилась в другом крыле с отдельным входом и представляла собою уютнейшее двухуровневое помещение, где кроме заполненных фолиантами шкафов и столиков, отделенных друг от друга расписными ширмами, стояли кожаные диванчики и кресла. Посетителей, кроме Ивана с спутницей, не было. Шароклякина кивнула служителю, кряхтя, устроилась в кресле у окна.

— Присаживайтесь, Иван Иванович, — мне-то уж знают что принести. А вы желаете полистать что-нибудь или так и будете на мою неземную красу любоваться?

— Нет ли у вас «Бархатной книги», любезный? — спросил Зорин библиотекаря, а Ларисе Павловне улыбнулся, тетка была ему симпатична.

Искомая книга нашлась, и, судя по девственному ее виду, чародей был первым, кому предстояло шуршать мелованными страницами. Романчик Шароклякиной, напротив, оказался потрепан жизнью и читателями.

— Уединения желаю, — кокетничала Лариса Павловна, — вы, мальчик, гардиночку вот тут поправьте и креслице чуть поверните. Да не мое! Ой, пусти, надорвешься, проказник! То, в которое его высокородие сядет!

«Мальчик», седоволосый господинчик средних лет, прислуживал на совесть, в результате чего Зорин с пожилой чаровницей оказались как будто в алькове.

— Славно, — решила Шароклякина и, оглянувшись по сторонам, водрузила на нос пенсне. — Что там мой злонравный Ромуальд, смягчила ли его черное сердце прелестная Розалинда?

Она раскрыла книгу на середине, полистала, отыскивая закладку.

Зорин подождал, пока Лариса Павловна погрузится в чтение, и придвинул к себе «Список старых и честных родов Берендии». Самый первый «Список» некогда, еще во времена становления династии, был переплетен в бархат, отчего и получил свое название «Бархатная книга». Наталья Наумовна немало гордилась тем, что ее предки в этой книге фигурировали, и Ивану Ивановичу стало любопытно, за какие именно заслуги Бобыниных туда включили.

Список не был алфавитным, персоны распределялись по времени. Иван Иванович начал с конца, с царствования теперешнего Берендия Четырнадцатого, пролистывал в обратном порядке берендийских полководцев, многочисленных канцлеров, князей, великих и не очень.

— Я, кажется, догадываюсь, что вы ищете.

Зорин поднял взгляд на Шароклякину, та снимала пенсне.

— Лариса Павловна, а как же Ромуальд?

— Тряпка какая-то оказался, — фыркнула матрона. — После первого же лобзания все свое злонравие презрел. Бобыниными интересуетесь?

— Любопытствую.

— Ну так с начала и начинали бы. Среди подвижников Берендия Первого ищите.

— Неужели? — Он захлопнул книгу, чтоб открыть ее сызнава.

Генеалогия Бобыниных вела начало из времен темных стародавних, от которых остались потомкам лишь родословные росписи. Пращура звали Бобыня, и был он царским приспешником. Более в Бархатной книге о нем ничего написано не было. Жена Любава, двое сыновей, младший получил фамилию, от него продолжился род.

— Приспешник. Слово-то какое простецкое. Но, кажется, так раньше величали советников?

— Бобыня был волхв.

— Чародей? Никогда о таком не слышал.

— Сами вы, юноша, чародей. — Шароклякина фыркнула точно так же, как и на тряпку-Ромуальда. — Тогдашние маги не чета вам, нынешним, были. Предсказатель, жрец, сновидец, лекарь, травник, воин, мудрец. Повелевал погодой и морскими течениями, мог говорить с мертвыми, даже поднимать их. Вот вас какая из стихий ведет? Не отвечайте. Сама догадаюсь. Не огонь, не земля...

— Если бы ваш Бобыня был столь могуч, — перебил ее бормотания Зорин, — о нем бы пригодились в школе рассказывали.

— Особенно неплохо на юные умы подействовал бы рассказ о том, как Берендий Первый вел в бой супротив Нави армию из своих же polegших в предыдущей битве воинов!

— Всем известно, что против навской орды выступили объединенно белые и северные племена.

— Причем неоднократно, — хихикнула зловеще Лариса Павловна. — Сколько их поднимал Бобыня, столько и выступали.

Тетка переставала нравиться Ивану Ивановичу. Безумная барыня.

— Мой покойный супруг, — она возвела очи горе, — профессор Шароклякин всю жизнь посвятил исследованию древней истории, а точнее — личности величайшего берендийского волхва, незаслуженно, либо преднамеренно забытой.

Понятно, значит, безумие — это у них семейное.

— И вы, овдовев, его дело решили продолжить?

— Я? — Лариса Павловна посмотрела на чародея ошарашенно, затем расхохоталась. — Я, Ванечка, решила свою жизнь на эту ерундистику не тратить. Так какова ваша стихия?

— Нету у нас, у современных ничтожных чародейшек, такого разделения, — просто ответил Зорин, — черпаем, откуда получится, понемногу.

— Врете небось. Вводите в заблуждение пожилую женщину, — притворно обиделась собеседница, но, выслушав положенные комплименты молодости своей и цветущему виду, улыбнулась. — Однако как же измелъчали Бобынины на протяжении истории своего рода! Я была так удивлена, когда узнала, что эта похожая на лошадь старая дева — прапрапра... не знаю уж, сколько там еще

«пра», внучка самого Бобыни! А брат ее — кажется, его зовут Аркадий, — форменное ничтожество. Тля! Морфинист и садист.

— С ним вы также знакомы?

— Еще чего не хватало. — Матрона вздернула подбородок, все три подбородка. — Чудеснейшая Феодосия Львовна, с которой я свела здесь дружбу, ах как жаль, что Феодосичкин вояж подошел к концу и она вернулась в столицу, держит лавку артефактов по соседству с Бобыниными. И, представьте, эта лошадь Натали даже не раскланялась с нею, встретившись здесь, на Руяне. А уж она, Наталья Наумовна, в Феодосичкину лавку чуть не через день хаживала, да за такими вещами...

Шароклякина многозначительно похихикала, прикрыв лицо романчиком.

Иван Иванович, так и не решивший, нравится ему эта тетка или нет, продолжал изображать внимание и интерес. Работать со свидетелями сыскарь Зорин умел лучше прочих, отточено, расчетливо, незаметно заставляя собеседника слой за слоем снимать с истины шелуху фантазий и недомолвок. Ну и приколдовал помаленьку, чего уж скрывать. Поддерживал, так сказать, разговорчивость.

— Если Наталья Наумовна предпочитает покупать артефакты, наследственного дара у нее нет, — пожал он плечами. — Но, может, им обладает господин Бобынин? Кажется, Аркадий?

— О-о-о, — протянула Шароклякина, — там все еще хуже. Разгульный игрок. Феодосичка поставляла ему кроличьи лапки, чтоб привлечь везение в картах.

Тут Зорин не сдержал улыбки:

— А лапки ваша подруга покупала у мясника?

— Ну не губить же невинных зверушек ради чужого невежества!

— А зелье господину Бобынину также предлагалось Феодосией Львовной? Вы, кажется, упомянули, что молодой человек — морфинист, но в Мокошь-граде эта отравка не пользуется особым спросом.

— Воображаете, что вышли на след притона? — грозно спросила Шароклякина. — Оставьте! Феодосичка не торгует эдакой дрянью и именно поэтому не знает, какое название носит зелье, коим этот Аркадий увлекается. Но она уверена, что употребляет, и препоганое. И, чтоб совсем притушить ваш сыскарский азарт, сообщаю, в лавке моей подруги вы не отыщете никаких навских артефактов, запрещенных на всей территории империи. Феодосичка чтит закон!

Иван Иванович торжественно изрек:

— Уверен, дражайшая Лариса Павловна, что вы можете водить дружбу лишь с самыми достойными женщинами.

Про себя же подумал: «А еще с теми, кто про интересующих тебя наследников Бобыни поведать может».

Далее Шароклякина без понуканий рассказала о парочке абсолютно неприглядных историй, в которых оказался замешан Аркадий Наумович, сплетни о том, что сестру держал в черном теле, даже бил, когда она под горячую руку попадалась. К счастью для Натали, последние года два дома он появляется не часто.

Зорин уточнил, где сей представитель золотой столичной молодежи служит, и решил по возвращению в столицу наведаться к Аркадию Наумовичу для беседы. Женщину тиранить нельзя, особенно ежели твоя братская обязанность ее, наоборот, оберегать.

— Да уж, великий Бобыня перевернулся бы... там, где он сейчас находится, если б мог лицезреть свое потомство.

— Но есть ведь еще другая линия. — Иван не собирался продолжать разговор, но почему-то продолжил: — Серафима Карповна, к примеру, тоже в некотором роде наследница.

— Ах, оставьте! — Матрона махнула книжицей, будто услышала забавный анекдот. — Серафимочка — куколка, она в своем французском пансионе едва с десятка проверочных рун на экзамене углядеть и смогла. Любимое дитя всеильного Абызова, да какое ей дело до волшбы, когда весь мир и без того у ее ножек? Милая, очаровательная, кокетливая, но не особо разумная, типичная кисейная барышня.

У Ивана о барышне Абызовой сложилось другое мнение. Но делиться им он не стал.

— Матушка ее, покойная Полина Захаровна, — продолжала Шароклякина, — пожалуй, кое-что могла. Феодосия Львовна была с нею знакома, не накоротке, шапочно, но все же помнит, какова была Полина. Говорит, красавица необычайная, только странная больно. Предвещала. Бывало, подойдет к кому на улице да шепнет тихонько: «Сегодня к вечерне не иди, лошадь понесет да тебя придавит». И сбывалось, бесилась у церкви лошадь, топтала всех, кто предвидению странной барышни не внял. И случаев таких преизрядно было, да только старик Бобынин в исключительность дочери не верил, потому как баб-чародеев не бывает. Все кручинился, что на голову девица слаба, никуда ее не пускал. Так бы и сидела Полина в девках, но... Ах, пикантность в том, что она как раз в девках-то и сидела до тридцати пяти годочков! Но, видно, со временем старик Бобынин хватку подрастерял, отпустил доченьку на выставку. Ванечка, вы слишком молоды, не помните. Первая Мокошь-градская всемирная выставка трудов промышленности, сельского хозяйства и изящных искусств! Под патронатом императорского дома! Великое событие. Десятки павильонов, балы, концерты. Тысячи посетителей отовсюду, промышленники, фабриканты, финансисты, художники, актеры. С выставки Полина домой не вернулась, усвистала за горы с каким-то Абызовым на пятнадцать лет себя моложе. Каково?

Шароклякина раскраснелась, ей так нравилось беседовать с этим внимательным молодым человеком.

Зорин внутренне поморщился. Теперь понятно, в кого у Серафимы Карповны эта страсть первому встречному на грудь бросаться.

— Ав-р-р...

Зорин перевел взгляд. У входа в их с Ларисой Павловной альков сидел Гаврюша и смотрел на чародея с укоризной.

Шароклякина, тоже заметившая кота, прошептала горячо:

— Уж не выдавайте, господин сыскарь, что я, старая баба, вашей зазнобе косточки мыла.

— Она мне не зазноба. — Иван привстал, выглядывая из-за гардины.

В библиотеку как раз входила Серафима, задержалась, полуобернувшись на пороге, что-то негромко проговорила.

— А вы, Лариса Павловна, вовсе обаятельная дама в самом расцвете лет.

— Я рассказала вам то, о чем буду жалеть.

За Серафимой вошла Наталья Наумовна, глаза ее были красны.

— Не жалейте, дражайшая, — скучным тоном сказал Зорин. — Я — сыскарь, мне все говорят гораздо больше, чем собирались.

Девицы спросили о чем-то библиотекаря, тот широким жестом указал в сторону алькова. Зорин вышел им навстречу из-за гардины. Серафима его едва заметила, Наталья же Наумовна, мило покраснев, улыбнулась.

— Лариса Павловна, — Серафима обратилась к Шароклякиной, — спасайте, голубушка.

— Что стряслось?

— Нам с кузиной нужно срочно в полицейское управление, а...

— Я рассчитала горничную, — сообщила Зорину Натали.

— Наслышан.

— Эта мерзавка на прощанье прихватила кое-что из моих драгоценностей. И теперь Фимочка хочет отправиться в местный приказ требовать справедливости.

— Да, конечно, милые. — Злонравный «Ромуальд» полетел на пол, взмахнув крыльями страниц, матрона поднялась.

Кажется, Лариса Павловна стыдилась той увлекшей ее беседы с Иваном Ивановичем. Ему стало неловко. Он поднял злосчастного «Ромуальда» и предложил:

— Барышень, если будет угодно, могу сопроводить я.

— Ах, — пропела Натали, — это было бы чудесно.

— Это было бы чудесно, — холодно проговорила Серафима, — если бы Иван Иванович являлся

нашим родственником или хотя бы твоим женихом.

Представив, как чудесно было бы быть женихом Натальи Наумовны, Зорин внутренне содрогнулся.

Серафима всячески избегала встречаться взглядом. «Обиделась? — подумал Иван, затем решил: — Точно обиделась».

— Девочки, не ссорьтесь. — Шароклякина заколыхалась к выходу, взяв под локоток Серафиму.

Наталья Наумовна тронулась следом, оступилась неловко, Зорин, конечности которого действовали прежде головы, удержал ее от падения.

— Благодарю, — проворковала кроткая голубица и вцепилась лапкой в рукав его пиджака.

У крыльца Натали опять оступилась, в ботиночек попал камешек, причиняя боль. Пришлось остановиться, расшнуровать ботинок, энергично встряхивать им, надевать обратно на облитую лиловым шелком ножку, зашнуровывать. Наталья Наумовна, отчаянно краснея, лепетала что-то о неприличии положения и о том, что ни один мужчина до сего момента ее обнаженных ножек не лицезрел.

Каменное выражение лица Ивану давалось не без труда. Будь на его месте сейчас друг Эльдар, барышня Бобынина давно лишилась бы и второго ботинка, и лиловых чулок, и переместились бы они на скамейку в тени кустов, потому что камешек мог проникнуть буквально куда угодно. Да уж, господину Мамаеву тут было бы раздолье. Да и с Серафимой бравадой сыскарь своего бы не упустил. От картины, которую услужливо обрисовало воображение, Зорина замутило. Ну уж нет!

— Вы чем-то опечалены, Иван Иванович? — Натали топнула обутой ногой и опять взяла чародей под руку.

— Скорее встревожен. — Он попытался ускорить шаг, но тут же попытку оставил, спутница семенила осторожно. — Ваша горничная заранее знала, что ей будет отказано от места?

— Отчего же?

— Я, дражайшая Наталья Наумовна, оказался случайным свидетелем, а точнее, слушателем вашего с мадемуазель Лулу драматического прощания.

— Ах вот что. Нет, Лулу не подозревала о моем решении, оно было спонтанным. Видимо, все дело в обычной вороватости сей особы. Драгоценности, скорее всего, были давно припрятаны среди ее вещей.

Зорин кивнул, изобразил сочувственную заинтересованность. Они спустились к набережной, Серафима с госпожой Шароклякиной успели отойти довольно далеко. Барышня Абызова матрону не щадила, обильные прелести той колыхались в ритме военного марша.

— С какого времени мадемуазель Лулу служила у вас?

— Да года три, наверное... — Натали, и без того неторопливая, совсем остановилась. — Нет, четыре! Я наняла горничную сразу после приезда Фимочки из пансиона. Дядюшка сокрушался, что я нехороша в языках, поэтому французская барышня в услужении показалась ему предпочтительнее.

— То есть господин Абызов сам ее отыскал? — Иван сам предложил локоть и увлек Натали продолжить променад.

— Ах, что вы, даже предположить такое невозможно, Карп Силыч не того веса человек, чтоб в хозяйственные мелочи вникать. Он обрисовал нам с Аркадием, каковы его требования, а уж мы...

— Через газету искали либо по знакомству? Рекомендации девица предоставила?

— Не дело юной барышни этим заниматься. — Натали вздернула подбородок. — Разумеется, все хлопоты взял на себя брат.

— Раньше ничего у вас из шкатулки не пропадало?

— Отчего же... — Она коротко вздохнула. — Лулу тащила по мелочи все, что плохо, по ее мнению, лежит. Будучи уличенной, рыдала, просила прощения. Я прощала. Потому что добра слишком, а еще...

— Что на этот раз пропало?

— Опять же всякая ерунда. Колечко с бирюзой, брошь. Я ведь, Иван Иванович, барышня бедная, это у Фимочки ларцы от самоцветов ломаются.

Зорин на Серафиме вообще никаких украшений не видел, только часики.

— И на эти самоцветы ваша гризетка тоже могла руки наложить?

— Не могла, Фимочкины драгоценности все до одной описаны и магическими метками защищены. Дядюшка так велел.

Колечко и брошь. Иван Иванович, прищурившись, посмотрел на спину целеустремленной Серафимы. Нашла повод в приказ явиться, авантюристка. И вертит же окружающими, как ей угодно, и кузиной, и госпожой Шароклякиной, и им, Иваном, тоже. «Простите, ради бога простите...» И шмыг за порог, особо секретными не поделившись.

— Может, ну его? — Будто прочитав мысли чародея спросила Натали. — Давайте на причал лучше прогуляемся? Присутственные места меня угнетают. К тому же Фимочка, насколько я успела заметить, не в восторге от вашего общества.

— Какая вы, Наталья Наумовна, наблюдательная! — восхитился Зорин и потащил ее вперед.

Барышня охнула, затем зачистила:

— Мне нельзя, решительно нельзя неудовольствие Абызовых вызвать. Поймите, Ванечка, я в полной их власти. Сейчас, когда мне пришлось расстаться с Лулу, Фимочка велела к ней в апартаменты переезжать, потому что мне теперь одной оставаться неприлично.

— Чудовищная ситуация.

Серафима уже спускалась по ступеням к дощатой террасе пляжа. Лариса Павловна тяжело дышала, прислонившись к балюстраде.

— Но Фимочка так настаивала на увольнении Лулу...

— Неужели?

— Она уверена, что моя горничная распускала нехорошие слухи о ней в местном обществе. Ну, знаете, о том, что Фимина матушка... — Натали смолкла, будто не решаясь говорить дальше.

Шароклякина обмахивалась огромным, как парус, носовым платком, спускаться за Серафимой на пляж, видимо, не собиралась.

— Матушка?

Зорин просто повторил последнее услышанное слово с вопросительной интонацией. Он часто пользовался этой хитростью, когда беседа его несколько не занимала, а продолжать ее требовали приличия или иная необходимость.

— Полина Захаровна Абызова, — драматичным шепотом сказала Натали. — Моя тетушка. Она закончила дни свои в скорбном доме. И сей факт Фимочку до крайней степени угнетает.

— Угнетает?

— Несомненно. Фимочка постоянно твердит, что безумие передается по наследству, ей сию премудрость в заграничном пансионе поведали.

— А в роду Бобыниных больше сумасшедших не было?

Наталья Наумовна обиделась:

— Наш благородный род...

— Происходит от соратника Берендия Первого, Бобыни. Я полистал Бархатную книгу. Примите восторги, Наталья Наумовна. Ваше семейное древо из одного корня с императорским дубом произрастало.

Натали сменила гнев на милость, улыбнулась и даже чуть ускорила шаг. Лариса Павловна помахала приветственно платком:

— Серафима внизу кого-то углядела, знаконца, попросила здесь ее обождать.

Зорин прислонил Натали к балюстраде, поклонился дамам и спустился на пустынный пляж. Серафима обнаружилась справа, шагах в двухстах у отвесной каменной стены. Компанию ей составлял молодой парень, видно из местных, в парусиновой паре с картузом в руке. Они как раз заканчивали разговор, потому что парень поклонился, надел картуз и зашагал прочь по

разложенным под стеной мосткам. Серафима провожала его взглядом, стоя к Зорину спиной. Он спрыгнул и пошел к ней. Доски пружинили, не заметить приближения чародея Серафима не могла, но обернулась, лишь когда Иван приблизился к ней вплотную.

— Господин Зорин, — она кивнула с равнодушно-злой улыбкой, — по служебной надобности рыщете?

— По личной. Хотелось с вами наедине побеседовать.

— Беседуйте, — разрешила Серафима, поправляя перчатки.

— Позвольте узнать, кто тот молодой человек, с которым вы только что распрощались?

— Не позволю.

Помолчали. Серафима не выдержала первой:

— Если вы желали обсудить наш послеобеденный поцелуй, любезный Иван Иванович, давайте закончим побыстрее.

— Начинайте, — разрешил Зорин и взял ее за руку, она дернулась, но Иван Иванович скользнул пальцами ей под манжету платья и извлек сложенную многократно записку.

— Отдайте!

— Ротмистр Сухов, кажется? — Иван мотнул головой, указывая направление. — Военную выправку простой одеждой не скроешь. — Почтальон любви?

— По какому праву вы учиняете мне обыск?

Он рассматривал послание, сложенное хитроумными складками так, что походило на бумажную розу. Траурные венки такими украшают. Тяжело вздохнул:

— Держите, огненная Серафима. Простите скандальную выходку и прочее...

— Тогда вы мне простите утреннюю выходку, — энергично предложила барышня, — и прочее...

Она попыталась обойти Зорина по шатким мосткам.

— Когда у вас свидание с князем?

Иван придержал ее за плечи, чтоб не упала. В придерживании барышень он за сегодня натренировался на годы вперед.

— После заката. — Соболи брови Серафимы сдвинулись к переносице. — Как все успеть, ума не приложу, было бы в сутках часов сорок, вот тогда ладно бы было. Вы бы мой список дел на сегодня посмотрели, ахнули бы.

Она уже отвернулась от Зорина, чтоб устремиться к лестнице.

Иван чувствовал себя прескверно, дураком, если по-простому. Записку еще отбирать бросился, болван. Побеседовать с вами желаю... О чем вам с ней беседовать? Ах, Серафима Карповна, простите, оплошал, застигнутый врасплох вашими эротическими порывами? Он же просто хотел попросить ее отступить, дать ему закончить то, что начал третьего дня. И посулить и Маняшу, живую и невредимую, и голову Крампуса вместо пресс-папье. А после исполнить обещание и вернуться в Мокосшь-град, вспоминая Руян как страшный сон.

— Чуть не забыла. — Серафима резко остановилась, обернувшись, отчего Зорину опять пришлось ее придержать. — Иван Иванович, не обижайте Натали, пожалуйста.

— И в мыслях не было. — В мыслях и правда было совсем другое, абсолютно с Натальей Наумовой не связанное, например, родинка в левом уголке рта.

— Натали настрадалась в своей жизни предостаточно, поверьте.

— Верю.

— И у нее тонкая душевная организация.

— Организация?

— Да вы меня не слушаете!

Иван Иванович кивнул, соглашаясь с обвинением, и поцеловал барышню Абызову.

Недаром говорят умные люди, хочешь рассмешить судьбу, поведай ей о своих планах. Хорошо хоть планы мои порушенные были, в сущности, мелкими и незначительными. Но обо всем по порядку. Не успели мы с Гавром спуститься по лестнице, только преодолели первый пролет, путь нам преградило всхлипывающее и стонающее тело дражайшей кузины. Натали сидела на ступеньке, сотрясаясь в рыданиях.

— Что приключилось?

— Ах, Фимочка! Ограбили! Лулу-мерзавка!

Я отобрала у кузины носовой платок и флакончик с ароматической солью, промокнула слезные реки, втерла в виски по капельке снадобья:

— Может, в номер вернемся, водички попьешь?

— Не могу! — горестный стон. — Не могу-у! Колечко с бирюзой и брошь!

— Я тебе другие подарю, еще лучше.

Но Натали меня не слушала:

— Смотрю, нет драгоценностей. Я сразу к Ивану побежала, чтоб он мерзавку к ответу призвал, а его нет-у-у!

Я посмотрела на дверь зоринского номера.

— У прислуги спрашивала, куда твоя воровка из отеля отправилась?

Натали подняла на меня красные от слез глаза:

— Не оставляй меня, Фимочка! Меня теперь любой обидеть может! Любой... Лулу... мерзавка... к ответу...

Поняв, что слова мои услышаны не были, я потянула кузину за руку:

— В управу пойдем, сообщим о краже.

— Но Иван?

Видеть господина Зорина мне совершенно не хотелось.

— Мы, сестрица, и сами с усами. Околоточный надзиратель мне знаком, он городского на причал отправит, если гризетка твоя с острова уплыть надумает, там ее, голубушку, и арестуют.

Всхлипывания Натали стали совсем уж неразборчивыми, но она послушно поднялась на ноги.

— Фимочка, — кузина заметила Гавра, ожидающего нас у стены, — умоляю, избавься от этого исчадия бездны. Мои чувства, и без того расстроенные, не вынесут, не... И-ик!

Гаврюша в руки дался, но зарычал, когда понял, что я несу его обратно в наши апартаменты.

— Это не арест, — шептала я в мохнатое ухо. — И не наказание. Посиди дома, пока я с Наташкой до присутствия прогуляюсь. Ты же видишь, не в себе она, а когда дева не в себе, под нее и прогнуться разочек можно. Ну будь умницей, разбойник. Обещаю гостинец принести. Чего желаешь? Пирожок? Рыбки свежезажаренной? Или хочешь, чайку велю тебе изловить?

При слове «чайка» кисточка на ухе дернулась.

— Глупость сболтнула, — пошла я на попятную. — Не хватало еще горничных фраппировать птичьими останками на шелковых простынях.

Кот был очень горячим и показался мне несколько вялым.

Я уложила его в спальне, велела:

— Согревай постель. Раз ты у нас кот сонный, будешь меня нынче ко сну сопровождать.

Пока я возилась с Гавром, кузина успела заглянуть к себе, умыться, поправить прическу и надеть шляпку для прогулок.

— Надо разыскать Ивана, — твердо сказала Натали, беря меня под руку. — Барышни не могут посещать присутствие без сопровождения.

— Друг друга барышни сопроводить не могут? — переспросила я, понимая, что малой кровью не отделаюсь.

Сейчас придется искать Зорина, лепетать ему про заколки с колечками, выносить его презрительные взгляды. Конечно же он подумает, что идея от меня исходит, он подумает, что я за ним бегаю! Точно подумает, я бы на его месте решила ровно так. Меня бросило в жар и озноб одновременно. Воспоминания о позорном моем поцелуе болезненно отозвались в сердце.

— Лариса Павловна нас сопроводит.

Возражений я не слушала, подозвала дежурного портье. Тот сообщил, что госпожа Шароклякина отправилась в библиотеку, а то, что отправилась она туда отнюдь не в одиночестве, сообщить не удалось. Поэтому первым, кого я там увидела, был свидетель моего давешнего позора.

Я шла, будто босиком по раскаленным углям. Главное, не разреветься, главное, не искать его взгляда, главное...

— Лариса Павловна, — звонким голосом позвала я, сбрасывая оцепенение, — голубушка...

И, не снижая темпа, принялась тормозить матрону. Если напор мой будет достаточно силен, мы успеем покинуть библиотеку, избежав беседы с чародеем. Не удалось. Низкий зоринский бас вызвал дрожь по позвоночнику.

— Это было бы чудесно! — воскликнула Натали на его предложение.

Я возразила, уже понимая, что страдания мои растягиваются по времени. Но, к счастью, госпожа Шароклякина потрусила бодрой рысцой, и кузина с Иваном Ивановичем несколько отстали.

— А Гаврюшенька-то за нами поспекает? — обернулась Лариса Павловна.

— Я его в апартаментах заперла, у них с дражайшей кухней взаимная непереносимость.

— Неужели? Я готова была поклясться, что котик был с вами в библиотеке.

Я пожала плечами, мало ли что кому могло показаться.

Шароклякина тему не продолжала, были у нее разговоры поинтереснее:

— А вы что же, Серафимочка, отступаете, не желаете за счастье свое женское побороться?

И хватает же дыхания старой карге на ходу неприятные вопросы задавать.

— Простите?

— Наталья Наумовна столь решительно штурмует Ивана Ивановича, что вам пора вмешаться.

— Крепость сия расположена вне пределов моих интересов.

— Отчего же? — пыхла Шароклякина. — Красавец, дворянин, чародей. Он мог бы стать вам прекрасным...

— Зятем, — перебила я матрону. — Наталья Наумовна составит счастье красавцу, дворянину и чародею, по взаимному, разумеется, желанию.

На брусчатку перед нами упала горсть камешков. Я удивленно проследила, откуда их бросили. За балюстрадой стоял молодой человек, солнце светило ему в спину, так что рассмотреть я могла лишь силуэт.

— Кажется, он пытается привлечь ваше внимание, Серафимочка.

— Еще бы посвистел, чтоб наверняка привлечь, — пробормотала я раздраженно. — Подождете меня?

Информаторы, коими я разжилась последнее время, были столь многочисленно-разнообразны, что это мог оказаться один из них. Ну и беседа с Ларисой Павловной приняла довольно неприятный характер, я обрадовалась поводу ее прервать. Выясню, кому я понадобилась, а пока занята, господин Зорин с кухней нас нагонят, и Шароклякиной придется обсуждать буйство руянских стихий, а не мои сердечные дела.

— Что за конспирация? — спросила я ротмистра Сухова, приблизившись и узнав.

— Серафима Карповна, — он сдернул картуз, сделал прерванную на полпути попытку поцеловать мою руку и увлек прочь от лестницы, — здесь нас никто с набережной не заметит.

— Мы прячемся?

— Кругом шпионы! — ротмистр сделал большие глаза.

Я вздохнула и подавила желание попрыгать, очень уж приятно пружинили под ногами дощатые мостки.

— Княгиня Кошкина, бабушка Анатоля, — горячо продолжал гусар, — контролирует каждый его шаг. Анатолю не желает подвергать вас опасности, прелестная Серафима!

— Карповна! — поправила я с нажимом.

— Простите, Серафима Карповна. — Ротмистр извлек из кармана чудовищных холщовых штанов сложенную записку. — Роза для розы. Князь приглашает вас нынче на прогулку под звездами.

Записку я взяла.

— Какой ответ я должен передать его сиятельству?

— Никакого. — Я изобразила оскорбленную добродетель. — И пусть отсутствие ответа напомнит его сиятельству о приличиях, коими обязан руководствоваться дворянин.

Спиной я чувствовала чей-то тяжелый взгляд, хотя нет, не чей-то. Я была уверена, что у лестницы стоит господин столичный чародей.

Ротмистр бросил взор поверх моего плеча, поскущел, поклонился, прощаясь.

Я замерла, еще минуточка требовалась, чтоб привести в порядок лицо и дыхание. Упругое движение досок.

— Господин Зорин, — успела я надеть равнодушную улыбку, — по служебной надобности рыщете?

— По личной, — довольно двусмысленно изрек он. — Хотелось с вами наедине побеседовать.

Поглумиться решили, господин хороший? Остатки гордости моей девичьей растоптать?

— Беседуйте. — Я незаметно спрятала за манжету записку от князя.

— Позвольте узнать, кто тот молодой человек, с которым вы только что распрощались?

— Не позволю.

Мне показалось или в тоне чародея прозвучали собственнические нотки? Неужели, он считает, что теперь, после моей компрометации, может диктовать свою волю?

— Если вы желали обсудить наш послеобеденный поцелуй, любезный Иван Иванович, давайте закончим побыстрее.

Хороший тон. Деловой. Я показала, что несколько не тревожусь.

Зорин что-то ответил, я не расслышала, потому что одновременно с этим он взял мою руку, скользнул пальцами по запястью, обнаженными пальцами по обнаженному запястью. Горячо!

Записка от князя теперь была у чародея.

— Отдайте! — жалко вскрикнула я.

— Ротмистр Сухов, кажется? Почтальон любви?

Опять послышались те самые нотки, даже с неким оттенком ревности. Вот и правильно, и ревнуй, ирод. Пусть тебе каждая моя слезинка отольется!

Я выкрикнула нечто грозное, особо не задумываясь. Он. Меня. Ревнует.

Но торжество продлилось недолго, Зорин равнодушно сунул мне в руки розу, извинился. Я извинения вернула, для вселенской симметрии и чтоб не молчать.

Не тяни время, Серафима. Ежу понятно, что ничем тебе приятным сия «личная» беседа не закончится.

— Когда у вас свидание с князем?

Он держал мои плечи осторожно, будто я была фарфоровой куклой и он опасался меня поломать. Мне стало томно. Князь! Думай о князе. Когда там его сиятельство меня лицезреть желал? Звезды, кажется, упоминались.

— После заката. — И я, скрывая свою томность от собеседника, принялась тарыхтеть: — Как все успеть, ума не приложу, было бы в сутках часов сорок, вот тогда ладно бы было...

Я все говорила, почти бегом устремившись к лестнице. Что-то я еще должна была ему сказать. Не князю, Ивану. Что-то важное и неотвратимое, о чем давеча решила. Натали, моя кроткая кузина, влюблена в этого ирода. А что, если он и с нею, так же как со мной, поступит? Если отвергнет? Я-то ладно, барышня крепкая, а она...

— Иван Иванович, не обижайте Натали, пожалуйста.

Подлый девичий ход. Будто свой позор на сестрицу перевожу.

— И в мыслях не было.

Я продолжала подличать, фальшиво хлопотать за Наташку, будто от моих жалких слов действительно хоть что-то зависело.

Глаза чародея не отрываясь смотрели на мой рот, а затем он...

Этот поцелуй нисколько не походил на утренний, вот нисколечко. Он был горячим и влажным, и требовательным. А еще это был иудин поцелуй, потому что я предавала чувства своей кузины. Подлая, подлая Серафима.

Однако, когда мне показалось, что Иван отстраняется, я всхлипнула и требовательно обхватила руками его шею.

— Бешеная, — выдохнул он радостно, приподнял меня к себе, развернул, прислонив спиной к тесаному камню стены.

Закрыв глаза, я всем телом впитывала новые ощущения. Мне хотелось раствориться в них, в этом мужчине, поймать каждый его хриплый вздох, потрогать его мощные плечи, его грудь, всего его потрогать, без перчаток, без...

— Что же мне с тобой теперь делать, Фима, Сима, Серафима?

Я открыла глаза. Зорин осторожно поставил меня на мостки став сразу на полторы головы выше. Был он растрепан, будто минуту назад целовался со взбалмошной девицею, которая его, ко всему, попыталась раздеть.

— А пока господин Зорин думает, что делать с барышней Абызовой, — сообщила я в пространство, — сама барышня свершит то, что ей давно хотелось.

И запрыгала на пружинящих досках.

— Пообещай не ходить к князю, — попросил Иван, уже серьезный, собранный и с аккуратно повязанным галстуком.

— А ты тогда, — принялась я загибать пальцы, — Наталье Наумовне надежд не давай, Аннушке авансов не делай и вообще не смей замечать никаких женщин, кроме меня.

Зорин покачал головой:

— Опять выскользнуть хочешь?

Я погрустнела:

— Вот охота тебе серьёзничать. Может, у меня никогда больше в жизни ничего столь страстного не предвидится, дай хотя бы в любовь поиграть.

— Значит, так, — пальцев он не загибал, по крайней мере физически, но веско обозначал пункты своего списка серьезным тоном. — Играть в любовь мы не будем, не того склада я человек, да и ты достойна большего. Все, Серафима, будет у нас по-настоящему.

— Вот еще! Может, я того не желаю.

— Значит не будет, — легко согласился он, даже слишком легко. — Ступай обратно к дамам, я, к

сожалению, компанию вам составить сегодня не смогу.

Я удивленно изогнула бровь:

— И как же я это им объясню?

— Что-нибудь придумаешь. — Он поклонился, прощаясь, и отправился прочь, в сторону, куда недавно, а кажется, сто лет назад, уходил ротмистр Сухов.

Сказать, что я разозлилась, значит не сказать ровным счетом ничего. Ах, господин чародей оскорбился отказом! Так уж трудно было объяснение повторить? Да кто вообще с первого же раза отступает? Или не знает болван, что, если женщина говорит «нет», это значит, что она почти согласна? Бирюк, болван, тупица. Вот назло теперь на свидание с Анатодем отправлюсь, хотя и не собиралась вовсе. Хотя какие еще свидания, когда у меня с Маняшей беда? Тогда скажу ему, что пошла, а сама не пойду, а князю скажу, что не пойду, и не пойду! К черту, к лешему, на кудыкину гору...

Я поднялась по каменным ступеням на набережную в таком раздражении, что даже господин Фальк слегка попятился. Алебарды при нем не было, поэтому отправлять околоточного надзирателя по следу беглого Зорина я не стала.

— Йосиф Хаанович, — присела в книксене, — а мы к вам.

— Вы?

Я огляделась. Госпожа Шароклякина выходила из двери сувенирной лавочки.

— Носик пудрила, — сообщила матрона, поглядывая на околоточного сверху вниз, видно, такой угол обзора был ей в новинку. — А вы, стало быть, страж закона и порядка? Лариса Павловна Шароклякина. Вдова.

Многозначительно выделив последнее слово, она сунула Фальку руку, которую тот поцеловал с видом слегка сомнамбулическим.

— Наталья Наумовна не с вами? — спросила я.

— Ей пришлось другую диспозицию для припудривания искать, вообрази, нас с ней одновременно неодолимое желание посетило. — Шароклякина подмигнула гному. — Обождем?

Йосиф Хаанович покраснел, многословно представился, к имени и званию присовокупив восхищение.

Мне никогда еще не доводилось быть свидетелем флирта двух зрелых, даже пожилых, людей, поэтому, откуда появилась кузина, я не заметила, увлеченная разворачивающимся представлением. Старая школа. Манифик! Шароклякина обстреливала кавалера взглядами такого калибра, что гном с трудом удерживался вертикально, но, к чести его, успевал отвечать цветистыми комплиментами и подкручивать ус.

— А где же Иван? — жалобно спросила кузина.

Я ощутила укол стыда:

— По срочной служебной надобности отправился, велел кланяться и передать глубочайшие извинения.

Натали погрузилась, равнодушно поддакивала, когда я обрисовывала Йосифу Хаановичу ситуацию. Околоточный надзиратель выразил готовность лично произвести осмотр и отправился с нами в отель.

Всю дорогу меня мучил стыд за разбитое сердце Натальи Наумовны. Гадкая ты, Серафима, подлая баба. Всего у тебя в преизбытке, однако у бедной родственницы последний кусок стащить желаешь. Еще и скрытничает, как тварь последняя.

Кузина, напротив, возбудившаяся от ходьбы, отставила грустный тон и все щебетала, рассказывала о том, как какая-то столичная подружка представила ей Ивана Ивановича да как она, Натали, сразу рассмотрела его порядочность и золотое сердце.

Прервать эти воспоминания своими откровениями я решительно не была способна.

Осмотр номера Натальи Наумовны длился ровно полторы минуты. Когда кузина выдвинула ящик комода, чтоб показать опустевшую шкатулку, господин Фальк пошарил в том же ящичке, запустив в него руку по плечо и извлек колечко с бирюзой и брошь черного серебра.

Лариса Павловна зааплодировала.

Натали пробормотала:

— Эскюзе муа...

— Зря мы твою Лулу ругали, — сказала я. — Йосиф Хаанович, наша благодарность не знает границ. Позвольте в дар вашему управлению самописец преподнести?

Околоточный самописцев не желал, а желал прогулки с прелестной Ларисой Павловной. Шароклякина поломалась для виду, да и отправилась восвояси с верным воздыхателем.

— Какая нелепая пара, — сказала Натали, закатив глаза.

— А по-моему, они милые.

Тут кузина вспомнила, что скоро ужин и что за ужином она увидит Ивана Ивановича. Я засобиравалась к себе, чтоб переодеться.

— Фимочка, — остановила меня Натали, взяв за плечи и доверительно глядя в глаза. — Тайное всегда становится явным.

Я смущенно потупилась:

— Не хотела тебя обманывать.

— Но слухи уже пошли!

Мне совсем поплохело. Неужели кто-то видел, как я к Ивану в номер заходила? Или позже, на пляже, как он... как мы?

— И наша с тобою наипервейшая задача, — продолжала меж тем кузина, — эти слухи на корню пресечь. Твоя нянька сбежала, я тоже осталась без дуэньи.

Так вот какие слухи имелись в виду!

— Я перееду к тебе в апартаменты сегодня же, Серафима. Так мы соблюдем пристойность, в конце концов, я старше и должна тебя опекать.

Возражать я не собиравалась, только вот момент признаться в увлечении Зориным опять был упущен, и чтоб хоть как-то заглушить чувство вины, я предложила Натали выбрать платице к вечерней трапезе из моего гардероба.

К нашему с ней обоюдному разочарованию, Иван Иванович на ужин не явился. Шароклякина была рассеянна и смешлива.

— Сбежал, говорите, разбойник? — хихикнула, когда я пожаловалась, что Гавра в апартаментах по возвращении не обнаружила. — Значит, не примерещился он мне в библиотеке.

— Не могу сказать, что опечалена его отсутствием, — сказала Натали, занявшая за нашим столом место Маняши.

Аппетита не было совсем, поэтому ужин удовольствия не доставил. Господин Сиваков занудствовал, его супруга, кажется, дремала, мерно двигая челюстями, Аннушка кривлялась по обыкновению, кузина поглядывала на дверь, Лариса Павловна посматривала на Натали, на ее горчичное платье с кружевной отделкой да на ониксовый гарнитур, который я подарила родственнице в комплект к платью.

После десерта я демонстративно потерла виски:

— Отправлюсь почивать.

Прочая компания собиравалась прогуляться по набережной до площадки, где под открытым небом их ждал скрипичный оркестр.

В коридоре хлопотала отельная горничная, та самая, что передавала мне цветы от князя. Я вспомнила, что собиравалась отругать нерадивую девку, но за что именно, припомнить не смогла. Виски на самом деле будто обручем сдавило.

— Вам нехорошо, барышня? — Широкое ее лицо выражало искреннюю тревогу.

— Что? Да, нет... Записка! Ты должна была мне ее передать, а отдала чужой прислуге.

— Христом Богом, барышня, — девица под руку повела меня к апартаментам, — я в чужие амурные дела не лезу, оно всегда себе дороже получается.

Ах, какая, в сущности, разница, кто кому эту эпистолу отдал. Лулу, наверное, отплыла уже. Оставим, забудем.

Голова болела так сильно, что даже замутило.

Горничная, которую звали Хильда, отперла моей картой двери, зажгла горелку на столике, зазвенела склянками.

— Мятной вас обычно ко сну сопровождают?

Я кивнула, безвольно дожидаясь, пока напиток будет готов.

Хильда взбила мне постель, помогла раздеться и облачиться в ночную сорочку. Мятный вкус во рту прогнал тошноту, я улеглась на свежие простыни, наблюдая, как горничная хлопочет, прибирая в гардеробную дневное и вечернее платья.

— Вот записочка еще. — Хильда подняла с пола бумажную розу князя, видимо выпавшую из рукава.

Я развернула, прочла. Роза для розы и про то, как увидимся мы с князем под звездами.

В окно заскреблись, горничная юркнула за шторы:

— Баюн ваш, барышня, пожаловал. Впускать?

— Кто?

— Сонный кот, стало быть, баюн и есть.

Она скрипнула оконной рамой, Гавр зарычал и впрыгнул в комнату.

— Где тебя только носило?

— Брысь! Грязный-то какой! Куда в постель?

— Оставь, — попросила я ее, ощущая на животе горячую тяжесть кошачьего тела. — Я потом прачек ваших отблагодарю за труды.

— Тогда я вас оставлю? — Девушка присела в книксене.

— Спасибо, милая. — Отпустила я ее. — Хотя... Будь любезна, там, в комод, в верхнем ящике платок носовой лежит. Принеси. И, Хильда, там же в вазочке денежка какая-то, возьми себе за труды.

Она просьбу выполнила.

— Карту, которая ключ, я в вазочку положила, а ежели водицы ночью изволите, графинчик у кровати.

— Благодарю.

Она погасила все лампы, кроме ночника, и покинула апартаменты, заперев дверь снаружи своим ключом.

— Ты понимаешь, разбойник, что уснуть у меня не получится? — погладила я Гавра по грязной спине, под пальцами перекатывались какие-то хрящики или колтуны. — Я без Маняши спать никак не могу.

— Авр-р, — сказал Гавр и надавил мне лапами на живот.

— А еще я влюбилась.

— Авр-р...

— Вот сейчас вслух изрекла и понимаю, насколько нелепо это звучит. Да ты всего лишь кот, даже если и баюн, тебе рассказать не стыдно. Думаешь, почему я носовой платок в постель прихватила? Ты об этом не думаешь? И правильно. Не хватало еще котам о носовых платках думать. А вот будь здесь вместо тебя Маняша, она бы по одной капельке крови всю подноготную господина чародея вызнала. Она может, я знаю. Эх, Маняша бы мне объяснила, что за странная чувствительность на меня накатила да что мне теперь с этим делать.

— Ав-р...

Рык Гавра давно перешел в монотонное кошачье урчание, которое отдавалась во всем теле приятной расслабляющей вибрацией.

— Ты чего это жуешь? Эпистолу от князя? Фу, выплюнь! Нет. Мне не жалко нисколечко. И не собиралась я к нему на свидания бегать. Ну не хочешь, не плюй. Будем считать, что это и есть мой обещанный тебе гостинец.

Глаза у Гаврюши были васильковые, дурашливые, умные, с черными, будто тушью обрисованными, веками и белыми кустистыми ресницами. Кошачьи поперечные зрачки — ночь в синеве. И в эту затягивающую темноту я смотрела, смотрела, смотрела, пока не уснула.

— Роза для розы, — звякнули напольные часы. — Р-роза для р-р-р...

— Да иду, иду!

Я посмотрела на Гавра. Во сне он оказался размером с дикого кабана, а белые полосы на его шерсти мерцали ослепительно-ярким светом.

— Красавец, — сказала я, нисколько не удивившись.

— Авр-р, — согласился красавец гулким басом.

— Пошли? — предложила я. — Только лоскутников опасайся.

Я приподняла подол серебристого бального платья и полюбовалась хрустальными туфельками. Чего-то не доставало. Кот выпростал огромную лапу, пододвинул ко мне квадратную тряпицу. То, что нужно! Я подняла ее за уголок, встряхнула. Шелк заструился, вытягиваясь. По белой ткани побежала алая дорожка, складываясь в извилистый узор. Я накинула на плечи получившуюся шаль.

— Платье теперь не подходит, — пожаловалась коту.

Тот ответил взглядом, в котором читалось невысокое о моем уме мнение.

Вот ты, Серафима, недалекая! Во сне каждый сам себе чародей! Наколдуй себе подходящий наряд.

Я хихикнула, крутанулась на каблучках хрустальных туфелек, подпрыгнула так, что вздрогнула земля, и опустилась уже на траву. Теперь я была облачена в гусарский доломан с ментиком, удобные рейтузы и сапожки. Носовой платок превратился в кушак, который я завязала на талии.

— Где мы?

Над неподвижным морем раскинулось плащом звездное небо. На холме возвышался дуб, оплетающие его цепи мерцали. Приблизившись, я увидела, что дерево расколото и цепи стягивают обе его половинки, не давая им развалиться.

Но где же князь?

— Авр-р...

Кот толкнул лапой камень, будто навечно вросший в землю. Глыба откатилась в сторону, открывая тесные ступени, спускающиеся вниз.

— Давно мне таких интересных снов не снилось. — И я пошла вниз, замирая от предвкушения.

Гавр следовал за мной бесшумно, да и мои шаги оказались нереально легки.

Прозрачный потолочный свод, над ним — толща подсвеченной лунным светом воды, в которой мельтешат стайки серебристых рыбок. Я любовалась диковинным зрелищем, запрокинув голову, поэтому не заметила, в какую сторону мы со спутником повернули, остановилась лишь, уткнувшись лбом в стену.

— Предупредить не мог? — пристыдила я кота, потирая лоб.

В рычании Гавр явственно различалась насмешка.

— Делать теперь что прикажешь?

Серафима, это твой сон! Тебе и карты в руки.

Я потерла стену ладонью, стирая изморозь, обнажилось гладкое как лед стекло. Я подышала на него, сызнова потерла. За стеклом различались какие-то фигуры.

Я испуганно отшатнулась. Покойники? Но ближайший ко мне силуэт шевельнулся, мне показалось, что это мужчина.

Итак, что дальше? Постучать, привлекая внимание незнакомца? А оно мне надо? Ну то есть, чего именно я желаю добиться? Посмотреть, кто это, но так, чтоб он меня не увидел. Потому что, мало ли кто мне во сне встретится, вдруг он из этих, из лоскутников? Только кошмара мне не доставало.

Я тюкнула в стену кулаком, разбивая ее в мелкое крошево.

— Тихо!

Не осколки, но тополиный пух укрыл коридор, чтоб сразу же развеяться серым туманом.

Гавр за спиной вздохнул.

— Не бойся, разбойник. — Обернувшись, я встретилась с ним взглядом, теперь кот был ростом с меня и глаза наши оказались на одном уровне. — Это мой сон, и в нем мы с тобой видимы и слышимы только друг для друга. Почему? Потому что я так решила.

Я потрепала его за ушком, огромным таким ушищем, лопухи и то помельче попадают, забросила руку на шею и увлекла вперед.

— Пошли, мне страсть как любопытно.

Шерсть кота была мягкой и теплой, а бок, к которому я прижималась, мерно вздымался и опадал в такт его дыханию.

Мы вошли в большую круглую залу, похожую на уже видимое мною навье капище. На одном из камней в центре, то ли алтарном, то ли от кострища, сидел Иван Иванович Зорин и нас с Гаврюшей не замечал. Погружен чародей был в беседу с двумя незнакомыми мне мужчинами. Забавно, но оба его собеседника сидели на грубо сколоченном топчане, поджав под себя ноги. Мебель смотрелась в пещере крайне инородно, и так же странно выглядел кусок видимой за ними отштукатуренной стены.

— И все же, — говорил темно-русый скуластый господин, — использовать навьи мороки для связи я считаю крайне опасной затеей.

— Не завидуй, Эльдар. — Второй был рыжий, кудрявый и, сидя, казался повыше ростом. — Я вот, например, почти перестал.

— Было бы чему завидовать, — пробасил Зорин.

Столь вопиющую расхристанность господина чародея мне ранее видеть не приходилось, даже когда сама к тому руки прикладывала. Без галстука, порванный ворот рубахи открывает грудь, а на спине и под мышками расплываются темные пятна пота.

— Твоя, Иван, скромность, — протянул рыжий, — граничит с высокомерием. Я навскидку ни одного чародея тебе не назову, кто смог бы эдакую штуку повернуть. Давай, не томи, до чего на Руяне докопался. Аффирмация у тебя?

— У меня, — вздохнул Зорин. — Но я не затем вас призвал. Эльдар, да не мельтеши лицом. Я уже понял, что ты меня не одобряешь. Скажи ему, Семен, чтобы перестал фонить, отвлекает.

Рыжий Семен цыкнул на соседа:

— Угомонись, Мамаев, а то отряжу в помощь Евангелине Романовне протоколы сшивать.

— Сейчас? Ночью?

— В присутственное время. Даже Евангелина Романовна ночами службу нести не может.

— Как там Гелюшка? — спросил Иван.

Рыжий обстоятельно ему отвечал, а я поняла, что-мой сон перестает мне нравиться.

— Брют рыщет, ни на день нас своими заботами не оставляя, — закончил пояснения Семен.

— Кстати, Юлий Францевич любопытствовал давеча у нашей Попович, как продвигается твоя, Ванечка, служба, — сказал Мамаев и как-то по-особенному склонил голову к плечу, будто находя в виде Зорина доселе неведомые черты. — Да ты сам на себя не похож! Влюбился, что ли, там на Руяне? Брось! Жозефина тебе физиономию расцарапает!

Какой дурацкий сон! Евангелина Романовна Попович, сиречь Гелюшка, а теперь еще и Жозефина?

— Я, кажется, понял, для чего чародейский приказ в Брютовой комбинации понадобился, — говорил меж тем Зорин. — Только полной картины составить не могу.

— С конца начинай, — велел Семен, и сразу стало понятно, что он этим двоим начальник.

— Покушение на августейшего монарха, — послушно ответил Иван.

Мамаев расхохотался и толкнул рыжего в плечо:

— Ну, господин Крестовский, Семен ты наш Аристархович, много понял?

Рыжий смутился, нахмурился, но вскоре тоже хохотнул.

Иван смотрел на них с теплотой:

— Я, Семушка, лучше по порядку. Есть в нашей богоспасаемой империи некий загорский миллионщик господин Абызов.

— Промышленник, — сказал Мамаев быстро. — Все гнумское паровозостроение на его литье завязано.

— А с Брютом у него ничего не завязано?

Мамаев посмотрел на Семена:

— Вполне возможно. — Рыжий Крестовский будто вспоминал что-то. — Погодите, сыскарики, где-то я эту фамилию слышал именно в связи с Юлием Францевичем. Эльдар, кроме металла там что-то есть у этого Абызова?

— Да я вам справочная служба, что ли, — озлился Мамаев. — Всенепременно есть, он же не с пустого места литье поднимал. Ну, предположим... Что же там за горами в цене? Пушнина там, пенька...

— Сам ты пенька.

— Малахит.

— Точно! — Семен отвесил соседу щелбан. — Умница ты моя басурманская. На приеме у обер-полицмейстера кто-то восхитился малахитовым столиком в курительной, а Брют сказал, что господин Абызов не желает ему лицензию на добычу переуступить.

Крестовский посмотрел на Зорина:

— Оно?

— Похоже...

— А теперь изящно сведи мне воедино господина Абызова, Юлия Францевича и покушение.

— Есть у Карпа Силыча Абызова дочь...

— Это гораздо интереснее пеньки. И как она? Хороша? Познакомился? — Перебил Мамаев, за что был ухвачен за шею длинной рукой Семена.

— И желает барышня сия, — Зорин дурашливости собеседника будто не заметил, — выйти замуж за его сиятельство князя Кошкина.

Собеседники Зорина переглянулись и опять рассмеялись.

— Это еще только присказка. Барышня не простая, а золотая. Папенька может ей любого жениха купить, но понадобился ей именно князь Кошкин с его аффирмацией.

Семен посерьезнел, Мамаев притих, а Зорин продолжал изложение:

— На нашу барышню Абызову мощный арасский аркан наложен, запирающий, настолько мощный, что ее способности чуть не в минус ушли.

— Аффирмация напрямую связывает носителя с императором. — Крестовский сообразил быстро. — Девица — сильный маг, в момент венчания аркан развевается, ее сила хлынет через мужа к...

— Как же изящно! — восхитился Мамаев. — Надежнее убийства венценосной особы и не

придумает. А ты что, арестовал проказницу? Юлий Францевич от тебя же именно этого ждет. Деву в острог, папеньку на каторгу, имущество в казну, а лицензию — господину канцлеру.

— Горазд Юлий Францевич чужими руками жар загребать, — сказал Крестовский. — Если ты нынче же вернешься в Мокошь-град, фактически задание будет исполнено.

— Нас в это покушение будут тыкать носом, пока не сделаем то, чего от нас хотят. — Зорин раздраженно хлопнул ладонью о колено. — Пришлют клязу анонимную от равнодушного подданного или человечка сдадут по другому делу, чтоб на допросе фамилия Абызовых всплыла.

Они помолчали, я обошла Гавра и прислонилась к нему другим боком, погреться.

— А отчего же барышня Абызова магии своей не желает? — спросил Эльдар.

— Не уверен, но дальний предок барышни знатным некромантом оказался, предполагаю, что такие способности девушке омерзительны.

— Какая стихия ее ведет?

Зорин вздохнул:

— Огонь.

— Семен! — Мамаев шаловливо толкнул рыжего в бок. — Добропорядочность Ивана Ивановича под угрозой! Огненная дева испепелит его страстью. Уж кто-кто, а я прекрасно осведомлен, какие желания огонь в своих адептах будит. Говоришь, сильна?

— Я не знаю насколько. — Покрасневший Иван Иванович махнул рукой.

— Значит, так. — Крестовский тряхнул головой, я заметила, что в обеих мочках у него блестят довольно крупные сапфиры. — Иван остается на острове. Делай что хочешь, хоть сам на барышне Абызовой женись, только к князю ее не подпускай и от себя не отпускай. Мне дней десять форы надобно. Второе, что с Гертрудой Зигг?

Гавр щекотал мне усами щеку, я отмахнулась, но рука прошла сквозь кошачий бок, будто сквозь облако.

«Роза для розы! — Прогремело тревожно: — Роза!»

Пещера исчезла. Пропали приятели-чародеи, диковинные прозрачные потолки и рыбки над ними. Я оказалась в густом непроглядном тумане, ноги не чувствовали опоры, я даже перестала понимать, где верх, а где низ.

— Гаврюша! — крикнула я. — К ноге!

Команда была скорее собачья, видимо, поэтому мой сонный кот воспринял ее буквально. Через мгновение я уже балансировала, стоя на его широкой полосатой спине. Лоскутники появились неожиданно, заходя сверху клином неопрятных птиц.

— N'attendez pas! Не дождетесь! — заорала я по-французски и топнула ногой. — Желаю немедленно проснуться в своей постели!

И открыла глаза, комкая в левой руке носовой платок, а правой прижимая к животу храпящего кота. За окном рассветало.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ,

в коей Иван Иванович творит добрые дела, но награды не получает

Сцены бывают разных сортов или степеней, как то: Обыкновенные слезы, перемежаемые упреками и разными жалкими словами (жалкие слова надо придумать заблаговременно).

Малая истерика.

Большая истерика.

Обморок.

Для обморока употребляется обыкновенно диван с мягкой спинкой...

Иван брел вдоль пляжа, миновал обжитую часть берега, рыбацкие сети, разрушенные деревянные мостки, уходящие в воду, разогнал птичий базар упитанных руянских чаек. Он искал тишины и безлюдия. Обнаружив скопление валунов на мелководе, разулся и взобрался на гладкую как коленка вершину одного из них.

— Перфектно, — решил он, улыбнувшись, будто удачной шутке.

Затем поджал под себя ноги, опустил раскрытые ладони на колени и подставил лицо солнцу и бризу. Дружил чародей Зорин с двумя стихиями в равной мере, с водой и ветром, и здесь мог побыть с ними наедине.

После заката будет драка, и он должен к ней подготовиться. Спокойствие, собранность, безмятежность. Близость Серафимы всем этим трем качествам мешала. Видно, слабеет дорогой чародейский аркан барышни Абызовой, раз хлынула наружу жаркая не девичья чувственность.

Замуж тебе, Серафима, пора. Только не за князя.

Да и ты, Ванечка, хорош! Не стоило тебе Серафимины порывы поддерживать.

Только как тут устоишь, когда она такая горячая, такая, искренне пылкая...

Зорин вздохнул.

Надо бы с ней поговорить, объяснить, что именно с нею происходит, предостеречь, защитить от нее же самой. Потому что от прочих он и сам справится.

Должно еще что-то быть, какой-то крючок, за который Абызова зацепили. Охота на князя, в сущности, может быть прекрасно оправдана женской блажью, а ее к делу не пришьешь. Хотя тут Серафима наследила преизрядно, только совсем уж нелюбопытный человек на острове о ее матримониальных устремлениях осведомлен не был. Но этого мало, есть что-то еще. Надо сказать Семену, чтоб с господином Абызовым побеседовал. Крестовский, конечно, допросчик тот еще, зато в интригах поднаторел. А еще отправить Мамаева с Аркадием Бобыниным познакомиться, может, с этой стороны ниточка потянется. Где у этой ниточки конец, и без того понятно, в артритных руках Юлия Францевича, а вот серединку обозначить — это было бы ладно. А Семен уж сочинит, как всю ситуацию на пользу чародейскому приказу повернуть.

Схема действий вырисовывалась стройная, печалил лишь факт, что поделиться ею с коллегами возможности не имелось. Ближайший телеграф на материке, наколдовать хоть сколько устойчивую связь мешает море, окружающее остров. То есть в любом случае предстояло отплывать в портовый городок Штрель, а там либо телеграфировать, либо, воспользовавшись любым погребом, пускать зов по горячим земным жилам. На это путешествие он потратит целый день. Завтра. Отоспится после драки, да и сядет на утренний пароходик.

Отоспится? Ты, Зорин, совсем от любви голову потерял. После демона на месте вашей славной баталии останется такая прорва фоновой магии, что ты до утра будешь ее чистить.

Иван поморщился, прибираться он не любил, а затем хлопнул себя по лбу раскрытой ладонью. Грязная навская сила! Ее можно не уничтожить, а на пользу направить, как в яматайских боевых искусствах надворного советника Попович. Или советницы?

Нет, по правилам языка, советница — это жена советника. Советничка? Советка? Совка? Бедные суфражистки, как же им предстоит берендийское наречие калечить за-ради утверждения межполового равноправия.

Наметив дальнейшие действия, он вполне мог позволить себе такие вот необременительные забавные раздумья.

Когда солнце обмакнуло оранжевый живот в серые воды Хладного моря, то есть на закате, Иван Иванович был налит чародейской силой по маковку и готов к драке.

Три по три по три. Когда в его голове эти слова совместились со словом «аффирмация», все встало на свои места. И сундук, и девы, и чахлость означенных дев.

Уже в темноте он подошел к присутствию, кивнул на приветствие городского, сообщил, что обождет господина Фалька в его кабинете и беспрепятственно в этот кабинет проник. У стола, прислонившись к стене, блестя наточенной щекой гнумская алебарда.

— Любишься, чародей?

Околоточный надзиратель переступил через порог и прикрыл за собой дверь. При малом гнумском росте проделать это угрожающе было почти невозможно, но господин Фальк справился преотлично.

— Размышляю.

— О чем же?

— Ежели я твое церемониальное оружие позаимствую, будет ли это воспринято оскорблением большим, чем то, которое я уже причинил?

— Значит, оскорбление ты не отрицаешь? Оскорбление недоверием.

— Это не недоверие, Йосиф. Ты дело свое знаешь.

— Тогда отчего ты, столичная ты душонка, по округе рыщешь да допросами вверенное мне население смущаешь?

— Крампуса искал. — Зорин пожал плечами. — И нашел.

— Никто до тебя не нашел, а ты, значит, сподобился?

— Уж такой я великий чародей.

Помолчали. Фальк задумчиво водил рукой по древку алебарды. Главный в роду гнум Фальк. Его «тыканью» Иван нимало не оскорбился, так было даже проще. Предложил:

— Желаете самолично татя ночного обезглавить? Этим своим почетным оружием?

Йосиф Хаанович возжелал.

— Ты говорил, от твоих ледников ход до самого центра острова прорублен?

— Да.

Зорин потер руки:

— Веди. Мне нужно до полуночи ровнехонько под вашим руянским дубом оказаться.

— Ровнехонько до полуночи? — Фальк подхватил алебарду легко, будто не была она вдвое длиннее его роста.

— Ровнехонько под дубом. — Иван спускался следом, пригибаясь там, где наконечник алебарды перед ним выбивал искры из потолка. — Точное время не так уж важно.

Путь оказался неблизким, миновав покойницкую, они углубились в тесные меловые катакомбы. Через четверть часа уже официально перешли на «ты», как и пристало товарищам по оружию.

— Это не обычный демон, — отвечал на расспросы спутника Иван, — навская тварь, а нави горазды душу от тела отделять, на что мы, людские чародеи, неспособны.

— Поганое колдовство, — согласился Фальк. — Значит, говоришь, он коллекцию из дев собирает?

— Думаю, почти собрал. Мне тут одна ведьма из подопечного твоего населения сказала, что погоды нынче стоят необычные для этого времени года и что это явный знак.

— Которая ведьма?

— А этого я пообещал тебе не рассказывать, потому что до сих пор она на тебя зло держит за то, что поверил, будто от ее сглаза соседская коза издохла.

— Старуха Юнг. Так и знал, что она ведьма.

— Закон не запрещает.

— Вот и я о том, а может, описать их всех поименно да запретить. Так, погоди. Про коллекцию поподробнее.

— Крампус не реальные тела собирает, а сущности, навроде эманаций, можно их еще душами называть. Дева души лишается и чахнет, стремится себе свое вернуть, да только погибель в своем стремлении находит. Гертруда Зигг, покойная, думаю, именно так и утонула.

— А нянька барышни Абызовой?

— Разведем Крампуса, отыщется госпожа Неелова; не успел он ее уморить, времени-то всего ничего прошло. В противном случае ее хозяйка меня твоей алебардой на кусочки нашинкует.

— Она может, — согласился Фальк. — Лариса Павловна намекала, что в предках у барышни Абызовой некто сверхординарный отмечен.

— Госпожа Шароклякина и тебе о том рассказала?

— Я, Иван, мужчина бывалый, потому обожаю с дамами разговоры на интересующую их тему вести. А Ларочку тема выведения берендийского сверхчеловека очень интересует. К слову, она считает, что ее патриотический долг тебя с Серафимой Карповной свести, чтоб вы совместным выводением занялись, так сказать, на практике.

Зорин знал, что плотские темы в гнумской культуре вовсе не неприличны, но покраснел. Свести, вывести, тьфу, как коров на случку.

— Я думал, госпожа Шароклякина шпионит для кого-то, потому и информирована сверх меры.

— Ага, шпионит. Для «Общества Берендийского саморазвития». Так их дамский кружок называется, «ОБС» сокращенно.

Зорин прыснул. Фальк присоединился к смеху, бормоча: «О-бэ-эс, ну надо же о-бэ-эс».

Катакомбные коридоры вливались в полукруглые залы, от которых в разные стороны расползались ходы и расщелины. Но гнум, ведомый своим чутьем, выбирал, куда повернуть, без малейших сомнений.

— Почему решил меня с собой на дело позвать?

— А кого еще? — пожал плечами чародей. — Кто мне спину прикроет, если не свой же служивый?

— Доверяешь, значит?

— Ну и, кроме прочего, лучше будет, если операцию проведет официальное лицо. Укажешь в отчетах, что...

— Подачаки раздаешь, высокородие?

— Мне, Йосиф, светиться в этом деле не с руки, — ответил Иван просто. — Но ежели будет твое решение по-другому дело представить, возражать не стану. Для меня главное — твой остров от навской мерзости избавить. Двадцать лет назад чародеи — мои, заметь, коллеги — дело до конца не довели, запечатали демона да руки умыли. Я этот шалай-валяй исправить должен.

«Шалай-валяй» было гнумское словечко, Зорин его нарочно ввернул, чтобы к Фальку подольститься.

— Одно в толк не возьму, — через некоторое время спросил гнум. — Я эти катакомбы за пять лет службы вдоль и поперек облазил, как же я логово Крампуса просмотреть умудрился?

— Смотрел не туда или не так.

— Показывай, как надо, — Фальк широко развел руки и оперся картинно на алебарду. — Мы сейчас под дубом.

Зала от прочих пройденных за сегодня ничем не отличалась. Но это только на первый взгляд. Иван быстро щелкнул пальцами, гася магический светильник. Темнота. Тишина. Человеческое дыхание, дальний шум моря.

Иван нащупал оберег на груди. Главное, не открыться более необходимого. К сильному противнику демон, пожалуй, не выйдет, остережется. А если слабенький чародей в его владения забрел, даже и со спутником, не удержится, захочет покуражиться. Темнота редела, переставала быть уж столь

беспросветной.

Иван дунул, изо рта вырвалось облачко пара, заструилось спиралью к потолку, стены наполнились мерцанием.

Фальк ахнул, рассматривая появившуюся на них резьбу.

— Не шевелись, — велел Зорин, он, не отрываясь, смотрел в потолок, где его дыхание застывало остроконечной сосулькой.

Гнум замер. Свободной рукой Иван выхватил у него алебарду и, подпрыгнув, перерубил сосульку у самого основания. Ледяной конус вонзился в каменный пол.

— Это защита от непрошенных визитеров! — Зорин опять Дунул.

Прыжок, удар, недолгий полет ледяного копья.

— Говорить-то можно? — спросил гнум. — Или помешаю?

— Не помешаешь.

Прыжок, удар, грохот.

— Что мы видим? — размеренно начал Фальк, пока Зорин прыжками перемещался по зале. — Видим мы некое подражание поганому капищу, которое я в таких подробностях описывал на днях в своих отчетах. Девять предположительно дверей, предположительно высеченных в предположительно стенах.

— Вот «предположительно» как нельзя более к этому всему подходит, — пропыхтел чародей.

— За четыре минуты с половиною, и это уже не предположительно, потому что я на часы смотрел, двери выдвинулись из толщи стен на пядь или более, точнее определить не удалось по причине приказа его высокородия не шевелиться.

— Это значит, кое-кому не терпится своей коллекцией похвастаться.

— Четверть часа, — сообщил Фальк. — Вместо дверей мы видим девять ледяных параллелепипедов, высота — примерно три аршина, ширина — полтора, глубину определить на глаз не представляется возможным, подвешенных к потолку на цепях. Стальных, не менее половины железа. Это я тебе, как гнум, абсолютно точно скажу. Двадцать минут. Лед приобретает прозрачность.

— Держи. — Зорин вразвалочку подошел к околоточному и вернул ему алебарду. — Теперь можно двигаться. Пока хозяин этого безобразия к нам пожалует, как раз успеешь все осмотреть.

Сам он быстро обвел взглядом все девять глыб и облегченно выдохнул, не обнаружив ни в одной из проглядывающих сквозь лед женщин Маняши Нееловой.

— Это ведь наша покойница Гертруда Зигг! — Фальк обошел один из многогранников. — Вот и метка ведьмина на том же месте.

Иван сорвал с себя галстук и присел на алтарный валун.

— Посмотри, может, еще кого узнаешь.

— Агата Рут, — ахнул гнум, — года четыре как руки на себя наложила, а эту я не знаю, но по приметам, криво сращенный перелом ключицы, родинка на бедре, метка ведовская, в сводках отыщу.

— Это вполне может быть очень давнее дело. Демон действовал осторожно, чтоб внимания не привлекать, не частил.

— Два места пустые.

— Только одно, — покачал головой Иван. — В последнее он собирался Серафиму Карповну определить.

— Уж своим-то глазам я верить могу, — возразил Фальк. — Говорю тебе, два.

Зорин спорить не стал, вместо этого громко и четко произнес формулу призыва, демонову аффирмацию:

— Три года — зима по лету, — гулкое эхо пронеслось под сводами, — три года — лето по зиме, три года — само по себе!

Земля у его ног дрогнула, вспучиваясь, залу заполнила удушающая вонь и пронзительный монотонный визг ударил по ушам.

— Тепло ли тебе девица? — скрипучий голос доносился одновременно со всех сторон. — Не девица! Это кто же ко мне пожаловал? Добры молодцы? Целых полтора добрых молодца! Один да половинка.

— Он меня оскорбил? — Фальк перехватил алебарду и занял позицию у плеча чародея.

Тот встать пока не собрался.

— Выходи, дедушка, дай на тебя посмотреть.

Демон захихикал:

— На девок вон любуйся. Славные у меня девки, голые.

— Холодные, — с отвращением протянул чародей, — а мы больше теплых обожаем. Скажи, Йосиф?

— Горячих, — поддержал гнум.

— Кто ж их не любит, горячих-то...

Голос раздавался у них за спинами. Фальк быстро обернулся.

— Не мельтеши, — шепнул Зорин. — Он с нами играет. — А громко проговорил: — Ну раз так, дедушка, то мы твоих, пожалуй, подогреем.

Он поднялся, вразвалочку подошел к ближайшей глыбе и прикоснулся к ней рукой. Под ладонью зашкварчало, от нее пошел пар, а на землю полился ручеек талой воды.

— Не смей! — взвизгнуло отовсюду и в центр алтарного круга спрыгнул Крампус.

Принял он облик толстопузого старичка в красном армяке и шапке с бубенцами, белоснежная борода его завивалась колечками, спускаясь на грудь. Но губастый мокрый рот, паучьи пальцы с длинными лиловыми когтями, а более прочего — огромные, без зрачков, матово-черные глаза карнавальному наряду противоречили.

Фальк не успел занести оружие. Крампус ткнул его когтем в голову и свалил с ног.

— Ты мне не соперник, коротышка. Обожди, после тобой займусь.

Гнум отползал спиной вперед, по лицу струилась кровь.

— А ты, — демон обернулся к Ивану, — чародей? Что ж ты без оружия супротив дедушки выперся?

«Эх, мне б сейчас Эльдара сюда или Семена, мы бы живо это пугало скрутили. Его слишком много для меня одного. Он наполнил собою всю залу и истек из нее, как спрут, раскинувший щупальца. Ну напади на меня, образина, соберись, сделай ход, чтоб мне было за что ухватиться!»

— Отчего же без оружия? Да только попусту свой меч-кладенец доставать не желаю. Уж силен ли ты, дедушка или только когтями царапаться горазд? Как баба, право слово!

Иван брезгливо тряхнул рукой и вытер ее о штаны.

— Или сдавайся, мы тебя сызнава на двадцать годков запрем, а там уж пусть другие чародеи с тобою разбираются.

— Как сызнава уж не будет, молодец, — хихикнул демон. — Нынче совсем другие времена настали. Ну некогда мне с тобою лясы точить.

Он взмахнул рукавами, бурый вихрь метнулся к Зорину через залу. Иван отклонился, рубанул ладонью вязкий воздух.

— Еще плеваться можно, — предложил он, — а еще за волосы таскать. Как у вас, девчонок принято.

— А-а-а! — завизжал Крампус, армяк треснул, алые клочки разлетелись в стороны, обнажая алую же плоть. — Получай!

Щупальце хлестнуло по земле, чародей подпрыгнул, увернувшись.

«Снова маска, видимость. Этого мало. Если не получается его разозлить, надо испугать».

Иван воздел руку, призывая оружие. Последний раз он использовал этот аркан еще до начала сыскарской карьеры, когда выступали против него настоящие враги из плоти и крови. Пальцы сомкнулись на рукояти меча.

— Кладенец? — взвизгнул демон.

— Тебя уложит. Ты бы, дедушка, кальмара изображать прекратил. Неудобно богатырю берендийскому гадов морских шинковать. — Он крутанул лезвием, выписывая восьмерку, руки дело помнили. — Это скорее к поварам надо, чтоб колечками тебя порезали да на маслице с лучком...

Земля вздрогнула, спрут исчез.

— Фальк, — позвал Зорин, — ты еще здесь?

— Таки его высокородие приказал ждать, пока можно будет, и Фальк ждет.

Видно, от волнения в речи гнума прорезался простецкий местечковый говорок.

— А разводи-ка, любезный, костер под каждой из ледяных красавиц нашего неприветливого хозяина. — Иван щелкнул пальцами, сбрасывая искру на древесные щепы, усыпающие пол. — А чтоб таяли они побыстрее, бери свою фамильную алебарду и кроши лед в мелкие осколки.

Зорин медленно оборачивался вокруг своей оси, держа меч невысоко перед грудью. На гнума не смотрел, зная, что околоточный исполнит приказ в точности. Вскоре под ногами захлопало. Фальк хмыкнул, последовал удар железа о лед.

Крампус появился у гнума за спиной, чародей метнулся к нему, отбил своим мечом лезвие огромной косы. Крикнул Фальку:

— В сторону!

Демон, костистый, огромный, в дырявом балахоне, орудовал косой с отменной сноровкой. Иван успел подумать, что против такого оружия биться Фальковой алебардой было бы не в пример сподручнее, а больше ничего подумать не успел, потому что некогда думать. Удар, разворот, связка. Еще и еще. Он начинал уставать. А это уже было плохо.

«Раздобрел ты, Ванечка, на приказных-то харчах, разнежился, привык не в одиночку с разбойниками сражаться. Конечно, с Семеном да с Эльдаркой-басурманином и лениться можно. Вот Геля, к примеру, ни разу не чародейка, этого Крампуса давно бы в бараний рог скрутила и в свою суффражистскую веру обратила для надежности. Потому что Евангелина Романовна не шаблонами вашими чародейскими мыслит. А ты, болван, даже не можешь заставить демона истинную форму принять».

Зорин подпрыгнул так высоко, что чуть не стукнулся макушкой о потолок. Меч отлетел в сторону и исчез, вернувшись в аркан, Иван сплел пальцы обеих рук, порыв вызванного ветра поддержал тело в полете. Заклинание, простейшее, которое мог бы составить любой подмастерье чародейской лавки, разредело смрад острым запахом скошенной травы.

Лезвие косы звякнуло о камень, раскалываясь, руки Крампуса оказались плотно прижатыми к его телу.

— Путы? Путы?! Ты совсем умом тронулся? Мне это на один... — Он напрягся, пытаясь их разорвать.

Но Зорин влил в заклинание еще чуток силы и наполнял его понемногу при каждом усилии демона. Тот тужился, обличье его изменялось, кости-руки превратились в руки-палки, балахон стал ветхой мешковиной, потеряв в процессе трансформации капюшон, голова, блестящая полированной костью черепа, сморщилась, разбухла, и вскоре на палочке-шее красовалась высушенная тыква с неряшливо прорезанными дырками глаз и треугольником рта. Истинный облик демона. Нестрашное и убогое огородное пугало.

— Думаешь, ты меня победил, дурачина? Может, и победил, только скоро уж придет наше времечко, всю вашу Берендию кровью зальем. А кровь-то у вас, людишек, горячая, греть нас будет...

Вжух! Тыква покатила по полу.

— Никто не смеет называть Йосифа Фалька получеловеком!

От раздраженного возгласа Зорин удержался с трудом. Ну еще бы минуточку, может, Крампус что-нибудь любопытное рассказал.

— Ты с ним довольно долго возился, — сказал гнум с упреком.

— Да сглупил немного, — покаялся Иван. — Обладание силой любого избаловать может, а тут надо было хитростью действовать.

— Все равно молодец, лихо мечом махал.

Зорин покраснел:

— Не говори никому.

— Как прикажет его высокородие. С покойницами что делать прикажете?

Зорин уже сложил останки Крампуса в середину алтарного круга.

— Это не покойницы, Йосиф, это то, что мы с тобой должны были освободить. Сейчас лед растает и страдальцы наконец обретут покой.

— Может, дров добавить?

— Не нужно. — Иван придержал гнума за плечо. — Смотри.

Стая прекрасных белоснежных птиц взвилась к потолку из клубов пара, и камень пещеры расступился, открывая ночное небо, усыпанное звездами. В это небо они устремились, бесшумно взмахивая крыльями.

— Семь, — сказал Фальк, Зорину показалось, что гнум сдерживает слезы. — Я тебе говорил, два пустых места было.

Иван хлопнул себя по лбу:

— Точно! Ваше благородие, теперь тебе и карты в руки. Где-то здесь в катакомбах госпожа Неелова блуждает. Она слишком недавней жертвой была, чтоб ее во льду рассмотреть можно было бы. Так что ее невидимая птица сейчас к хозяйке навстречу отправилась. Отыщи Марию Анисьевну да помощь окажи.

— А ты?

— У меня еще дело здесь.

Фальк перевел взгляд с чародея на останки Крампуса, вернул обратно:

— Даже спрашивать дальше не желаю, мне и того, что сегодня было, до конца жизни хватит. Хорошо, что мои ведьмы руянские этих ваших фокусов не знают.

И он побрел, опираясь на алебарду:

— Дорогу-то обратную без меня отыщешь?

— Отыщу.

Когда шаги затихли в отдалении, Зорин тщательно наложил защитные чары на каждый из выходов. Сначала зов, потому что за полночь оба его друга-сослуживца по домам спят, а потом...

В своих силах Иван Иванович был уверен больше, чем когда-либо. Потому что именно сейчас ему было ради кого стараться, потому что от его стараний зависело будущее Серафимы Абызовой, вздорной кисейной барышни, папиной дочки и просто красавицы.

Голова не болела. То есть абсолютно. А должна бы была. Я же первый раз за четыре года без Маняши ко сну отошла. Без бормотаний и заговариваний, без заунывных молитв и пассов над моим распростертым телом. Может, я все еще сплю?

— Авр-р! — Кот, зевнув, вонзил мне в живот когти сквозь тонкую ткань сорочки.

— Брысь! — Я согнала разбойника, растерла ладошкой царапину.

Точно не сплю.

Вид у Гавра был слегка озадаченный.

— Какие же мы с тобою молодцы! — Решив для себя дилемму, что страннее: разговаривать сама с собою или с бессловесной животинной, я назначила собеседником питомца. — И на прогулку выбрались, и незамеченными остались. И голова не болит!

Гаврюша принялся вылизываться, я пружинно потянулась, встала на прикроватный коврик, присела раз сто, пока не ощутила испарину на коже. Во время сна у меня обычно деревенели все члены, поэтому по совету, вычитанному в модном столичном журнальчике, я разгоняла вялость гимнастикой.

— Мы завтракать не успеем, — приступила я к наклонам, — что-нибудь можно будет в порту в Штреле купить пожевать. Что значит, зачем? Ты же рядышком стоял, разговор слышал. Нам папеньке телеграфировать надобно. Потом-то вернемся, без Маняши я отсюда не уеду, но папеньку надо предупредить всенепременно, до того, как к нему чародейский приказ с расспросами нагрянет.

Я выбрала дорожное платье с застежкой впереди, чтоб облачиться самостоятельно, простое, даже слишком простое, грубой серой шерсти, непонятно как затесавшееся в мой гардероб, и удобные ботинки, приколола к шляпке густую вуаль, под которой не разглядишь, восемнадцать лет путешествующей без сопровождения барышне или приличные для одиночества двадцать пять.

— Пошли?

Гавр поднялся, пошатываясь. Только сейчас я заметила, что он совсем нездоров.

— Разбойник? — Присев, я попыталась к нему прикоснуться, но кот заскулил, только мои пальцы коснулись его спины.

— Это потому, что я ночью по тебе потопталась? Извини. Тогда в апартаментах оставайся. Я похлопочу по дороге, Марту к тебе отправлю, которая встретится, либо Хильду. И велю доктора прислать и завтрак.

Из-за неплотно прикрытой двери второй спальни мне послышался храп. Маняша?

Я заглянула в щель. На Маняшиной постели разметалась Наталья Наумовна в папилютках. Ах, ну да, мы же вчера решили, что вместе теперь жить станем.

— У меня посиди тихонечко, — прошептала я Гавру. — Горничных жди. Вечером буду.

В этот ранний час коридоры отеля были пустыньны, я заглянула на кухню, где горничные, как я знала, собираются до работы выпить кофе. Хильда пообещала за Гаврюшей проследить, а парень-посыльный вызвался привести к моему страдальцу Карла Генриховича, который и скотину домашнюю пользоваться не чурался.

Погода по сравнению со вчерашней испортилась ужасно. Осень. Уже совсем осень. Порывистый ветер, секущий косой дождь. Ветер трепал вуаль, дождь ее мочил. Зонт я взять не догадалась.

До пристани почти бежала.

— Через четверть часа трап спустим, — сообщил матрос, — обождите.

Сам-то он был в прорезиненном дождевике, ему все равно, где ждать. Скотина бесчувственная! Явись я ему расфуфыренной барышней Абызовой, небось на руках бы меня на борт занес. А тут дева лет неопределенных да доходов, судя по виду, мизерных. Вот и куражится.

Закипая злостью, я продолжала стоять под дождем. Море колотилось о пирс, будто тоже ярилось.

— Пытаешься сбежать, Фима? — Над головой раскрылся купол черного мужского зонта.

— Арестуешь?

Глаза Ивана Ивановича запали от усталости, но был он тщательно выбрит и при галстукке, узел которого виднелся за поднятым воротником редингота. Щеголь столичный!

От того, что стояли мы с чародеем под одним зонтом, так близко друг от друга, у меня внутри сладко заныло. Он наклонился еще ближе:

— А есть за что? Не желаешь с повинной явиться?

Я вспомнила, как ночью его начальник велел меня при себе держать, томность ушла. Тут кстати о край пирса ударился корабельный трап.

— Заходите, барышня! — проорал матрос.

— Барышня передумала, — сообщил Зорин громко, а после доверительно, уже только мне: — Пойдем.

Что мне оставалось делать? Бежать опрометью на пароход, вытягивать самолично сходни, ругаясь как извозчик, кричать «гони!», грозя револьвером капитану, а после отстреливаться? Видала я такое в одной модной фильме, до которых Маняша была большой охотницей.

И я пошла. Под руку, под зонтом, вдоль безлюдной и хмурой набережной.

Десять дней его высокородие будет держать меня при себе, десять бесконечных дней я не смогу послать весточку отцу.

Так, Серафима, корону свою воображаемую сними, не от тебя одной все в подлунном мире зависит. Господин Абызов и без советов от дитятки настороже ежечасно. В обморок от вопросов сыскарей не брякнется, удар примет, а после и ответочку сообразит. А ты собою займись, своим положением. О браке с князем придется забыть, не только с Кошкиным, а даже с престарелым Чернятинским. Остаешься ты со своим проклятием до самой смертушки. Девка ты здоровая, кровь, как говорится, с молоком, даже обезумев, лет двадцать еще небо покоптишь. Батюшка тебя не оставит, будет у тебя и горенка больничная, и сиделка — слюни вытирать. Может, даже Маняша сей пост займет, все веселее.

Я вспомнила восковое лицо маменьки, пустое, бессмысленное. Вспомнила, как рыдала, прижавшись к ее коленям. Что ж у нас с тобой все так неладно, сердечная?

Слезы я сдерживала, хотя кто бы их под плотной вуалью заметил?

И правильно, и не реви. Во всем хорошую сторону отыскать можно. Твори, что душе угодно, смерть все спишет! Вот хоть Болвана Ивановича распалай. Надо же чем-то десять дней островного ареста занять.

— Куда вы меня ведете? — спросила я карамельно-капризно, прижавшись грудью к локтю Зорина, а свободной рукой отбрасывая вуаль.

Он помрачнел:

— Ты не понимаешь, что с тобой происходит, Серафима, я попробую объяснить.

— Вы не находите, Иван Иванович, — перебила я высоким голосом, — сегодня так холодно.

— Чародеи, которые черпают свою силу в стихии огня...

— Как жаль, что я не догадалась захватить на прогулку муфту. В этом сезоне в Мокошь-граде вошли в моду муфты с собольей оторочкой.

— ...подвержены обычно сладострастию. В этом нет ничего страшного или, упаси боже, постыдного, это просто особенность темперамента.

До меня наконец дошел смысл его монолога. Он считает меня похотливой? Какое счастье, что мне на его мнение ровным счетом наплевать.

Но кривляться отчего-то расхотелось.

— Этот разговор, Иван Иванович, мне неприятен, прошу вас его прекратить.

— Как угодно.

Зорин отодвинулся, переложил в левую руку зонт, правую поднес к губам и монотонный шум моря перекрыл громкий залихватский свист. Спросить о причине столь странных манипуляций я не успела, услышала цокот лошадиных копыт о брусчатку, а потом и увидела лошадку, резво поспевающую на зов.

— Погода не располагает к верховым прогулкам, да и, позвольте...

— Я не знал, держишься ли ты в седле, поэтому скакун у нас всего один.

Сейчас он подсадит меня на лошадь, я схвачу поводья и пошлю ее в галоп. А этот болван пусть торчит сам на набережной с нелепым зонтом наперевес.

Зорин кивнул подбежавшему работнику, отдал тому зонт и подхватил меня за талию:

— Она слаба еще, но я упробил лекарей тебя на минуточку допустить.

— Она? — Поводья были пока у Ивана, что мешало реализации коварного плана. — Кто — она?

— Ну разумеется, Маняша. Я же обещал тебе ее найти.

Он запрыгнул в седло, я покачнулась:

— Стой! Боком неудобно! Мы в скорости потеряем. Да не ерзай так!

Юбка задралась почти до бедер, но мне было плевать, я перекинула колено через лошадиную шею, сжала коленями круп, отобрала поводья.

— Дорогу указывай да держись покрепче! — Я дала шенкеля.

— Бешеная, — произнес Зорин, как мне показалось, восхищенно.

Дождь перестал быть заметен, а может, и вовсе перестал. Широкая грунтовая тропа за вершиной холма сменилась узкой тропинкой, пришлось пустить лошадь шагом.

— Нам на другую оконечность острова надобно, — сказал Иван, — это верстах в пяти, дальше бездорожье начнется.

— Что там? Маняша сильно пострадала? Где ты ее нашел? Как? Когда?

— Там военный морской госпиталь, куда я твою Маняшу на излечение определил. Главное, что она жива, о состоянии справимся у врачей. — Он отвечал по порядку, дыша мне в шею и что-то пытаясь сделать руками.

— Что за непристойности?

— Юбку хочу опустить.

— Свою заведи, с ней и упражняйся, а мою не замай.

— У тебя панталоны видно.

— И панталоны прикупи личные. Ты не ответил. Когда? Где? Как?

— За полночь, она в холмах блуждала. Когда господин Фальк Крампуса упокоил...

— Околоточный?

— Не перебивай, у меня и так все силы на то, чтоб в седле держаться, уходят.

— Был бы нормальный чародей, наколдовал бы лошади второй вагон, да и бедному гному с демонами сражаться бы не пришлось.

— Ничего не буду тебе рассказывать. — Зорин обвил руками мою талию, прижался грудью так плотно, что стало трудно дышать. — К слову, панталончики у тебя премилые, адресок, где заказывала, потом запиши, я наведаюсь.

Ага, и примешься гостинцами пассий своих одарять, Жозефину или Евангелину Романовну. Первая представилась мне рыхлой блондинкой, а вторая — брюнеткой, суровой теткой за тридцать, с гладкой прической и чтоб непременно с усиками над поджатыми губами.

Лошадь шла шагом, мы молчали. Стало скучно.

— И как же господин Фальк Крампуса упокоил?

— Семейной алебардой, — с готовностью ответил чародей, — голова с плеч, плененные души девичьи свободу обрели, Маняшина в том числе.

— Иван, — взмолилась я искренне, — давай оставим на время пикировки, расскажи мне все толком. Пожалуйста!

Он поерзал, устраиваясь, даже приподнял меня слегка, чтоб освободить больше места для себя.

— Демон Крампус, любезная Фима, свил себе гнездышко на Руяне довольно давно. Фрау Юнг, уважаемая ведьма, из тех, кого здесь называют «старшие», рассказала мне, что испокон веков их неназываемая богиня претерпевала от демонова злонаравия и боролась с ним в меру своих сил. Боролась с переменным успехом. Демон пленял ведьм, стремясь, чтоб в его коллекции их оказалось девять.

— Три по лету, три по зиме...

— Пока забудь, про эту считалку я тебе потом расскажу, когда до нее дойдет. А пока вернемся к древней истории. Полной коллекции ему никогда собрать не удалось. Фрау Юнг помнит те времена, когда число жертв доходило до семи, тогда погода на острове становилась

непредсказуемой: в серпене мог пойти снег с метелью или, напротив, грудень встречали, упревая от жары.

— А почему же ведьмы не смогли его изничтожить?

— Потому что ведьмы, Фима... — Он открепил мою вуаль и пустил ее по ветру.

— Так почему? — проводила я взглядом летящий тюль.

— Да не знаю! Не смогли и не смогли, сил мало, силы не те. Ты о ведьмах более моего осведомлена, еще и потому, что одного с ними полу.

— Продолжай. — Я не обиделась нисколько, мужчина, хоть и чародей, чего еще от него ждать.

— Помнишь пещеру, в которой ты нашла Гаврюшу? Это было старое логово Крампуса, из него его выкурили лет четырех назад. Бог знает, сколько их он обустроил после, но теперь он обитал в катакомбах, неподалеку от расколотого руянского дуба. Знаешь такую местную достопримечательность?

На оба вопроса я только кивнула. Из-за туч показалось солнце, и я подставляла лицо под его лучи.

— В девяти арках, которые виднелись в стенах, демон помещал похищенные сущности девушек. То есть, уточню, страсти эти происходили вовсе не на реальном уровне нашей действительности, а как бы в нави.

Я поняла, что он имеет в виду не граничащее с нами Навское царство, а мифические пределы мертвых.

— Ведьма, лишенная души, страдала, чахла, бродила в поисках потерянного. Она гибла под завалами, пытаясь проникнуть в пещеру, или тонула, устремляясь туда вплавь. А некоторые умирали от истощения. Девы гибли, а их сущности, вмерзшие в лед, оставались с Крампусом.

Иван рассказывал так красочно, что по моему лицу потекли горячие сострадательные слезы.

— Маняша лишилась сущности и ушла бродить в холмах.

— Ты сказал, в катакомбах.

— Внимательная. — Зорин чмокнул меня в шею. — А я в первый раз ошибся. Фальк отыскал госпожу Неелову в зарослях ежевики верстах в двух от Крамповой пещеры.

— Значит, Йосиф Хаанович и демона убил, и няньку отыскал. А ты чем занимался?

— Руководил. — Он поцеловал меня в шею с другой стороны. — Не начальственное дело это, алебардой махать. Мы головой работать должны. Я про Крампуса выспросил, где его лежбище, догадался, считалку зловещую расшифровал...

— Не прекратишь целоваться, я лошадку остановлю, — нашла в себе силы пригрозить, — да и накинусь со своей силой сладострастия.

Зорин отогнул краешек моего высокого воротника и поцеловал ключицу.

— Во-первых, желание увидеть няньку у тебя никакого любострастия не переборет, а во-вторых... — Он вернул ворот на место и горячо шепнул: — Я подожду.

Меня просто скручивало жгутом, и от близости этого большого сильного мужчины, от его тепла, запаха, звука голоса, прикосновений. От того, что бедра мои были вжаты в его. Эх, Иван Иванович, доиграешься. Влюбишься в бешеную Серафиму, после арестовать не сможешь. Только горе тебе от той любви будет.

— Ты еще про считалку не рассказал, — хрипло напомнила я. — Что эти три по три значат?

— Ничего, — слегка рассеянно ответил Зорин. — Это всего лишь призыв, личная демонова аффирмация. Ты ведь знаешь, что это такое?

— Знаю. Не ключ, но путь. Только у наших аристократов этот путь к его августейшему величеству ведет, а у Крампуса — к кому?

Зорин прервал поцелуи, которыми все это время покрывал мне шею и кусочек щеки под лентой шляпки.

— Тебе говорили, что ты умница? — проговорил он после довольно продолжительной паузы.

— Неоднократно.

— К кому? Вот ведь вопросец, — бормотал чародей про себя. — Эх, останься в империи хоть один специалист по аффирмациям...

— Так шире на вопрос глянь. — Неожиданная похвала меня раззадорила. — За пределами отечества каких только умельцев не найдется. В Арассе, к примеру, до сих пор их великий чародей Ансельмус обретается.

— Это он на тебя аркан наложил?

Я едва успела прикусить язык. Экий быстрый сыскарь, на ходу подметки рвет. Я и раньше за ним это замечала: неожиданно и резко, что-то спросить, на что собеседник ответит с разгону, а уж потом сообразит, что зря.

— Далеко еще? — Я взглянула на открывающийся перед нами пейзаж, поросшую низким кустарником лощину.

— С полверсты, но по бездорожью.

— Так чего мы плетемся? — Я послала лошадь в галоп, чтоб беседовать стало невозможно.

Госпиталь, располагающийся в живописном сосновом бору, был двухэтажным некрасивым зданием, в прошлой своей жизни исполняющим некие военные функции. Глухие стены, узкие прорезы окон, две приземистые башенки, из которых удобно было бы вести обстрел. Новострой хозяйственных служб — сараи и конюшня, засыпанный галькой двор, клумбы с чахлыми осенними флоксами.

Поводья принял какой-то мужичок в кителе, я спрыгнула на руки Ивану.

— От приемной направо, — только и успел он сообщить.

Разгоряченная, встрепанная, я понеслась вперед. Пахло едко и по-больничному, карболкой, спиртом, мятной мазью.

— К госпоже Нееловой, — объяснил Зорин молодому человеку, сидящему за конторкой.

Справа через арочный вход начинался коридор с двумя рядами дверей. Зорин за мною не поспешал, поэтому я стала заглядывать за каждую из них поочередно.

— Здравствуйте, — говорила я, если комната не пустовала, — доброго здоровьичка.

Иногда мне даже успевали что-то ответить.

— Будешь так топотать, — нагнал меня Зорин, — нас выгонят.

Он взял меня за руку, как непослушного ребенка, и повел вперед, в конец коридора, где виднелась застекленная створчатая дверь. Через стекло я рассмотрела молодого кудрявого лекаря, сидящего на краешке кровати, он что-то улыбаясь говорил лежащему на ней.

— Прошу. — Зорин толкнул створку.

— Маняша!

Доктор был сметен моим напором и без возражений уступил мне место.

— Маняша! Маняша! Маняша!

Она была простоволосой и бледной до синевы, под ясными серыми глазами залегли тени.

— Дитятко мое непутевое...

Шепот-шорох, с трудом шевелящиеся губы.

Я бросилась няньке на грудь и разревелась от облегчения.

— Дадим барышням несколько минут наедине побыть, — басил Зорин лекарю. — А вы пока мне о состоянии больной расскажете.

Кажется, мужчины ушли, наверное, скорее всего, я ничего вокруг не замечала.

— Что болит? Слаба, наверное, а я тебя тормошу. Прости, прости, Маняша.

— Ничего не болит, — отвечала нянька, — да не реви уж... Доктор Гаспар говорит, отлежусь, краше

прежнего стану. Такой, представь, комплиментарный мужчина этот лекарь.

Улыбнувшись сквозь слезы, я спросила:

— Как же ты в ловушку Крампуса угодила, нянюшка моя великомудрая?

— Так заместо тебя, дитяtko. — В слабом голосе слышались привычные шуточные нотки. — Он к тебе сперва присосался, а когда я с тебя по обыкновению все дневные тревоги снимала, вот тогда и присос этот забрала. Ты, чистенькая, уснула, а мне муторно стало, беспокойно, место себе найти не могла. Потом будто дернуло что-то, да так... опустошительно. Тут уж я себя понимать перестала, знала только, что должна свое себе вернуть. Дальше не помню. Влекло что-то, тянуло. Я шла, шла, а когда ноги ослабли, упала. А после уже: глаза открываю, Иван Иванович бормочет что-то непонятному, глум при нем... Ну и вот...

Маняша попыталась повести рукою, охватив жестом окружающее пространство, но уронила ее на постель.

— А я видела тебя у самой грани, ты говорила, злые люди тебя пленили. Помнишь? Я уж на кого только не думала.

Нянька устало прикрыла глаза:

— Ступай, дитяtko, после поговорим.

Я поцеловала ее на прощанье в холодные щеки:

— Сегодня же пришло тебе лакомств, каких лекаря не запретят.

— И зеркальце, — попросила Маняша, — и гребешок, и...

Она зажала мои руки, показавшиеся мне раскаленными в сравнении с ее холодной кожей:

— И господину чародею не доверяй. Знаю, его за мое спасение благодарить надобно, но ведет он свою игру, в которой мы с тобою самыми пострадавшими окажемся.

Доверие мое к нянюшке границ не имело, и слова, ею изреченные, я ко вниманию приняла. Но, по привычке вышеупомянутого чародея, я быстро спросила:

— Когда ты про путь и ключ говорила, что имела в виду?

Маняша без сил откинулась на подушке, не ответив. Я на цыпочках удалилась.

Зорин с комплиментарным лекарем ожидали в коридоре у единственного окна, выходящего во внутренний дворик. За стеклом виднелись огородные грядки и белобокая козочка на привязи.

— Спасай, Фима, — оживился Иван Иванович, — доктор Гаспар по-берендийски не понимает, впрочем, и мне его карамельное наречие непонятно.

— Бонжур, — присела я перед лекарем, — мадемуазель Абызова, воспитанница вашей пациентки мадам Нееловой.

Молодой человек обрадовался, услышав французскую речь:

— Какое невыразимое счастье, мадемуазель, встретить в этой глуши столь образованную девицу. Ваше произношение...

Кроме произношения у меня, по мнению месье Гаспара, была еще красота, затмевающая солнце, и неотесанный спутник, буквально насильно удерживающий месье.

Я извинилась за Ивана, цветисто поблагодарила, стрельнула в нужном месте глазками и покраснела, мило и тоже вовремя, в ответ на комплимент.

Жизни Маняши ничего не угрожало, но забирать ее в отель мне не советовали. Доктор Гаспар опасался некоей мозговой горячки вследствие нервной возбудимости. Ко всему имело место переохладение, последствия которого также были непредсказуемы.

Я покивала, мне тоже показалось, что Маняша постоянно мерзнет.

Через несколько дней наблюдения лекарь сможет вынести вердикт, а пока предпочел бы, чтоб пациентка оставалась в госпитале под его присмотром.

Зорин томился у подоконника, любовался козой и время от времени поглядывал на меня.

Я поинтересовалась у месье Гаспара, чего именно ему хотелось сегодня отобедать и какое вино он предпочтет. Месье предпочитал что угодно, но в моей компании. Я сообщила, что наш с ним тет-а-тет, в случае осуществления оно, придется делить с дуэньей, госпожой Шароклякиной, и описала матрону, сгустив краски до грани приличий.

Отважного месье Лариса Павловна не испугала, а скорее раззадорила.

— Мадемуазель Абызова, — с ударением на последнюю «а», молил он. — Скажите мне «да»!

Я посмотрела на Зорина, изобразила смущение:

— Боюсь, мой жених не будет счастлив эти фактом, поэтому...

Воинственный взгляд француза в его сторону Ивана удивил и, кажется, позабавил.

— ...я пришлю вам самый изысканный обед, который только можно получить на Руяне, а также корзину с лакомствами для моей нянюшки.

Зорин, поняв, что разговор с лекарем подходит к концу, предложил мне руку.

— Отказала или нет? — спросил он, подсаживая меня в седло. — Судя по кислому виду кавалера, свидания ему не обломилось?

Я гордо промолчала, но, когда лошадь тронулась, послала доктору, наблюдающему из окна, воздушный поцелуй.

Иван Иванович за это поводев мне не отдал, а когда я попыталась их отобрать, пригрозил, что ссадит и придется мне добираться до отеля пешком.

Я похихикала про себя над этим ревнивцем и расслабленно прислонилась к мужской груди. Боком в седле было неудобно, когда госпиталь скрылся за холмом, я попросилась изменить посадку. Зорин позволил, присовокупив, что к виду моих панталон уже притерпелся.

Перекинув ногу, я ухватилась за луку седла. Лошадка шла рысью, а когда тропа закончилась, перешла на шаг. Погоды стояли расчудесные. Ветра не было, солнце было. Пахло близким морем, травой и хвоей.

— Эдак мы до завтра ехать будем, — протянула я.

— Мы куда-нибудь торопимся?

— Про тебя не знаю, а у меня дел невпроворот. Во-первых, надо на кухне распорядиться, чтоб для лекаря с Маняшей кушаний наготовили, да наведаться в винный погребок, да придумать, что Наталье Наумовне наврать про утреннюю отлучку, да... Иван! — Я возбужденно завертелась. — У меня же Гавр занедужил! Я ему, кажется, спину поломала.

— Это уже никуда не годится!

— Так не нарочно же, просто силы не рассчитала.

— Ты ерзаешь!

— Да нет, я его ногой...

Зорин чертыхнулся и приподнял мне бедра, отодвигая практически на луку седла.

— Ты на мне ерзаешь, а я, Серафима, не железный.

— Да? — Я залиvisto расхохоталась. — А по ощущениям, довольно твердый.

Иван пустил лошадь в галоп, пришлось захлебываться смехом и ветром, попадающим в приоткрытый улыбкой рот.

— Идем твоего питомца осматривать, — велел Зорин, когда мы оставили нашего скакуна на попечение конюхов, и пошел к отелю, даже не предложив мне руку.

— Я попросила Карла Генриховича к нему вызвать, — я догоняла чародея. — Господин Отто котиков тоже пользует.

— Ну тогда я там без надобности.

Мы раскланялись со знакомыми, встреченными по дороге. Зорин даже замедлил шаг и не отшатнулся, когда я взяла его под руку. Я выглядела в сей момент огородным пугалом, поэтому

пообещала себе для следующей нашей с Иваном прогулки выбрать самое милое платьице. Такой видный мужчина и спутницу рядом достойную иметь заслуживает.

У его номера мы простились. Едкую заготовленную тираду я озвучивать не стала, видела, что чародей находится в состоянии до крайности нервическом, и даже знала, из-за чего.

В апартаментах меня ждали обе Марты и Наталья Наумовна. Последняя прибывала в истерике.

— Баюн ваш, барышня, ее цапнул, — прошептала Марта-толстушка.

— Или она его, — в другое ухо нашептала худышка, — там бабушка надвое сказала.

Натали сотрясала рыданиями козетку, на которой возлежала.

— Холодную воду в тазу несите, — скомандовала я горничным, — ароматические соли, нашатырь. Господин Отто где?

— Так он удалился уже. Госпожа Бобынина как раз на прощанье из своей спальни изволила появиться.

— Почивать барышня изволила почти до полудня.

— Доктор как ее увидел, так и счел за лучшее...

— Увидал и услышал.

— Чернавки подлые, — это уже Наталья Наумовна соло выступила. — Хамки, мужички!

— А Гаврюшенька...

— Исчадие тьмы! Зловонный демон! — Натали громко стонала.

— А барышня Бобынина...

— Всем замолчать, — веско произнесла я, негромко вроде сказала, а прочие притихли, даже Наталья Наумовна продолжала трястись без слов.

Я натерла ей виски, приложила ко лбу смоченное полотенце, заставила выпить воды.

— Ну же, Натали, будь умницей. Девушки мои приказы исполняли, никакого самоуправства не учинили. А то, что с Гавром у тебя мира нет, так вам и видеться с ним часто не придется. Я с управляющим поговорю, мы тебя в другие апартаменты переселим.

— Невозможно, чтоб ты одна с этим котом проживала.

— Я не одна буду. Ты же новостей еще не знаешь! Отыскалась Мария Анисьевна, с ней несчастный случай приключился, но через несколько дней она уже сможет службу подле меня нести.

Тут я ситуацию слегка преувеличила, но очень уж хотелось кузину успокоить. Однако эффект получился противоположным. Натали всхлипнула, горько, уже не истерично:

— Больше я тебе не нужна, никому я не нужна...

Мне стало стыдно. Подлая ты девка, Серафима. Наталья Наумовна всего лишилась, и гризетки своей, и романтического интереса. С Лулу ты, положим, ни при чем, а вот Ивана Ивановича именно ты переманила.

— Да как же я без тебя, Натали, — пошла я на попятный. — Без тебя мне никак нельзя. Мы же родственницы, сестричка, вместе должны держаться. Только и Гаврюшу я отлучить не могу, он животное бессловесная, я за него отвечаю. Вот и изыскиваю способы, чтоб и тебя не потерять, и его не обидеть. Хочешь, он из моей спальни появляться не будет?

— Хочу, — кивнула кузина. — А еще хочу Маняшину комнатку за собою оставить.

— Конечно, милая. Для няньки я велю у себя еще одну кровать поставить.

Наталья Наумовна все еще кручинилась, поэтому я использовала тот способ ее успокоить, который ни разу не подводил:

— Одевайся к обеду, у меня как раз премиленькое платьице для тебя имеется. Марта, Марта, помогите барышне Бобыниной облачиться в то, на что она укажет.

Горничные с кузиной скрылись в гардеробной, я пошла к себе. Гавр лежал на подушке, был он в

бинтах, сквозь которые проступали пятнышки какой-то оранжевой субстанции.

— Как ты, разбойник?

Васильковый глаз посмотрел на меня с недовольством: «Чего разбудила?»

Я почесала котика за ушком, он замурчал и сызнова заснул.

У кровати стояла полупустая плошка с молоком и еще одна, с обглоданным рыбьим хвостом. Аппетит у нас преотменный.

На прикроватном столике обнаружилась записка от доктора, где он сообщал, что питомец мой страдает неким лишаем, которого Карл Генрихович доселе в практике не встречал, но наложил страдальцу мазь, от которой тому всенепременно полегчает. Доктор собирался нанести нам повторный визит завтра после обеда.

«Касаемо вашей, любезнейшая Серафима Карповна, просьбы... — писал далее почтенный эскулап. — Завтра же я буду иметь удовольствие сопроводить вас к одной из упоминаемых мною в последней нашей беседе персон, вторая, к сожалению, к разговору абсолютно непригодна...»

Мне пришлось дважды перечесть щедро украшенные завитушками строки, чтоб понять, что он имеет в виду.

Ведьмы! Я просила Карла Генриховича свести меня с ведьмами, выжившими после прошлого пробуждения Крампуса. Только вот теперь мне эта встреча вроде без надобности. Маняша ведь нашлась.

Я сложила записку.

Неудобно отказываться. Старец прилагал усилия, узкими тропками хромал, чтоб мне разговор устроить, а мне без надобности? Нет уж, схожу, авось не убудет. Ивана еще можно пригласить для компании. Доктору скажу, что Зорин — свой человек, тайтаться от него более не будем. Платьице надену палевое, шляпку на тон темнее и новые перчатки, невесомые, кружевные, сквозь которые кожа ощутит любое прикосновение руки спутника.

В дверь постучали, я выглянула, чтоб Гавра не тревожить.

— Барышня Бобынина изволили к обеду в одиночестве спуститься, — сообщила Марта-толстушка, — идёте, Серафима Карповна, мы и вас обиходим.

— А что, гонг к обеду уже был? Я не слышала.

Дверь в спальню я прикрыла, можно было не шептаться.

Марта пожала сдобными плечиками:

— Так Наталья Наумовна так верещать изволили, что любой гонг прослушать можно.

Марта-худышка в гардеробной уже расправляла на манекене синее простое платье.

— Без украшений, — сказала она, — очень девичье.

Я покачала головой, отвергая ее выбор.

— Оно-то простое, но с секретом. Там, девицы мои любезные, такой узкий крой, что мало что на долю мужского воображения останется. Никак нельзя в этом наряде обедать.

Я прошлась вдоль гардеробной:

— Вот это, бледно-зеленое.

Цвет мне не особо шел, но и не дурнил.

— По сравнению с кухней будете бедной родственницей смотреться, — предупредила Марта.

Я рассеянно ответила:

— Ну и пусть.

Пока меня одевали, я послушала свежие новости и сплетни. И в тех и в других главенствовал господин Фальк. Он выследил и убил Крампуса, он нашел абызовскую няньку, он обесчестил профессорскую вдову.

— Чего? — На этом моменте я натурально открыла рот в удивлении.

Оказалось, что в последнем пункте утверждение строится на принципе презумпции, то есть считается истинным, пока не доказано обратное. На Руяне Йосиф Хаанович имел репутацию сердцееда и ловеласа, ходока, как мне было сообщено.

— Гуляли по аллеям, — загибала пальцы Марта-худышка, пока другая возилась со шнуровкой у меня на спине, — после гуляли в темных местечках, там, где скамейки стоят, а фонарей нет, а когда госпожа Шароклякина в отель вернулась, была раскрасневшись.

— Самого влюбленного виду была, — донеслось у меня из-за спины. — Готово.

Я покрутилась перед зеркалом, присела на пуфик, закалывая волосы.

— Абсолютно нелепая сплетня.

— Какая есть, — Марта-толстушка подавала мне шпильки. — Могу другую рассказать, не про его благородие. К примеру, малышка Сабина, которая в княжеском доме посуду моет, рассказала сегодня, что гризетка барышни Бобыниной теперь там же служит.

— Где? — Моя рука замерла у затылка, так и не воткнув шпильку. — На вилле?

— Ну да. Сабина видела, как она вчера пришла, будто знала, куда идет, будто не раз уже бывала.

— Любопытно. — Я заколола последний локон. — Спасибо, девушки. Возьмите.

В ящичках туалетного столика было довольно денежек, поэтому я протянула горничным по ассигнации.

К удивлению моему, обе они отказались:

— Не стоит нас, барышня, за каждый чих одаривать.

— Разбалуете.

— А гостей привечать и без того наша работа.

— Хорошо. — Я вернула бумажки в ящик. — Тогда я вас при отъезде отблагодарю.

Меня заверили, что и при отъезде необязательно, тоном намекая, что так-то будет лучше, а потом поторопили на обед, оставшись прибираться и ухаживать за страдающим Гавром.

Настроение мое было преотличным. Маняша нашлась, а уж с нею мы разберемся и с лоскутниками, и с прочими сонными тварями. Ивановой защиты хватит еще на двадцать семь дней, в моем положении это почти вечность. И, наконец, Иван. Мужчина, от которого кровь моя бежит по жилам огненными ручейками, в чьих глазах я читаю отражение собственных желаний. Тут времени меньше. Как только его начальник прикажет, Зорин покинет и Руян, и меня. Но лишь в том случае, если ему не прикажут арестовать и конвоировать в Мокошь-град барышню Абызову, а тогда у меня будет еще пара дней с ним. Ну разве не прекрасно?

Напевая, я спустилась по лестнице, поприветствовала Ларису Павловну, спросила ее с преувеличенным воодушевлением:

— Господину Фальку удалось вытеснить из ваших мыслей романтических книжных героев?

— Проказница. — Госпожа Шароклякина улыбнулась и многозначительно постучала веером о раскрытую ладонь. — Отвечу без жеманства. Сей господин довольно компактен, так что прочим героям в моих мыслях достаточно лишь подвинуться.

Я прыснула и покраснела. Я покраснела, а вовсе не Лариса Павловна! Старая школа, чего уж там, мне учиться и учиться.

Шароклякина спросила о Гавре, я принялась описывать его страдания.

— Вот так так! — перебила меня возгласом собеседница, придерживав за локоть на пороге обеденной залы.

Натали в премиленьком палевом платье, том самом, которое я хотела надеть завтра, сидела за столиком на двоих у окошка. Компанию ей составлял Иван Иванович Зорин. Ручка кухни лежала на его запястье. И даже через залу я рассмотрела новые кружевные перчатки.

— Коротковат нарядец, — решила матрона, отводя от лица лорнет, коим вооружилась, — будто с

чужого плеча.

— Ах, оставьте, — жалобно прошептала я, кивая кузине.

Мы с Ларисой Павловной прошли к своим местам и поприветствовали семейство Сиваковых. Аппетита не было, я терзала распластанный на фарфоре тарелки бифштекс да орнаментально украшала его горошинками гарнира.

И несколько тебе, Серафима, кручиниться не стоит. Все же наилучшим образом складывается. Да, ты испытала ревность, но зато тебя покинуло чувство вины. Это ли не повод к радости? Натали счастлива своим кавалером, а ты должна быть ее счастьем довольна. Кажется, то, что к тебе, испытывает господин Зорин, относится к виду так называемой плотской любви, то бишь страсти. А любовь в более общем понимании есть единение душ. И если Иван нашел сие единение с госпожой Бобыниной, ты, Серафима, со своими порывами соваться не смей. К неключам в табор отправляйся да монистами там дребезжи, ежели страстей хочется.

Госпожа Шароклякина увлеченно беседовала с Сиваковым, они обсуждали эволюцию современного общества почему-то на примере выведения новых статей арлейских рысаков. Госпожа Сивакова супруга одернула, упрекнув в излишней физиологичности темы, вредной для ушей юных барышень. А я вспоминала другую лошадку.

— Что-то вы, Симочка, совсем загрузили, — заметила Лариса Павловна.

— Мигрень. Прилечь, наверное, придется.

Шароклякина подозвала официанта:

— Распорядись, человеке, горничным, чтоб шляпку и плащ для барышни Абызовой вниз снесли.

— Но, Лариса Павловна!

— Не спорьте, Серафима. Моцион — лучший способ с мигренями бороться, уж будьте уверены. — Она посмотрела куда-то вбок. — К тому же в этом заезде я поставила бы не на эту лошадь. Вы сами, Серафимочка, в Ареле бывали?

— Не приходилось.

— А я, представьте, знакома с тамошним конезаводчиком...

Далее госпожа Шароклякина оседлала лошадиную тему и с нее до конца обеда не спрыгивала.

Натали нагнала нас в фойе:

— Фимочка, Иван Иванович поведал мне о чудесном спасении Маняши.

Чародей в подтверждение кивнул.

— Ты же не будешь возражать, если мы с Иваном навестим страдалицу? — Умильностью кузининого тона можно было хинин подслащивать.

Я как раз завязывала ленты поданной шляпки, поэтому удачно скрыла от присутствующих выражение лица:

— Не буду, Наташенька, ежели ты в визите свой самаритянский долг видишь. А уж Мария Анисьевна как тебе обрадуется! Даже представить страшно.

Зорин хмыкнул, я перехватила в зеркале его веселый взгляд.

— К прискорбию своему, Наталья Наумовна, временем сегодня не располагаю, — пробасил он.

— Служебная надобность?

— Вот именно.

Я рассмотрела свое отражение, осталась довольна, кивнула кузине и ухватила под руку Ларису Павловну:

— Желаете на лошадок полюбоваться? В здешней конюшне, кажется, и несколько арельских скакунов имеется.

Матрона не возражала. Прогулочным шагом мы спустились к набережной, остановились почитать свежие афиши на тумбе летнего театра.

— И-го-го, — пробормотала Шароклякина, глядя мне через плечо.

— Простите?

Я обернулась. Ну чего они за мной ходят? Других сторон света нет, что ли?

Натали держалась за Зорина с видом собственницы. А действительно, коротковато ей платьице, даже костлявые щиколотки видны. Ни разу не манифик.

— Примете в компанию? — спросил Зорин у Шароклякиной.

— А как же дела служебные? — хихикнула матрона.

Они болтали друг с другом с невероятной легкостью, будто старинные приятели, я даже ощутила неловкость.

— Ах, Фимочка, — Натали оставила Ивана и теперь сжимала мой локоть, — ты же не жалеешь, что одарила меня этим платьем? Я так счастлива, дорогая! Прекрасная погода, чудесный воздух, приятные люди вокруг!

Зорин с Шароклякиной следовали за нами. Кузина оглянулась на них и понизила голос:

— Иван не хотел на прогулку идти, но я настояла. Служба службой, но и о здоровье забывать не следует.

Я подумала, что сегодня же попрошу своих Март нашить к низу палевой юбки еще один волан до пристойной длины, и пусть в груди обузят, а то у Натали за пазухой ветер гуляет.

— За обедом, — щебетала кузина, — мы немножко французским занимались. Иван такой забавный!

— Кто с кем занимался? — не поняла я. — Ах, это ты его высокородию урок дала.

— С чудовищным акцентом Ивана нам придется поработать, по возвращении в Мокошь-град заниматься станем не менее двух раз в неделю.

Значит, вот с кем господин столичный чародей отбытие планирует. Надеюсь, моя застывшая улыбка не была в тот момент жалкой.

Разговор наш прервался довольно эффектным образом. Вороной скакун промчался, выбивая подковами искры, встал на дыбы, развернулся, и с него молодецевато спрыгнул князь Кошкин в гусарском мундире.

— Серафима Карповна! — возопил он, грассируя. — Чаровница! Не приму отказа!

Он рухнул на колено, протянул мне букет алых роз, свободную руку прижав к сердцу. Гуляющая публика, моментально превратившаяся в зевак, заплодировала.

— Ваше сиятельство, — пролепетала я, букет, впрочем, приняв. — Добрый день. Какими судьбами?

— Умоляю о тет-а-тете!

Он продолжал говорить с восклицательными знаками, попросту орать. Ротмистр Сухов, теперь уж без нелепого маскарада, подъехал рысью, без эффектов, спешил в сторонке, придержал под уздцы вороного.

— Какая ты счастливица, — умилилась кузина и тоже присела перед князем.

— Сер-ра-фи-ма! — Анатоль на Натали внимания не обратил. — Пройдемте для разговора.

Я посмотрела почему-то на Зорина, тот, как и все прочие, безмолвствовал. Ну и страдай, болван, дальше французский учи.

От предложенной руки я отказалась, шла рядом с Анатолем, стараясь ни плечом, ни локтем его не коснуться. Тет-а-тет образовался довольно многолюдный. За нами следовали Шароклякина, Зорин, ахающая кузина, ротмистр Сухов, две лошади и толпа зевак.

— Вы не отвечаете на письма, Серафима, — начал с места в карьер поклонник.

— Слов для ответа подобрать не могу, ваше сиятельство.

Видно, я что-то не по протоколу брякнула, потому что следующей фразе предшествовала длинная пауза.

— Я умолял вас о свидании.

— Это никак не возможно, ваше сиятельство, я даже не была вам официально представлена.

— Разве Пашка вам не объяснил?

Забавно, но, шепча, князь нисколечко не картавил.

— Павел Андреевич? Ротмистр Сухов? О да, он поведал мне о шпионах вашей досточтимой бабушки, от которых вы, выше сиятельство, вынуждены скрываться. Сегодня эта необходимость исчезла?

Помолчали.

— Вы жестоки, Серафима.

Я не ответила, глядя вдаль.

— А я слаб, как все влюбленные. Слаб, уязвим, повержен.

Ему что, дамы из жалости обычно уступают? Я мысленно поморщилась:

— Мне очень жаль...

Искоса я поглядывала на князя, он казался расстроенным, однако, если сравнивать его вид с последней нашей встречи, сегодня Анатолий был посвежее. Гладко выбритая кожа, нафабранные усы, Глаза блестят задором и страстью.

— Ради вас, Серафима, — наклонился он так близко, что пришлось отстраниться, — я стану сильным. Вот увидите! Я похищу вас, огненная, подобно тому, как вы похитили мое сердце! В полночь.

Звучало неувлекательно, даже как-то угрожающе. Надо будет запереться для надежности.

Князь Кошкин поклонился, аксельбанты колыхнулись, он надел кивер на свои блестящие от бриолину кудри:

— Честь имею!

И был таков. Вороной умчал всадника, сизнова портя брусчатку.

— Чего от вас хотел сей злокозненный Ромуальд, Серафимочка? — Лариса Павловна подрагивала от любопытства.

«Видимо, бабушку свою позлить», — подумала я.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ,

в коей открываются тайны и сны Серафимы, а ночь приносит не то, что сулила

Не расшивайте одежд золотыми тяжелыми швами —

Роскошь такая мужчин не привлечет, а спугнет.

Нет, в красоте милей простота. Следи за прической —

Здесь ведь решает одно прикосновение руки! -

И не забудь, что не все и не всех одинаково красит:

Выбери то, что к лицу, в зеркало глядя, проверь...

Эскапада князя Кошкина Зорина позабавила. Да, именно так. Очень уж картинно прискакал нарядный всадник с букетом и слишком явно на личике Серафимы читалось удивленное отвращение. Если бы на нем было, напротив, восхищение, Зорин бы забавляться перестал. Иван Иванович себе никогда не врал, и степень своей увлеченности барышней Абызовой оценивал как высокую. «Пропал ты, Ванечка, пронзен стрелой амуровой», — сказал бы друг Эльдар. И был бы прав.

Гусары унеслись прочь. Шароклякина бросилась с расспросами, Серафима отвечала неохотно. Розовый букет барышня держала чуть на отлете, нюхать бутоны не спешила, хотя аромат, который простоватый Зорин определил про себя как «ядренный», доносился даже до его носа.

Серафима достала из букета сложенную записку, задержала взгляд на гранитной урне у парапета, перевела его на букет и обратно, потом, вздохнув, протянула розы Шароклякиной:

— Примите, Лариса Павловна, вы так завлекательно про Ромуальда рассказываете, что мне самой захотелось прочесть.

Записку она спрятала за манжету.

— Ах, какой скандал, — прошептала Натали, о чьем присутствии Зорин успел позабыть. — Ведет себя как купчиха, коей, впрочем, и является. Не милы букеты, так не принимай или выбрось, но нет, Фимочка окружающих одаривает ненужностями, чтобы добро не пропадало.

Иван с барышней Бобыниной от спутниц отстали, поэтому говорить ей можно было, не опасаясь быть услышанной.

— Умиряющая красота флоры чужда ей, Фимочка обожает вещи основательные, если уж розы, то куст, и чтоб под окном рос.

— Вы лично знакомы с князем? — Зорину беседа не нравилась, поэтому он задал резкий неожиданный вопрос на другую тему.

— Я всего лишилась, всего! — Наталью Наумовну было не сбить, фразу собеседника она не услышала. — А она нарядами откупиться думает.

Тут Иван Иванович решил, что не боится прослыть женоненавистником и хамом, ускорил шаг, догнав Шароклякину с Серафимой у ограды лошадиного загона. Матрона усмотрела арлейца, громкие ее восторги заставляли породистых скакунов нервно прядать ушами.

— Наталья Наумовна, — позвала Лариса Павловна, — вы то должны лошадей обожать. Полюбуйтесь.

Серафима, развернув записку, погрузилась в чтение, поэтому приближения Зорина не заметила. Он заглянул девушке через плечо, отметил аристократические завитушки Князева почерка.

— Роза для розы, — бормотала она. — Почему он эту ерунду постоянно везде вставляет? И адъютант тоже...

— Позвольте? — Иван провел над запиской раскрытой ладонью. — Здесь нет ничего магического, как, впрочем, и в предыдущей бумажной поделке.

Он почти шептал, делая вид, что любит проводкой, которую для них устроил конюх.

Серафима подняла на чародея беспомощный взгляд:

— Мне страшно, и я не понимаю почему.

— Князь тебя похитить обещал?

— Это как раз полная чушь, запрись покрепче, и все. Думаешь, меня раньше...

Она запнулась, покраснела.

— Иван Иванович! — Громко позвала Натали. — Полюбуйтесь этим великолепным созданием.

— Само совершенство! — Сообщил так же громко Зорин, глядя, впрочем, на Серафиму.

Та еще пуще зарделась.

— Хочешь, сбежим? — предложил Иван шепотом.

— Я есть хочу. В обед ни кусочка не лезло, а сейчас...

Иван приблизился к Шароклякиной.

— Колдовать не вздумайте, молодой человек, — строго проговорила она, не выпуская из виду барышню Бобынину, которая, красуясь нарядным платьем, прохаживалась в одиночестве вдоль ограды, — проявите уважение, не те мои лета, чтоб каждый раз, когда вам с Симочкой пошепаться захочется, дамскую комнату искать.

— Ваша пронизательность, любезная Лариса Павловна, может сравниться лишь с вашей зрелой красотой.

— Ступайте уж, комплиментчик, а то Серафимочка мне в прекрасно-зрелые волосы вцепится. Ревнивая она у вас, ну чисто кошка. Ступайте! Наталья Наумовна как раз края ограды достигла, сейчас на разворот пойдет.

Зорин все же поколдовал, чуточку, чтоб скрыть мороком направление, куда они с Серафимой Карповной бежали. Естественно бежали, взявшись за руки и смеясь.

— У тебя денежка есть? — спросила деловито Серафима, когда он снял морок. — Я захватить не подумала, а за еду принято платить. Так есть?

— Чтоб тебя прокормить, хватит.

— Не зарекайся, я страсть какая прожорливая.

А после они сидели на верхней палубе некоей корабельной развалюхи, и хозяин потчевал их жареной рыбой с хлебом, потому что салат брать Серафима шепотом отсоветовала. Пиво подали в двухпинтовых кружках. Зорин усомнился, удержит ли сию громадину в своих ручках барышня Абызова. Но она удержала и наклонила, и отпила примерно половину, прежде чем Иван догадался у нее эту кружку отобрать. Пьянела Серафима Карповна так же молниеносно, как и влюбляла в себя.

Иван с расспросами не торопился, наслаждаясь и погожим деньком, и аппетитом, с которым его спутница поглощала яства. Глаза барышни блестели, она без умолку болтала, расписывая в лицах какую-то давнюю историю, в которой они с Маняшей повстречали в малиннике медведя, а нянька не забоялась, с голыми руками на него пошла. Нет, не убивать, разговоры разговаривать. И уговорила, потому как имя топтыгина знала — бер.

Серафима потянулась к пиву, Зорин успел первым, отодвинул кружку подальше.

— Дай, — велела она, — мне во хмелю легче это сделать будет.

— Что именно ты собралась делать?

Она до кружки все же достала, почти легла животом на столешницу, но достала, отсалютовала ею сотрапезнику, будто произнося тост:

— Спать с тобой!

Тем временем чародейский приказ в Мокш-граде, руководимый Семеном Аристарховичем Крестовским, заседал в кабинете последнего.

— Связь продолжалась два месяца, с момента, когда его сиятельство стал зрителем экзотического танца госпожи Зиг в ресторанном зале гостиницы «Британь». Восьмого сентября вышеозначенная особа переехала в номера, оплаченные адъютантом его сиятельства. Последующие встречи происходили в основном там, концертная деятельность немедленно прекратилась, — говорила

Евангелина Романовна, сверяясь с записной книжкой.

Переодеться после выполнения задания надворный советник не успела, поэтому время от времени раздраженно отбрасывала мешающиеся кисти горностаевого палантина, одновременно придерживая его у эпатажно низкого декольте.

— Горничные особой страсти со стороны дамы не отмечают, но также уверены, что князь голову потерял не на шутку.

— Встречи, прогулки? — спросил Крестовский из-за письменного стола.

— Почти никаких. Дело свое госпожа Зигг знала, видимость приличий блюла. До полудня почивала, после репетировала танцы, для чего в ее номера доставили дюжину двустворчатых зеркал. Около четырех требовала ванну. Ароматические масла и соли у нее были свои. В шесть прихорашивалась и располагалась в гостиной в ожидании гостя. Князь являлся почти ежедневно, задерживался до двух, либо трех по полуночи, но никогда до утра.

— Прислуга?

— Личной не было, а гостиничных девушек с поручениями никуда не посылала. Газеты доставлялись обычные, как и для прочих постояльцев. Съезжала без спешки, предупредив за день, багажом занималась лично.

Евангелина Романовна захлопнула записную книжку и поглядела на шефа с хитрецей:

— Подумалось мне, что слишком гладко все выходит. Поэтому заглянула я на телефонный коммутатор в «Британи», представьте, и такой имеется. И точно, был звоночек из номеров госпожи Зигг, как раз в тот день, когда она об отъезде предупредила.

— Куда?

— В «Берендийское сообщество пароходства и торговли».

— Эльдар? — повернулся Семен Аристархович к Мамаеву.

Тот поправил узковатый ему мундир чиновника морского ведомства:

— Два платежа от них прошло через Гнумский центральный банк, первый шестого серпента, второй вчера. Получатель — некое фризское сообщество содействия и взаимодействия чего-то там, простите, во фризском не силен.

— Тебя до бухгалтерии допустили? — восхитилась Попович.

— Я разрешения не спрашивал. — Мамаев подмигнул. — Повезло, что некрупные платежи от руки в гроссбух записывает мой новый приятель Аркадий Наумович Бобынин, почтительный племянник господина Абызова, который — о чудо! — один из основных соучредителей сего ведомства.

— Понятно. — Крестовский задумчиво постучал кончиками пальцев по стопке книг на столешнице. — Наследил дядюшка изрядно, даже странно.

— Отчего же странно, — возразила Геля, — ежели наш магнат человек простой, не чародей, то вполне возможно, что об опасностях задуманного осведомлен не был. А помочь дочери — любого родителя долг. Вот он и помог в меру сил. Заказал у девицы нужных качеств аффирмацию добыть.

— Значит, Гертруда не к князю на Руян отправилась, а бумагу дочери Абызова доставить? — Мамаев заерзал на стуле. — К слову, барышня Абызова на острове к тому времени уже около двух месяцев отдыхала.

— Что твой новый приятель о ней рассказал?

— Аркадий Наумович? О, он был многословен. Серафима Карповна капризна сверх всякой меры, гордячка, кокетка, деньгами направо и налево сорит.

— Я бы тоже на ее месте сорила, — вставила Попович, — при таком-то папеньке. А отчего гордячка и кокетка?

— Я догадываюсь, что сладкоречивый кузен от нее отказ получил.

— Очень по-мужски, — одобрила Геля саркастично. — Отказала, стало быть, кокетка.

— Ваши суффражистские мысли, Евангелина Романовна, — сказал Крестовский, — вы изложите нам в другое время, приватное. Эльдар, продолжай.

— Ну что еще. Собою хороша, не умна особо. Пустышка, кисейная барышня. Четыре года провела в частном пансионе одной из французских провинций.

— В Арассе?

— Возможно. Аркадий Наумович в географии несилён. В юном возрасте прошла проверку на чародейские способности, которая выявила полное оных отсутствие. Покинула пансион раньше положенного после скандала. Господин Бобынин в тонкости не посвящен, но думает, имела место быть любовная история. Вернулась в Берендию и еще четыре года проживала на родине, в Загорске. Летом этого года появилась в столице, чтобы пригласить на отдых свою кузину Наталью Наумовну Бобынину, девицу двадцати семи лет.

Мамаев помолчал, припоминая еще какие-нибудь подробности, затем сообщил:

— На этом про Серафиму Карповну все. Сам господин Абызов для нас сейчас недоступен, ибо, по сведениям племянника, пребывает за пределами империи в деловой поездке.

— Понятно. — Крестовский опять постучал по книгам на столе: «Списку старых и честных родов Берендии» и «Толкованию сновидений Г. Артемидора Свенского».

Иван Иванович побледнел так, будто готовился упасть в проникновенный обморок.

Я могла и далее наслаждаться забавным видом, но решила обморочного успокоить:

— Не в том смысле спать, Ванечка, а в самом приличном.

— Ты пьяна.

— Не спорю. — Пиво пузырилось во рту, я с усилием его проглотила. — Просто рассказать тебе хочется побольше, а у нас времени нет.

Я сложила на столе ладони и опустила в них лицо. Никогда ни на что времени нет. Что ж ты так с князем напортачила, Серафима? Почему осторожность не проявила? Обрадовалась, что сможешь одним махом все свои тревоги побороть? Ну вот и страдай теперь. Еще и папеньку под удар поставила. Плохая, плохая дочь.

— Фима!

— Чего? — подняла я голову и охнула от резкого щелчка по кончику носа.

Зорин, отвесивший этот унижительный щелбан, заглядывал мне в лицо с участием.

— По какому праву? — возмущенно завопила я, но запнулась, осознав, что трезва как стеклышко, и закончила совсем уж жалобно: — Только хмельное зазря переводить. Твое счастье, что сам за это платить будешь.

— Ты и так бешеная, — улыбнулся чародей, — боюсь, не управлюсь, если опьянеешь.

Я обиделась, потом передумала обижаться, очень уж у Ванечки улыбка красивая была.

— Тем более к нам на борт господин Отто поднимается, я решил, что ты с ним побеседовать пожелаешь.

Ступени уже нестройно скрипели под шагами Карла Генриховича.

— Простите великодушно, Серафима Карповна, — поклонился он, — неожиданные обстоятельства заставили меня нарушить ваш...

— Присядьте, — предложила я. — Да на вас лица нет!

— Торопился. — Лекарь приник к поданной хозяином кружке. — Боялся не успеть. Ведьма, к которой мы с вами завтра собирались наведаться, до условленного времени не доживет.

— Отчего же?

— Да кто их, ведьм, разберет. Только позвала меня к одру да потребовала, не медля ни минуты привести к ней блаженную деву, что сонного кота для себя добыла. Вас, Серафима Карповна. И, заметьте, когда я с ней о встрече договаривался, о том, кого именно с собою приведу, не упоминал.

— Блаженную, это значит — безумную? — переспросила я недовольно.

— Не обязательно, — сказал Зорин. — Иногда так дурачков называют.

— Сами вы, Иван Иванович, дурачок. Иван-дурак!

Карл Генрихович нашу перепалку наблюдал с удивлением, но все же заметил:

— Блаженство есть также наивысшая степень счастья.

— Учитесь, Иван Иванович, как дамам комплименты говорить, — улыбнулась я лекарю, на Зорина не глядя. — Вам-то это, положим, не пригодится, но хоть теорию изучите.

Когда я все же соизволила бросить взгляд на чародея, тот уже расплачивался с хозяином.

Искомая ведьма по имени Агата обитала в деревеньке верстах в трех от ресторанчика герра Хайманца. Доктор сообщил об этом без радости. Он за сегодня уже набегался, разыскивая меня на променаде в том числе.

Зорин предложил лекарю отдохнуть за кружечкой-другой пива:

— Вы свой долг исполнили, дражайший Карл Генрихович.

Я горячо это предложение поддержала и расцеловала лекаря в пергаментные щеки, выражая благодарность.

— Так, Фима, — сказал Иван, когда пришвартованный катер уже скрылся за холмами, — еще раз объясни мне, зачем мы туда идем.

— Да не знаю! Пытаясь Маняшу отыскать, я излишне широко сети раскинула, а теперь вроде и без надобности ведьму допрашивать. Эта Агата одна из двух, которым после пленения Крампусом выжить удалось.

— Интересная персона, — решил Зорин. — Да и Карл Генрихович бегал, старался вам встречу устроить, надо уважить старика.

Улыбка моя, обращенная к чародею, лучилась благодарностью.

— А скажи-ка, Фима, куда ты еще сети забрасывала?

Перечисляя все свои действия, я смущалась, но Иван меня похвалил:

— Умница. Обычно, когда следствие ведется, надо не менее трех версий разрабатывать одновременно, чтоб ничего не упустить. Не желаешь в сыскари податься, конкуренцию мне составить?

— Не женское это дело.

— Я тоже так раньше думал, — с шутливым раскаянием вздохнул чародей.

Догадавшись, что думает он сей момент про сушеную воблу Попович, ускорила шаг.

Мы действительно не заплутали. Старичок, отдыхающий на табурете прямо посреди улицы, указал нам нужный дом.

— Только она отходит уже, — предупредил он, — Агата-то. Видите, крышу уже разобрали.

— Что он имел в виду? — Иван посмотрел на горстку черепицы, лежащей в пыли.

— Когда ведьма умирает, родные над ее телом дырку в потолке делают, чтоб душа без помех воспарила. Маняша сказывала, мучаются ее сестры долго, особенно ежели дар свой потомству передать не успели. Шутила еще, что всю жизнь ведьма только забирать горазда, а в конце все равно отдает.

— Какая у тебя Мария Анисьевна шутница, аж в дрожь бросает.

Хихикнув, я взяла его за руку:

— Не бойся, Ванечка, я тебя никому в обиду не дам.

Дверь стояла настежь, впрочем, как и все окна, но вошли мы, разумеется, через дверь. На кухне пожилые женщины в темных платках возились у плиты.

Зорин спросил что-то по-сарматски, ему ответили.

Мы прошли дальше, очутились в спальне. Дыра в потолке, раскрытое окно, выбирай, душа ведовская, куда лететь.

Девушка, стоящая у кровати на коленях, подняла к нам спокойное лицо. Алая метка завитками спускалась от уголка глаза к подбородку.

Бедняжка, на таком месте и не скроешь.

— Агата, — обратилась она к сухонькой старушке, лежащей на постели.

Потом они переговаривались на сарматском, я ждала, испытывая неловкость.

— Подойдите, барышня, — наконец пригласила девушка.

Я приблизилась к кровати, задерживая дыхание, но, когда все-таки пришлось вдохнуть, не ощутила болезненного зловония.

— Здравствуйте, Агата, — пролепетала, заглядывая в белые бельма ведьминых глаз. — Меня зовут Серафима...

— Я не Агата, — перебила старушка негромко, но энергично. — Двадцать лет этим дуракам твержу, что Агата умерла. Но да не важно теперь, все равно на том свете с сестренкой встретимся, не разминемся.

— Прошу прощения. — От неловкости я даже заикаться начала. — Господин Отто сказал, вы хотели меня видеть.

— Наврал, — сказала ведьма строго, — видеть я тебя не могу, слепа, кое-чьи слова передать хотела.

— Слушаю. — Я наклонилась, ловя ее тихий голос.

— Слушай, дитячко... да запоминай... три раза по три соберется... беда будет, три по лету... три по зиме...

— Маняша?

— Нешто мы именами здороваемся. — Старуха ухватила меня за ухо, безошибочно его отыскав, потянула. — Холодно ей...

Я знала, что все это неправда, что информация, которой поспешила поделиться со мною умирающая ведьма, устарела, но невольно меня пробирал озноб, а на глаза наворачивались слезы жалости.

— Спасибо, — всхлипнула я. — Большое вам спасибо.

— На здоровье. — Старуха отпустила мое ухо и повеселела. — А теперь отпускаяй меня, блаженная Серафима.

— Прощайте...

И ведьма тихонько отошла, мне показалось, что я вижу белоснежного голубя, взмывающего к потолку, а еще почудилась мелодия свирели, чистая, переливчатая и очень-очень печальная.

— С ней у Крампуса в плену сестра была младшая, Юлией звали, — рассказывал Зорин.

Мы неторопливо шагали по узкой тропинке, с обеих сторон заросшей ежевичными кустами.

— Сестру живую вытащить не удалось, вот у Агаты разум и помутился оттого, что она, старшая, малышку не уберегла. Всем стала твердить, что она и есть Юлия, что Агата как раз погибла.

— Очень грустная история, — вздохнула я. — Тебе ее эта юная ведьмочка поведала, с которой ты по-сарматски шептался?

— Так точно. — Иван мне подмигнул, а потом, видя мое раздражение, подхватил за талию и закружил. — Обожаю, что ты такая ревнивая кошка, барышня Абызова.

— Сам-то не ревнуешь, потому что я повода не даю.

— Ни единого, ни разу не давала.

Мы поцеловались, сначала легко и будто в шутку, потом по-взрослому, да так, что у меня

перехватило дыхание, а перед глазами закружились хороводы небесных светил.

— Нам не следует этого делать, — отстранил он меня, тяжело дыша.

— Абсолютно согласна. На холодном ветру в колючих кустах нам этого делать не следует.

Взяв чародея под руку, я притворно зевнула:

— Ужин мы, кажется, пропустили. Наталья Наумовна заругает, а я ей как раз хотела про нас с тобою раскрыться. А теперь получится, что я вроде за нотации мщу.

— Чем раньше ты ей расскажешь, тем менее она будет страдать потом.

— Спорное утверждение. Расскажешь раньше, она будет страдать дольше по времени, но с меньшей интенсивностью страданий... Кстати, а по какому поводу кроткая голубица страдать будет? Ты ей обещал чего? Уста сахарные целовал?

Мы шли довольно быстрым шагом. Поэтому после каждой фразы приходилось делать паузу, чтоб глотнуть воздуха.

— За старое принялась? Разговор переводишь?

Ту я обиделась бесповоротно. Ну что ему стоило меня разубедить? Так, мол, и так, Фима, других дев не лобзал, ибо только ты в моих мечтах. Я бы, конечно, усомнилась, он бы доказывать принялся как словом, так и делом.

К обиде прибавилось разочарование от упущенных возможностей. Поэтому всю оставшуюся дорогу до отеля я хранила молчание. Погода, будто разделяя мои печали, испортилась.

— Лучше разделиться, — наконец сказал Иван Иванович, — не стоит, чтоб барышню Абызову вдвоем со мной прочие постояльцы видели.

— Какая поразительная предусмотрительность! — Изобразив аплодисменты, я ускорила шаг, чтоб далее следовать в одиночестве.

А после почти побежала. Не столько от обиды, сколько от желания не вымокнуть окончательно под все усиливающимся дождем.

В гостиной апартаментов поджидали меня обе Марты. Наталья Наумовна изволила пораньше ко сну отойти, а они, труженицы, и за котиком присмотрели, и прибрались, и в гардеробной порядки наделали, и вот Серафиме Карповне мятный чаек заварили.

Я напиток приняла, присела к столику и посмотрела на девиц с многомудростью:

— Неохота сейчас в игры играть, поэтому выкладывайте как на духу.

Дело оказалось в следующем: господин управляющий вызвал обеих к себе, да и отказал от места.

— Причину какую указал?

— Небрежение обязанностями, — ответила толстуха.

— Это чтоб денег положенных не платить, — вступила худышка. — А на самом деле потому что погода портится, к осени совсем идет, прислуги в отеле понадобится не в пример меньше.

— Вот управляющий и хочет одним выстрелом двух чаек подбить. Он каждый год старается таким образом местным девушкам недоплачивать.

Прихлебывая мятную гадость, я размышляла. Скандалить и требовать справедливости не хотелось. Положим, я пригрожу управляющему страшными карами, судебскими крючкотворами, которых вполне могу себе позволить, и он вернет моим Мартам должности. И что? Через десять дней я остров покину, а девушкам здесь жить. Начальство на них за свое унижение отыграется да на будущее лето сызнава не наймет. Но оставить все как есть я тоже не могу. Горничные пренебрегали обязанностями, потому что по моим поручениям хлопотали. Значит, ответственность на мне имеется.

— Принеси из кабинетика писчие принадлежности, — велела ближайшей Марте. — Метрики свои захватили?

— Конечно, барышня, — обрадовались обе, из чего я заключила, что именно такого решения они желали.

Контракты составлять я умела прекрасно, батюшка любил прихвастнуть, что его наследница по деловым бумагам грамоту освоила. Через четверть часа у барышни Абызовой оказались в услужении горничными девицы Марта Царт двадцати двух лет, мещанка, и Марта Фюллиг двадцати четырех лет, купеческого сословия.

— Чем батюшка торгует? — спросила я толстуху, испытыв с нею нечто вроде сословного единения.

— Чем придется, — ответила Марта, — да и то едва концы с концами сводит. Поэтому моя работа для семейства столь важна.

Однако подписанием мои заботы на сегодня не завершились. Новые горничные желали у меня закрепиться, видимо опасаясь, что наутро я и передумать смогу.

— По домам ночуйте, — сопротивлялась я, — а завтра выкуплю для вас какой-нибудь номер.

— К чему тратиться? В тесноте, да не в обиде, одна в гардеробной может перекантоваться, другая подле вас. А уж когда нянюшка возвратится...

— Час-то какой поздний, страшно по темнотище ходить.

— Фимочка? — донесся из спальни голос кузины. — Что там за шум?

— Почивай, милая, — жестами я направила обеих Март к себе, — утро вечера мудренее.

Гавр рыком выразил неудовольствие вторжением.

— Разбойник, — погладила я его за ушком, — присмотри за девицами.

Означенные девицы рядком сидели на краешке постели. Я вздохнула:

— Пока так...

— А вы, барышня, как же?

— У меня дела еще есть, о которых вы никому рассказывать не будете.

Я прихватила из комода жестяную коробочку и выскользнула из апартаментов.

— Фима? — Зорин, отворивший дверь на стук, явно готовился ко сну, расстегнутая рубаха позволяла рассмотреть мужскую грудь.

— Ночевать негде, — пояснила я сварливо, толкнула его, протиснулась в номер. — Пустишь?

— Ты и сама вошла...

Я присела на кровать, передвинула подушку ближе к центру.

— Дверь закрой.

— Что ты творишь?

Из коридора тянуло сквозняком, но Болван Иванович, видно опасаясь надругательства над своим бесценным телом, оставаться со мной наедине не спешил.

— Ну не хочешь, не запирай, — покладисто сказала я. — Гляди, что тут у меня.

Жестянка была простецкая, аптекарская, из-под мятных пастилок. Я покрутила ею во все стороны, чтоб блеснула в свете ночника. Зорин не шелохнулся, стоя столбом у приоткрытой двери. Интересно, насколько он тяжелый и развяжется ли пупок барышни Абызовой, если она эдакую громадину перетащить попытается? Вру. Нисколько не интересно.

Я, задержав дыхание, приоткрыла крышечку, будто рассматривая содержимое жестянки.

— Что там? — Иван широко шагнул, наклонился.

Я с шумом выдохнула, облачко бурой пыли понеслось чародею в лицо. Зорин обмяк, мне только и осталось направить его падение в сторону кровати. Вот это я называю манифик, расчет точный.

— Это ведьминское зелье, — пояснила я Ивану, который, впрочем, вряд ли мог меня слышать. — Маняша меня им пользовала, когда совсем бессонница умучивала.

Ключ я провернула в замке дважды для надежности, вернулась к постели, сбрасывая на ходу туфельки.

— Я, Ванечка, спать с тобою буду в самом невинном смысле. Ты спросишь: почему? Потому что так я скорее про себя тебе все расскажу...

Поправив под спящим подушку, я не смогла отказать себе в удовольствии зарыться пальцами в его кудри. Красавец, просто рысак арлейский среди прочих. Захотелось целоваться, но я себе запретила. Нехорошо, будто над беспомощным куражиться. После, не выдержав, чмокнула расслабленные губы.

Быстрее, пока мне еще чего-нибудь эдакое в голову не взбрело.

Я улеглась рядом с Иваном, на ту же подушку. Раньше мне такого делать не приходилось. Ну то есть с мужчиной и с чародеем, потому что Маняша — ни тот ни другой.

Чуть повернув голову, я вдохнула из коробочки остатки порошка.

— Серафима?

Иван Иванович сидел на скамейке в окружении розовых кустов и смотрел на меня странными разноцветными глазами. Левый был серым, а правый — сочного аквамаринового оттенка.

— Не сердись, — сразу попросила я, молитвенно сложив руки.

Платьице на мне было серебряным, туфельки хрустальными, все как люблю. Обнаженные плечи мягко ласкал лунный свет.

— И не собирался. — Чародей поднялся и шагнул мне навстречу. — Куда ты меня затащила?

— Идем, я все тебе покажу.

Я повела его по тропинке, усыпанной золотым песком, по ступеням прозрачного кварца, по малахитовым полам. В центральной зале стоял огромный накрытый стол.

— Еда? — недоверчиво спросил Зорин.

— Я раньше дородна была слишком. — Хорошо, что во сне можно было не краснеть от смущения. — Лекари заграничные сказывали, что я потерю матушки заедаю, ну как бы пустоту заполнить стремлюсь. Но я и до того отсутствием аппетита не страдала. Дразнили меня в пансионе нещадно, всякими словами поносили. Вот я эту залу себе и обустроила. От сонных яств не потолстеешь.

— Но и вкуса не ощутишь?

— Попробуй. — Я отщипнула от грозди виноградинку и положила ему в рот.

— Сладко...

— То-то же. И пирожок на вкус от настоящего не отличается, и жаркое, и крем-брюле всяческое. Бывало, после целого дня в классе, после ужина из трех фасолин... Нас в пансионе впроголодь держали для худобы аристократической. Так вот, придешь сюда и лопаешь от пуза, пока не надоест.

— А потом?

— Библиотека здесь еще. — Это звучало немного хвастливо. — В пансионе нужных книг дожидаться приходилось, потому как очередь, а здесь... Ты покушать сперва желаешь или сразу в библиотеку для беседы пойдем?

— Не голоден, — отрезал чародей. — И спальня у тебя здесь имеется, чтобы мужчин в реальности не дожидаться?

Я, честно говоря, думала, что он начнет многоярусной огромной библиотеке восторги выказывать, на пороге которой мы как раз очутились. Поэтому вопрос меня застал врасплох.

— Какой вздор. Десятилетней девочке думать больше не о чем, только о кавалерах.

— Десятилетней?

— Ну пусть постарше. Мне уже четырнадцать исполнилось, когда я последний раз здесь была.

— Прелестный для познаний возраст!

Наконец до меня смысл его вопросов стал доходить. Я искренне рассмеялась:

— Иван, ты первый и единственный мужчина, которого я сюда пригласила. Не ревнуй.

Широким жестом я указала гостю на кресло у камина, заняла соседнее.

— Ты не приглашала, значит, кто-то без спросу являлся?

— Сыскарь ты, Зорин, и повадка у тебя сыскарская. Потерпи, все по порядку обскажу.

Я шелкнула пальцами, в камине вспыхнул огонь, дровяной дым завис в воздухе, собираясь в сферу.

— Мою матушку звали Полина. — На молочно-белой поверхности сферы появилось тонкое женское лицо.

— Красавица.

— Да, жаль, что я в батюшку видом пошла. Полина Бобынина. Она умерла, когда мне исполнилось девять. Умерла у меня на руках в скорбном доме, где долгие годы угасала.

Картинка изменилась. Лицо постарело и осунулось.

— Она была чародейкой? С силой не совладала и от того разума лишилась?

— Именно что чародейкой, не чародеем. Ты же знаешь, как в нашей отчизне к магически одаренным женщинам относятся?

— Никак. Потому что их нет, почитай. Одна на сотни тысяч.

— Зорин, я не собираюсь с тобою политику обсуждать. Матушка была той самой «одной из», но так как дар ее в отрочестве не распознали, прочие воспринимали ее дурочкой не от мира сего.

— Она предвещала, мне сказывали.

— И это тоже, а еще лечила, заставляла взглядом двигаться разные предметы и могла разговаривать с мертвыми.

— Как ваш фамильный пропозит Бобыня?

— И это разузнал? — Я хмыкнула. — Пожалуй что да.

— Ты поэтому своего дара не желаешь? Покойников боишься?

— Погоди, к этому подойдем. Когда мои родители поженились да на свет появилась я, батюшка, мужчина хоть и берендийский, но взглядов самых передовых, предложил супруге учиться. Исходники-то замечательные, а чародей в семействе завсегда пригождается. Итак, маман отправилась под крылышко некоего маэстро Локотье, в его сновидческую школу.

— Во Францию?

— В Наполи, но это не важно, у него постоянной резиденции нет. Больше никто Полину Абызову не видел, по крайней мере то, что вернули безутешному супругу, скорее походило на пустую оболочку. Маэстро Локотье объяснил, что ученица не справилась с нагрузками, что так бывает, особенно со слабым полом, что ему очень жаль и что он подождет несколько лет, прежде чем приступить к раскрытию талантов юной Серафимы.

— Погоди, но в Берендии сновидцы запрещены.

— Именно поэтому папенька не мог дать делу официальный ход. Он мог лишь оградить меня от посягательств поганого лоскутника.

— Кого?

— Локотье — это тряпичник по-французски, или лоскутник.

— И тогда твой отец...

— Я младенцем была, он просто принялся ждать, не начнет ли во мне магия проявляться. До сих пор его внимательный взгляд помню. А мне так не хотелось папеньку тревожить, что скрываться стала. Просят меня руны посмотреть, а я только несколько первых называю. Так же и в пансионе на школьной проверке поступила. Без магии, Ванечка, жизнь гораздо проще.

— Особенно когда она у тебя все-таки есть, — улыбнулся Зорин, охватывая взглядом библиотеку.

— Маэстро нашел меня здесь. — Я поежилась воспоминаниям, сфера показывала фигуры в балахонах, страшные маски. — Их, лоскутников, адептов то есть, десятков несколько в мой сон набилось. Локотье орал, что отца изничтожит, орал, что батюшкиными стараниями пять лет уже в

подземной тюрьме гниет.

— Так, значит, господин Абызов без последствий дела все же не оставил? Отомстил?

— Мне от этой мысли на душе тепло, — призналась я.

— Он вред тебе причинил, сновидец этот?

— Испугал только. Не знаю, как бежать удалось. Пробудилась в дортуаре, вещи собрала и в церковь школьную отправилась. Там четыре дня и три ночи сидела без сна, пока папенька не приехал. А потом чародей Ансельмус сказал, что я для сновидцев как маяк во тьме сияю, и наложил на меня запирающий аркан. Но сновидчество ведь не от силы чародейской происходит, оно от нее только питается. И тогда появилась Маняша, ведьма, которая каждую ночь принялась сны мои забирать, потому что ведьмы забирать мастерицы.

— Ты сновидица? — уточнил Зорин, будто делая пометки в блокноте. — И покойников не боишься?

— Я ничего не боюсь, только батюшку подвести опасаясь.

— Понятно. — Он покачался в кресле, поскрипел. — Эта часть истории сложилась без зазоров. Приступай ко второй. Князь Кошкин?

Я вздохнула:

— За горами житье стало привольное. Маняша меня опекала. Мы жили в глуши, на лесной заимке, чисто отшельницы. Книжки батюшка присылал в несколько месяцев раз, так что скучно не было. Но, ежели по чести, иногда скучала, особенно когда Маняша в сердитом настроении пребывала. По округе я повадилась шастать. Ну однажды наткнулась на настоящего отшельника, святого старца Онуфрия. Хороший дед, душевный, разговорил он меня однажды, а выслушав, сказал, что есть один способ моей беде помочь, что про тот способ в древних писаниях вычитал. «Надо тебе, Серафимадитя, пред алтарем с царедворцем сочетаться, да не с простым, а тем, чья душа во служение императору положена». То есть, понимаешь, слова «аффирмация» старец Онуфрий не ведал, это я уже потом, через день, в книжках своих покопавшись, название ему принесла. Старец обещал, что в момент венчания моя магия потечет к супругу, а от него — к его величеству и там упадет каплей в море, потому что у Берендия Четырнадцатого ее и без того видимо-невидимо. А без силы, питающей дар, от сновидчества моего безумия не произойдет, разве что кошмаром каким с благоверным поделюсь, и то если на одной подушке спать будем.

— Ты с отцом советовалась?

— Старец не велел, сказал, что во всем свете только несколько человек осведомлены про эти тонкости, а распространять их дальше для отечества опасно. Ну как лиходеи чужеземные прознают да вздумают на его величество через приближенных воздействовать? Ну и батюшке сюрприз хотелось сделать. Против зятя роду княжеского он не возражал, когда я намекнула, что замуж захотелось.

— Можешь этого отшельника показать? — вдруг спросил Зорин.

Я кивнула, в сфере возник бородатый старец в клобуке.

— Так-так-так...

— Чего «такаешь»?

— Не важно. — Иван потянул меня за руку и пересадил из кресла к себе на колени. — Все-таки ты немножко блаженная, Серафима. Буди меня, время до утра можно с пользой провести.

И жарким поцелуем намекнул, какого рода польза имеется в виду.

— Погоди. — Я отстранилась. — Ежели ты старца Онуфрия подозреваешь, он абсолютно точно ни при чем. Не готовил он покушений на венценосную особу, ему знать, что его величество моей силы не сдюжит, было неоткуда. И малахит... Иван, вы там в своем сыске чисто дети. Добыча минеральная отдельными старателями ведется, за лицензии никто сражаться не будет, это мелко для солидного предпринимателя.

— Серафима! — Его строгий тон не вязался с фривольностью позы. — Поясни!

— Ты из вас троих самый красивый, — пояснила я. — Ни Семен Аристархович Крестовский, ни Эльдар, не знаю как по батюшке, Мамаев, мне по сердцу не пришлись.

— Давидович, — пробормотал Иван. — Эльдар Давидович. Но тебя там не могло быть, когда я с друзьями связывался. Я защиту на все входы-выходы наложил.

— Ледяную такую? Я ее расколотила, Гавр даже испугаться не успел. — Ошеломление на лице Ивана нравилось мне чрезвычайно. — Иванушка ты, дурачок. Думаешь, отчего сновидческие практики в отечестве запрещены? Оттого, что мы внутрь любого чародейского пространства пробираться способны, потому что оно со снами сходство имеет. А ежели сможем и в реальное место забрести, тут нас, наверное, на всем белом свете запретят.

Зорин смотрел на меня своими разноцветными глазами, молчал, и расшифровать его молчание у меня не получалось. «Просыпаться пора, — решила я. — Мне еще продолжение ночи обещали, а я обещание стрелую, так не оставлю».

Чародей не шевелился, я заметила, что он и не моргает даже. Мне стало трудно дышать, сдавило плечи. Я попыталась позвать Ивана, но лишь хрипло закашлялась.

От кашля проснулась. Перед глазами темнота, в носу пыль, тело сжато со всех сторон, ритмичные покачивания.

Меня предположительно несут, как тюк в пыльной обмотке. Живот встретился с чем-то твердым, покачивания стали резче.

Перекинули через седло, теперь везут.

Я попыталась задремать, чтоб через сон позвать Зорина, но от духоты и тряски ничего не получилось. Покричала: «Помогите!», с тем же эффектом.

Босые пятки оевало холодным ветром и окропляло холодным дождем. Холодно!

Я чихнула, от чиха вдохнула пыль, закашлялась, чихнула...

Кто бы меня ни похитил, клянусь, мало ему не покажется. Не будь я папина дочка Серафима Абызова!

Меня сняли с седла, две пары рук понесли, судя по движениям, вверх по лестнице. Пяткам стало теплее, вдалеке музицировали на фортепьяно, где-то заливисто хохотала женщина, хлопнула дверь.

— Подготовьте вашу госпожу, — властно проговорил незнакомый мужской голос.

Меня поставили, опять хлопнула дверь.

— Барышня!

Рывок, падение, я лежала на своем прикроватном коврик отнюдь не в своей спальне. Из моего тут были еще обе Марты и сонный кот Гавр, не спящий, а, напротив, пытающийся снять зубами перевязку со спины.

— Пылищу развели, — накинулась я на горничных, потому что не выплеснуть хоть на кого-то раздражения не могла. — Чуть не задохнулась, пока меня сюда тащили! Так-то вы прибираетесь?

— Это не наш коврик! — всплеснула пухлыми руками девица Фюллинг. — Христом-Богом, барышня!

— У нашего розы песочного оттенку, а эти шафранные, — поддержала товарку девица Царт.

Значит, заворачивали меня в зоринский ковер. Это у него плохо прибираются, не у меня. Какое, пропади оно пропадом, облегчение!

— Авр-р-р, — велел Гавр, и я послушно взяла его на руки.

— Тебя то за какие грехи? И, главное, кто?

— Ав-р, — пожаловался страдалец.

— Марта?

— Не знаем, барышня. За полночь уже было, влезли в окно четверо...

— В черных масках...

— С кинжалами...

— Да хоть с катапультами, — перебила я начинающуюся групповую истерику. — И хоть семь десятков. Залезли, а вы чего?

— А мы ничего, ну то есть ничегошеньки не успели. — Марта-худышка нервно всхлипнула. — Кляп в рот, лезвие к шее. Где барышня, спрашивают. Я говорю...

— С кляпом?

— Нет, кляп потом засунули. Но я так перепугалась, что даже не подумала кричать.

— Они же, мерзавцы, хорошо к посещению приготовились. — Марта-толстушка воспользовалась паузой в монологе товарки. — Даже Гаврюшеньку-страдальца в принесенную птичью клетку моментально определили.

Клетка валялась на боку у расписной яматайской ширмы.

— Мы, барышня, ничего им не сказали.

— Ну, это не от верности, а от незнания. — Честность девицы Фюллиг была располагающая, но неуместна.

— Тогда они апартаменты обыскивать принялись. Наталья Наумовна только вскрикнуть успела...

— Натали пострадала?

— Мы не видели, слышали только возглас, потом звук удара, ну и, когда нас уже прочь вели, двери в ее спальню были приоткрыты.

— Великолепно. — Я обошла клетку, уселась в кресло, подозвала Гавра, чтоб на коленях сидел. — Глаза завязывали?

— Ничего такого, — девушки и себе присели, рядом на разоренную постель. — На конях везли.

— А копыта у коней тряпками обмотаны, чтоб, значит, не цокали по дорожкам.

— Привезли, стало быть...

— А старший их, еще у отеля, сказал, вперед поспешайте, нашлась купчиха...

— Вы, барышня, то есть. Такое, доложу вам, неуважение...

— Привезли да тут заперли, сказали, хозяйку ждать.

— Тут, это где?

— В спальне? — Толстушка неуверенно оглядела обстановку.

— Ты, Марта, недалекая какая-то, — фыркнула худышка, — барышне другое интересно. На вилле мы, Серафима Карповна, у его сиятельства в заточении. Всадники поплутали в холмах, но дом-то ни с чем не попутаешь.

Девушки замолчали, вопросов я больше не задавала, почесывала Гавра за ухом, размышляла. Это скандал. От похищения мне до смерти не отмыться. Один выход, быстренько с князем венчаться. Тогда, может, и обойдется. А чего? Любовь неземная не только скороспелый брак спишет.

Замуж не хотелось. Не то чтоб абсолютно, а вот именно в этот конкретный замуж. И дело даже не в опасениях за жизнь августейшего монарха, монархом больше, монархом меньше, где Берендий Четырнадцатый, там и Пятнадцатый...

Я опасливо покосилась по сторонам, не углядел ли кто в выражении моего лица мысленную крамолу, и на всякий случай смутьянские мысли думать перестала.

Гаврюша урчал, я полюбовалась пальцами своих ног, повозилась ими в густом ворсе ковра, оставляя полоски.

Горничные, потупившись, тоже смотрели на пол.

— Этот с противным голосом сказал: «Подготовьте вашу госпожу». К чему именно?

— Ванну помочь принять, — подняла лицо девица Фюллиг, — и в платье облачиться.

Ростовый манекен с нарядом стоял в оконной нише. Алый атлас в пене алых же кружев.

— Ванну мы пропустим, — решила я. — И тряпки свои пусть сам носит. Чулки мне найдите и обуться.

Я переложила Гавра в кресло, сама подошла к двери, повернула ручку, убедилась, что заперто и заколотила кулаком в створку:

— Требую немедленной встречи с князем! Вы не имеете права держать меня здесь в заточении!

— Мы стучать пробовали, — сказала одна из Март. — И окошко осмотрели, там решетка, не поломаешь.

— Вы бы все же облачились, барышня, — сказала другая. — Ваш туалет оставляет желать...

Я взглянула на алые чулки и алые же туфельки, которые горничные разложили на кровати и решила, что в сочетании с моим измятым платьем, смотреться они будут даже хуже, чем босые ноги.

— А в ванну все равно не полезу.

— Как пожелаете, тем более что вода, наверное, успела остыть.

Платье оказалось впору, крой подчеркивал все обильные выпуклости, насыщенный цвет, вопреки ожиданиям, не делал наряд ни вычурным, ни вульгарным.

Из дюжины шпилек — прочие я растеряла во время ночных приключений, поддержку для прически соорудить не получалось.

— С распущенными волосами даже эффектнее, — решили девицы, подведя меня к настенному зеркалу.

«Бим-бом! — где-то за стеной отбивали часы. — Бим-бом, бим-бом, бим-бом».

Четыре, скоро рассвет.

Я посмотрела в окно, на далекий морской пейзаж, расчерченный клеточками решетки.

Как там мой Зорин? Сможет ли сам пробудиться? Он же к Маняшиным зельям непривычный.

— Что делать прикажете? — Девица Царт стояла у двери. — Постучать?

— Сесть прикажу и ждать. Нечего нам прекрасных пленниц разыгрывать. Пусть тюремщики сами к нам идут. — Я кивнула на кровать. — Обо мне, как бы дело ни повернулось, не заботьтесь. Только случай представится — бегите.

— А как же вы, барышня?

— Я, в отличие от вас, ни поруганию, ни обиде тут не подвергнусь, — ответила я с уверенностью, которой не ощущала.

От холода перехватило дыхание. Зорин ахнул, открыл глаза, почувствовал, как вода стекает за ворот.

— Простите, — пролепетала Наталья Наумовна и поставила умывальный кувшин на столик. — Но я не могла иначе вас разбудить.

— Что... — Он сел, прижал ладони к гудящей голове. — Сколько времени?

— Шестой час. — Барышня Бобынина ежилась, кутаясь в кружевной пеньюар. — И если бы не обстоятельства... Иван, катастрофа! Я ранена! Фимочка похищена!

Зорин посмотрел на свою подушку, стер с лица остатки порошка.

— Ужасные люди! — продолжала Натали. — Они ворвались в спальню, в спальню честной девушки! Я лишилась чувств, пришла в себя буквально несколько минут назад. В покоях Фимочки разгром... Я боялась звать на помощь. У вас тоже...

Зорин посмотрел на перевернутый стул, на темный квадрат пола, где раньше лежал ковер.

— Иван! — Натали распахнула пеньюар и бросилась в его объятия. — Мне страшно, Иван!

Иван Иванович барышню отодвинул, пеньюар запахнул, похлопал ее по костлявому плечу:

— Ну, ну, полноте, дражайшая Наталья Наумовна. — Голова начинала работать, будто разгоняясь. — Вы ранены?

— В самое сердце!

От демонстрации сердца Зорин отвернулся, покачиваясь подошел к столику, выпил из умывального кувшина остатки воды.

— Вынужден откланяться, госпожа Бобынина. Вы, случайно, не осведомлены, кем именно похищена ваша кузина и куда ее...

— Осведомлена? — взвизгнула Натали. — Что значит, осведомлена? Тут семи пядей во лбу быть не надо, чтоб понять, что недалекую Фимочку похитил предмет ее легкомысленного флирта! Я говорила ей, говорила опасаться! Князь Кошкин! Это скандал! Разрушена не только ее репутация, пострадала и моя.

Иван Иванович девицу Бобынину не слушал. Он уже шагнул вниз по лестнице, но Наталья Наумовна не отставала, бежала следом. Как была, в ночном наряде и пантолетах с помпончиками.

— Я разыщу Серафиму Карповну, — пообещал Зорин у нижней ступеньки. — Вернитесь в апартаменты и ждите вестей.

— Нет, я пойду с вами! Подождите минуточку, я оденусь!

Ждать он не стал, настойчивая барышня Бобынина, успевшая облачиться в кокетливую амазонку, нагнала его у конюшни.

— Боюсь, что неуверенно держусь в седле, — начала она, едва отдышавшись, — но...

Продолжение унес ветер. Зорин пришпорил лошадь и галопом понесся к вилле «Морская роза», если перевести ее название с сарматского диалекта, к резиденции сиятельного князя Кошкина.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ,

в коей князь являет силу, Иван — быстроту, но в игру вступает канцлер

Увидеть во сне себя на острове, окруженном чистой водой, к приятному путешествию и успешному предпринимательству. Женщинам подобный сон сулит счастливое скорое замужество. Безжизненный остров предвещает потерю счастья и благосостояния через пристрастие к спиртным напиткам.

Увидеть людей на острове — предупреждение о грядущей борьбе за право занять в обществе более высокое положение.

Увидеть о. Руян, как реальный, так и сказочный, — означает обретение покоя, свободы и заслуженной благодарности после многих усилий и тревог.

Долго скучать не пришлось. В половине пятого, часы в соседней комнате отбили получас, дверь открылась и вошел ротмистр Сухов.

— Госпожа Абызова, извольте идти со мной.

Решив, что силы на адъютанта тратить не стоит, я проследовала за ним без возражений.

Мы миновали анфиладу второго этажа, носящую следы ночного разгула — пустые бутылки из-под шампанского, карнавальные маски, сугробы конфетти, спустились по лестнице, через перила которой был перекинут дамский шелковый чулок.

— Ав-р...

Опустив взгляд, я улыбнулась Гавру. И здесь меня не оставляет, разбойник. Адъютант, тоже заметив кота, шикнул на него, топнул ногою.

— Оставьте, Павел Андреевич, — сказала я сухо. — Если бы ваш начальник не желал присутствия моего питомца, клетки для транспортировки вы бы не захватили.

Ротмистр гаденько хмыкнул:

— Экая вы, Серафима Карповна, рассудительная.

С преувеличенным интересом я разглядывала его расцарапанный нос, чтоб не встречаться взглядом, и выдерживала паузу.

— Направо, — сообщил Сухов, — вас ожидают в библиотеке.

В означенной комнате был князь Кошкин, дюжина напольных ваз с розами оттенков от белоснежных до чернобордовых, сервированный к завтраку стол, жарко пылающий камин в половину стены, не было там только книг.

— Серафима, корсарка моя! — Князь шагнул, широко раскинув руки, будто готовясь заключить меня в объятия.

— Сидеть, — скомандовала я зарычавшему было Гавру и исполнила реверанс. — Невыразимо счастлива нашей встречей, ваше сиятельство.

Князь был пьян, оттого, видимо, команду «сидеть» принял на свой счет, уронил руки, присел в кресло, опомнившись, поднялся.

По широкой дуге я обошла стол, задержала взгляд на этикетке томящейся в ледяном ведерке бутылки шампанского, подождала, пока ротмистр отодвинет мне стул и села.

— Прочь, — велел князь адъютанту, занимая место подле меня. — Желаете шампанского, Серафима?

— Кофе, если позволите.

Не чинясь, я положила на тарелку кусочек омлета, прибавила золотистый хлебец, ломтик ветчины, салатный лист. Полюбовавшись сим натюрмортом, намазала хлебец маслом, а ветчину горчицей.

— Приятного аппетита, — промолвила карамельно и приступила к завтраку.

Князь наблюдал за мною, прихлебывая шампанское. Эдак его развезет совсем в лоскуты, с устатку-то. Но это хорошо, даже замечательно.

Гаврюша ворочался под столом, поэтому второй кусочек ветчины я неловко сдвинула с тарелки, и он, судя по чавкающим звукам, пола достичь не успел.

Закончив с омлетом, я попросила еще кофе, прихотливо украсила фруктовый салат сливками и вооружилась десертной вилкой.

— Женщины с хорошим аппетитом, — наконец промолвил князь, — встречаются в нашей империи нечасто.

Я улыбнулась и попросила еще кофе, который пить не стала, рассудив, что, пожалуй, лопну.

Жарко в комнате было, как в бане, и так же душно.

— Вы ни о чем не хотите спросить меня, Серафима?

Отложив вилку, я молча пожала плечами.

— Неужели вам не любопытно, зачем я похитил вас, отчего вся эта таинственность? — Лицо князя подергивалось, будто от обуревающих, но скрываемых чувств. — Вы так необычайно холодны! Любая другая на вашем месте закатила бы истерику, вопила бы о поруганной чести и невинности, но вы...

— Я все еще надеюсь уладить дело миром, ваше сиятельство, — спокойно сообщила я в паузе, когда князь Кошкин отвлекся на опрокидывание в себя очередного бокала шампанского.

— Каким еще миром? — Хрусталь звякнул, разбиваясь о каминную полку. — Какое еще дело?

— Романтический поступок его сиятельства нашел отклик в моем слабом девичьем сердечке, — протокольный тон словам не соответствовал, — но, к сожалению, я сердцу своему ре хозяйка. Берендийские девицы делают то, что велят им родители и дочерний долг. Мой долг, ваше сиятельство, велит мне сохранять репутацию. Прошу вас о снисхождении и благоразумии. Велите доставить меня с моими горничными за пределы ваших владений. Любопытствующим я сообщу, что совершала утреннюю прогулку. Таким образом, ни ваша, ни моя репутация не пострадает.

— К черту благоразумие!

Опьянение князя достигло той опасной для окружающих черты, когда обуревают жажда действий и пьянчужке море по колено.

— К черту репутацию! — Он продолжал бросать в камин предметы сервировки, пол вокруг стола усеяли осколки хрусталя и фарфора, остатки еды. Ах нет, еда усеивать ничего не успевала. Гаврюшино чавканье едва не перекрывало сиятельную истерику.

Да уж, Серафима, первый раунд не за тобой. Но это ничего, это обычно. Где это видано, чтоб купцы после первого же предложения по рукам били? Сейчас он выдохнется и свою цену скажет.

Князь Кошкин поискал, что бы еще расколотить, перевернул ведро, схватил бутылку, в которой еще плескалось, и приложился к горлышку. Гавр аппетитно хрустел льдом.

— Я хочу вас, Серафима, — устало сказал Кошкин, бросив в камин опустевшую бутылку. — Будь вы простой романтической девицей, я сказал бы, что люблю. Но вы слишком практичны и, надеюсь, умны, чтоб верить пустым словесам. Вы нужны мне целиком, до последней вашей искорки. Только вы сможете согреть меня, заставить отступить вселенский холод и одиночество, которые сковали мою душу. Вы примете мои чувства?

— Будучи девицей практичной, позволю себе спросить: в каком качестве?

— Полюбите меня! Отдайте всю себя без остатка!

— Боюсь, ваше сиятельство, что, заняв место вашей фаворитки, я немало опечалю своего родителя. Нет, это решительно невозможно.

— Фаворитки? Серафима, я прошу вас стать моей женой.

В голове каждой девушки, получившей предложение руки и сердца, должен на этом моменте звучать свадебный марш, у меня он был похоронным.

— Анатолий, — я положила руку на рукав гусарского мундира, — обстоятельства таковы, что брак наш также немислим. Я — чародейка...

И уже произнося эти слова, я поняла, что попала в ловушку. «Я чародейка, когда мы с вами станем перед алтарем, я откажусь от чародейской силы, она хлынет через вас к его величеству. Я, знаете

ли, с детства от этой силы желаю избавиться, чтоб не обезуметь, как моя бедная матушка». Положим, на это он ответит: «Так не отказывайтесь». Это ведь так просто, правда? Только, если не отказаться, то за каким лешим мне этот сиятельный гусар сдался? Ледяные оковы его растапливать, пока он по кабакам веселится?

— Вы замолчали, Серафима.

— Простите? Ах, ваше сиятельство. — Я заплакала, просто чтоб потянуть время. — Это так неожиданно... Мое бедное сердечко не выдержит... Я лишусь чувств...

Руки князя обвили мои плечи в ожидании обморока.

— Ах, князь, позвольте мне подумать, насладиться моментом, например, до конца недели.

«Найму рыбацкую лодку. Гавр и одна из Март со мною, вторая займется организацией переезда Маняши. В Штреле сяду на поезд, телеграмму батюшке...»

— Нет, — Анатолий промокнул мои щеки носовым платком, — времени нет, мы должны обвенчаться сегодня.

— На закате? — всхлипнула я, отворачиваясь и принимая поцелуй мокрой щекой.

«На этом этаже окна без решеток, вылезу, сбегу, только меня и видели».

— Немедленно. — Он удержал мой затылок и приник к губам.

Поцелуй длился мгновение, не больше, и моей заслуги в том не было. Князь визгливо вскрикнул, отшатнулся, вскочил со стула и принялся дрыгать ногой, в которую вцепился сонный кот Гавр. По голенищу сапога текла кровь, Гаврюша успел вгрызться в голень до мяса.

— Черт! — Князь схватил с каминной полки саблю.

— Нет! — Я бросилась под лезвие, пригибаясь.

Кот шипел, Анатолий сжал его свободной рукой за пасть, дернул. Гавр стискивал челюсти, пытаясь прокусить перчатку. Я схватила ведро для льда. Занесенная сабля описала полукруг, встретилась в нижней точке с металлом, раскололась. Боль от удара пронзила плечо, уронив ведро, я заплакала уже взаправду.

— Тварь! — то ли мне, то ли Гавру проорал князь, выпуская обломок с эфесом, занес кошачье тельце над каминной полкой, стукнул об острый мраморный край, еще, и еще.

— Нет, нет, нет, — повторяла я с каждым ударом. — Нет.

— Тварь! — Князь бросил обмякшего Гавра в бушующее пламя камина, следом отправилась перчатка.

Я рыдала, Анатолий повернулся ко мне. Лицо его сиятельство было страшным и абсолютно безумным.

— Немедленно венчаться. — Он прижал к голени салфетку, чтоб остановить кровь. — Сухов, ленивая bestия, сюда!

Адъютант вбежал, будто все это время ожидал под дверью.

— Девку в часовню, — велел князь. — Священник на месте?

— Так точно.

— Свидетели ждут?

— Да.

По комнате распространялся отвратительный запах паленой шерсти и горелого мяса. Меня замутило.

— У нас минут сорок всего до прибытия парохода. Вели священнику как можно быстрее обряд проводить.

Он легко перехватил мою руку и заставил разжать пальцы, фруктовый нож упал, воткнувшись в паркет по рукоять.

— Огненная девка, — сказал его сиятельство с ласковостью, от которой хотелось в ужасе заорать. —

Жена будешь, шелковая станешь, огненная Серафима.

Волок меня Сухов, князь хромал следом, описывая подробно, что и как именно он будет со мною делать еще до обеда.

— Слышь, живодер, — спросила я, когда он на минуточку умолк, — а почему в твоих хоромах нет никого? Явно же гуляли люди. Вкусно ели, много пили. Куда все подевались? Всех в каминах пожег?

Сухов толкнул меня в узенькую арку, за нею оказались ступеньки. Я споткнулась, проехала по ним, упала на холодный земляной пол.

— Приветствуйте будущую княгиню Серафиму Кошкину, — раздалось над головой.

Я перевела взгляд от сапог князя, спускающегося по ступеням. Часовенка была забита народом. Тут было десятка полтора гусар, девицы разной степени одетости, молодые и не очень господа во фраках, я заметила даже бывшую горничную Натали, которая стояла под руку с каким-то болезненного вида старцем. Толпа оживленно скандировала «славься».

У алтаря застыл священник, молоденький, безусый. Происходящее ему явно не нравилось, но осуждающим взглядом по этому поводу он одарил почему-то меня.

— Ты не ушиблась, любимая? — развязно спросил князь.

Толпа загоготала, будто удачной шутке. Я лежала на полу, придавленная грузом стыда и бессилия.

Чьи-то руки помогли мне подняться. Я выпрямилась, с удивлением понимая, что единственной, кто проявил сострадание, оказалась Лулу.

— Спасибо.

Гризетка фыркнула, будто моя благодарность ее оскорбила и вернулась к своему старичку.

— Итак, господа, — князь жестом собственника обнял меня за плечи и повел к алтарю, — приступим без отлагательств. Вся эту ерунду про «кто против этого брака, пусть скажет сейчас или замолчит навечно», пожалуй, можно пропустить. Ведь мы все согласны?

— Да! — взревела публика радостно.

— Предположим, не все, — мужской низкий голос приглушил всеобщее ликование. — Я против этого брака.

Зорин спустился в часовню без рисовки, его лицо и движения излучали спокойную уверенность. Ротмистра Сухова, бросившегося ему наперерез, Иван свалил с ног одним резким ударом. Адъютант потянулся к ножнам, ругаясь.

— Не обнажайте здесь оружия, — вдруг ожил священник, — сие есть грех.

Князь смотрел на приближение Зорина с глумливым удивлением:

— Чародей? Чиновник? И что ты мне сделаешь, чиновник-чародей?

— Все. — Иван улыбнулся. — Я сделаю все любому, кто попытается причинить вред этой женщине.

Кошкин, прижав меня к боку, заглянул в лицо:

— Про твоего, любезная почти жenuшка, защитника, говорят, что-де силен он в чародействах. Проверим? Я-то почти уверен, что он в состоянии весь остров с землей сровнять, ежели припечет. Мои рубаки, — свободной рукой он показал на гусар, — ему тоже всенепременно кровь пустят. А дальше что? Я — князь Кошкин, мой род старинный, боярский. Думаешь, твоему чиновнику причинение вреда моей сиятельной особе с рук сойдет? На каторгу отправится в кандалах да без дара.

Пока князь говорил, в часовне царила почтительная тишина. Меня трясло, как на морозе, даже зубы стучали. От мысли, какие страдания от этого живодера может претерпеть Ванечка, хотелось орать.

Все кончено. Просто все. Все планы, все мечты пошли прахом. Меня лишают даже обычного женского счастья, возможности быть любимой и любить.

Лица перед глазами смешались пестрой сумятицей.

Ваня! А ему-то это все за что? Потому что понравилась парню смазливая купчиха? И ради этого он жизнь свою сейчас разрушает?

Холодно, матушка, отчего же так холодно?

Огоньки свечей в алтарном нефе замельтешили перед глазами, складываясь рунами. Негромкий голос достиг моего слуха:

— Серафима, жги!

Князь взвизгнул, отскочил от меня, гусарский доломан на нем тлел. Его принялись тушить, сбивая огонь, плеснули водой. Я подняла руку, с удивлением глядя на струящиеся языки пламени, посмотрела вниз. Платье будто бы исчезло, сменившись ярким чистым огнем.

— Быстрее. — Иван, почему-то не опасющийся ожогов, схватил мою ладонь. — Уходим.

Толпу расталкивать не пришлось, она опасливо расступилась. Мы взбежали по ступенькам.

— Возьмем лодку. — Иван закрыл арку входа и теперь колдовал над нею, видимо укрепляя. — В Штрей нельзя, там нас первым делом искать будут...

— У меня горничные на втором этаже заперты, боюсь, князь на них отыграется.

— Беги, только быстрее.

— Я мигом.

И понеслась, разбрызгивая вокруг искры и оставляя на паркете горелые следы. Дверь спальни рухнула головешками, стояло к ней прикоснуться.

— Барышня?

— Серафима Карповна! Что с вами?

— Не важно. — Уголком глаза я заметила свое пылающее отражение в зеркале. — Спасайтесь, милые, и прощайте.

— Черным ходом, — девица Царт потащила подругу за собой, — я дорогу знаю.

— Прощайте, барышня. Бог даст, свидимся.

Я быстро пошла в другую сторону. У подножия лестницы меня ждал Иван, я ускорила шаг, затем остановилась, заметив, как за спиной чародея открывается парадная дверь, впуская со двора рыжеволосого господина в сером фраке.

— Семен? — удивленно спросил Зорин.

За Крестовским вослед зашла уйма народу, в основном в черных казенных мундирах, и невысокий немолодой господинчик в котелке и с тростью.

— Не вздумайте драться, Иван Иванович, — приветливо проговорил господинчик. — Тем паче, мы к вам не с войною, а с миром.

Он поднял голову, увидел меня, снял шляпу:

— Имею честь знакомства с Серафимой Карповной Абызовой? Знавал вашего батюшку Карпа Силыча... — Он поморгал, потом поморщился. — Семушка, можешь с барышни это ее пламя убрать? Глаза слепит, честное слово.

Крестовский воздел руки, меня щекотнуло по плечам, затылку.

— Прекрати. — Зорин щелкнул пальцами, рука рыжего повисла плетью.

Черные мундиры ринулись к нему, но Семен жестом велел им остановиться.

— Юлий Францевич, — обратился он к господинчику, — его высокородие Зорин имеет в виду, что снятие с барышни Абызовой следствия ее пробудившейся силы может обернуться конфузом. Если позволите, это лучше делать наедине.

— Не позволю, — погрозил пальчиком Юлий Францевич всем по очереди, — а если обмануть меня попытаетесь?

Семен пожал плечами и опять воздел руку. Зорин беззвучно исчез. То есть натурально: стоял и нет

его.

Опять защекотало, я даже принялась хихикать. Ноздрей коснулся неуместный запах, будто земля после дождя. На напряженном лице Крестовского я с удивлением заметила бисеринки пота.

— Сейчас, — крикнул он.

Оглушительно хлопнуло, плечи обожгло холодом, но на ощущении задержаться не удалось, меня развернуло, зашелестела ткань, и я оказалась лицом к лицу с Иваном, завернутая в мужской шелковый халат.

— Не знаю чей, — извинился Зорин. — Первый попавшийся схватил.

Под халатом я была голой, то есть абсолютно. Наверное, поэтому пояс на мне Зорин завязал не менее чем на пять узлов.

Платье сгорело? Испугавшись, я проверила, не лишилась ли заодно волос, но они были на месте. Я теперь всю одежду сжигать буду? Тогда с нелюбимых нарядов начну.

Мы спустились по лестнице.

— Юлий Францевич Брют, — представился господинчик, — начальник тайной канцелярии.

Я молчала, рассудив, что мое имя ему и без того известно, а еще пытаюсь уловить обрывки разговора Ивана с Крестовским, происходившего шагах в четырех от меня.

— Давайте беседовать, Серафима Карповна. — Брют по-свойски взял меня под руку. — Мальчикам есть о чем без нас потолковать, вы же, голубушка, только что давнюю мужскую дружбу разрушили.

Слишком сосредоточенная на том, чтоб не поранить осколками босые ноги — мы как раз вошли в библиотеку — фразу сию я оставила без ответа.

Господин Брют разгром оглядел без удивления:

— Капризный Анатолий буйствовал? Вас-то не обидел?

— Не успел. — Я села в предложенное кресло, придерживая на коленях расплзающиеся полы халата.

— А что успел?

— Предложение руки и сердца сделать.

— Торопыга, — по-отечески усмехнулся Брют. — Куда вы его дели?

— В часовне заперла.

Канцлер позвал из коридора служаку, шепнул что-то на ухо, затем послушал, что тот ему прошепчет, обернулся ко мне:

— Наталья Бобынина вам не родственница?

— Кузина.

— Ну так отпустите ее с богом, — велел подчиненному. — И его сиятельство из плена освободите. И пусть за дверью подождет, пока позову. Никого сюда до распоряжений не впускать, у нас с барышней Абызовой важный разговор намечается.

На чиновника, которому приказы давались, я лишь раз посмотрела, больше не потребовалось.

— Не желаете поздороваться, Серафима Карповна? — веселился Брют.

— Доброго утречка, старец Онуфрий, — кивнула я. — Клобук монашеский обратно в приказ сдали? А сослуживцам похвастались, как загорскую сироту вокруг пальца обвели? Надеюсь, в этой жизни вас будут преследовать всяческие несчастья.

И расхохоталась, заметив, что чиновник, покидая комнату, скрутил кукиш от сглаза.

— Какая вы барышня жизнерадостная, — без удовольствия заметил канцлер.

Я рассеянно смотрела на догорающий в камине огонь и молчала.

— Итак, Серафима Карповна, — вздохнул Брют, — дела ваши на сей час обстоят не лучшим

образом.

Мне показалось, что горстка каминного пепла напоминает очертаниями погибшего Гавра. По лицу потекли слезы, я стерла их рукавом халата. Канцлер, видимо решивший, что рыдаю я над своей незавидной судьбой, подобрел:

— Но общими усилиями мы их поправим.

— Общими?

— Совместными. Я и вы.

— Помилуйте, Юлий Францевич, я решительно не могу представить, что именно вменяется мне в вину.

— Ну как же, драгоценная Серафима Карповна, покушение на августейшую особу. Вы ведь желали через брачный обряд на императора всю ненавистную вам чародейскую силу обрушить.

— Не желала, — я благочестиво сложила руки на груди, — все мои желания были направлены на достойное супружество с берендийским аристократом. Мы, барышни купеческие, обожаем в мужья дворян брать, особенно гусар. Силы да, не желала. Однако же приняла ее со смирением и всячески на пользу отечеству и супругу впредь направлять буду.

— Так, может, немедленно обвенчае­тесь с его сиятельством, раз желание столь непоколебимо?

— Скороспелые браки редко бывают счастливыми, — ответила я любезно. — Мы с князем Кошкиным должны сперва проверить свои чувства временем и расстоянием, годами, так сказать, и верстами.

Я возбужденно, будто в экстазе, жестикулировала, победно поглядывая на единственного зрителя.

— Bravo. — Он вяло хлопнул в ладоши. — А теперь, милая, мы рассмотрим историю под немножко другим углом. Ты с батюшкой своим — заговорщици, против самого императора злоумышлявшие. Ты отправилась на Руян князя очаровывать, в том не преуспела, поэтому господин Абызов выкрал для тебя аффирмацию, чтоб шантажом, либо колдовским принуждением принудить его сиятельство к обряду венчания.

— Экая нелепица. — Я пренебрежительно махнула рукой. — Батюшка этого не делал.

— Делал, милая, еще как делал. И свидетели в том имеются, как он девицу Гертруду Зигг, для этих целей нанимал, как через свои коммерческие общества с нею расплачивался да как та девица к тебе на остров приплыла, чтоб похищенное передать. Жаль, конечно, что она теперь свидетельствовать не сможет, она бы в тайном приказе на первом же допросе запела, хоть и танцовщица. Хотя, может, это твой батюшка ее утопить приказал, чтоб свидетелей не оставлять? Ты говоришь, что в аффирмации не нуждалась? Чушь! Его сиятельство почти что со шведской принцессой Терезией обручен, посольства наших держав уже с год переговоры об этом ведут. Князь Кошкин без шантажа на дипломатический скандал не отважился бы. Ну? Чего примолкла? Нечем крыть?

— Уложили вы меня, ваше высокопревосходительство, на обе лопатки, — я очень старалась говорить с достоинством. — Теперь можете переходить от увертюры к основной части.

— А ты смышленная, — протянул Брют, — такая молоденькая, а быстро соображаешь.

— Ваш пример показывает, что с возрастом это не проходит.

Моя рассеянность канцлеру не понравилась.

— Ты лишнего не придумывай, тебе не вывернуться никак, со всех сторон обложена.

— Мне очень льстит, что вы столько усилий на меня положили. — Я закинула ногу на ногу, забыв, что у меня халат, что под халатом... эх! Пришлось сверкать коленками, делая вид, что именно так и было задумано. — Зачем?

— Ты мне нужна. — На коленки Брют не глядел. — То есть не именно ты, а человек твоих качеств.

— Сновидец?

— Да. Я знаю, что развитие этого таланта может убить или свести с ума носителя вернее, чем прочие чародейские направления, но готов рискнуть.

— Другими рисковать приятнее, — кивнула я, опять уставившись в камин.

— Сновидчество — штука соблазнительная и очень недооцененная.

— Оно в империи под запретом.

— Тем с большим рвением ты будешь мне служить.

— Каждый день ходить по тонкой ниточке, с одной стороны от которой — безумие и смерть, а с другой — наказание и смерть?

— Да, — кивнул канцлер с восторгом. — Именно так и получают идеальные исполнители. Чем тебя иначе удержать? Деньгами не получится, ты ими с детства разбалована. Я отправлю тебя учиться. Через год либо два — с твоим умом больше не понадобится, ты вернешься в берендийскую столицу, будешь представлена ко двору...

Он вдруг запнулся и громко позвал:

— Ваше сиятельство, Анатолий Ефремович, войди!

Вошел Кошкин:

— Юлий Францевич, какими судьбами? — Долмана на князе не было, а еще не было левого уса и левой брови. — Как же я рад!

— Полноте со стариком играть, — подмигнул Брют. — Донесли ведь вам, что противный надоеда к вам на остров собрался, что утренним пароходиком прибудет? Поздно донесли, вижу, прибраться не успели, планы на ходу перекраивать пришлось.

Канцлер вдруг изменил тон:

— Барышня Абызова Серафима Карповна жалуется на насилие в вашей стороны над нею учиненное. Что на это возразите?

Кошкин сглотнул, потупился, покачал головой:

— Ничего... Нет мне оправданий, ничего, кроме безграничной любви, которую я к барышне Абызовой испытываю. Она мой месяц и солнце, мой свет в окошке, моя голубка... Ее краса неземная, добрый нрав, живость и добродетельность...

— Еще ланиты, — подсказала я, когда князь выдохся.

— И ланиты, — согласился Анатолий.

— Серафима Карповна! — Хоть Брют при посторонних перешел опять на «вы», тон его ничего хорошего не предвещал. — Вы хотели еще что-нибудь добавить?

— Ничего, — я замахала руками, — простите, продолжайте.

— Так вот... — Брют, кажется, пытался поймать ускользающую мысль. — То что там происходит, черт его совсем дерит!

Канцлер раздраженно распахнул дверь и вышел из библиотеки.

— Серафима, — повернулся ко мне князь.

— Пошел прочь, — прошипела я не хуже кошки. — Живодер, подлец, скотина.

— Тебя расстроила смерть кота? Но он ведь сам на меня напал, ты же видела!

Воспаленный взгляд Анатолия остановился на моих коленях. И, в отличие от канцлера, он перспективность открывающегося вида оценил.

— Огненная Серафима! — И волдыристая от ожогов ладонь попыталась залезть мне под подол.

— Ав-р-р, — прозвучало гулко и громко, — ав-р-р...

Мы с князем синхронно повернулись на звук. Из камина вылетело чадное облако, я, кашляя, потеряла слезившиеся глаза.

— Какого?.. — начал Анатолий, запнулся, застыл.

Из клубов дыма выступал невиданный зверь: размером с упитанного пони, полосатый, черно-белый, с шерстяными кисточками на острых ушах.

— Гаврюша? — спросила я хрипло. — Это ты, разбойник?

Князь выругался, подобрал с пола обломок сабли и выставил его перед собой.

— Ав-р, — сказал ему Гавр и еще до того, как последний гортанный звук истаял, раскинул над спиной блестящие кожистые крылья.

Анатоля будто ветром сдуло, васильковые глаза проследили княжескую ретираду, потом посмотрели на меня.

— Ав-р?

— Красавец, — кивала я радостно, повиснув на мохнатой шее. — Самый красивый в мире кот, который не кот. Как же я рада, что ты жив, разбойник... Это поэтому ты все спиной маялся, у тебя крылышки резались?

Гавр уютно по-кошачьи урчал, только от мощности издаваемых им звуков дрожали осколки, усыпавшие пол. Пока я рыдала от того, что горе отступило, питомец буднично сложил за спиной крылья и стал выуживать из мусора съедобные кусочки.

— Фу, разбойник, — ласково сказала я, — негоже чудо-зверю объедками питаться. Пойдем посмотрим, куда все подевались. А после я тебя, как полагается, покормлю.

Мы вышли из библиотеки. Служаки в черных мундирах, которых оставили охранять дверь, при виде Гавра прижались к стеночкам.

— Где Брют?

— Наружу все вышли, — ответил ближайший к нам страж. — Там коллизия образовалась...

Кивнув, я двинулась к выходу, уверенная, что Гаврюша последует за мной. Коллизия у них. У меня кот, между прочим, которого кормить надо, не до ваших мне коллизий.

— А если тебя у меня отобрать вздумают? — подумала я вслух. — Посадят в клетку да начнут билетами за посмотри торговать?

Гаврюша заворчал что-то довольно саркастичное, де «пусть только попробуют, видали мы этих отбирателей с гарниром из белых тапочек».

Я завязала на поясе шестой узел и вышла на крыльцо. Коллизия выглядела престранно и крайне многолюдно. Присутствовала во дворе толпа освобожденных из часовни, занятая приведением в чувство сомлевшего князя Кошкина. То есть его сиятельство сначала до гостей добежал, а уж после в обморок брякнулся? Ну что скажу, высокий класс. Мне учиться и учиться.

— Ты канцлера не видала? — спросила я удачно подвернувшуюся Лулу.

Та с усилием перевела взгляд с обнюхивающего ее Гавра и махнула рукой:

— Приказные туда побежали, к обрыву.

— Это туда, где спуск на пляж обустроен? — Уточнила я, припомнив самолично исполненный чертеж княжеской резиденции. — Иван Иванович с ними?

Гризетка невежливо хмыкнула:

— Арестовали вашего разлюбезного, теперь вот за собой везде таскают.

Тут ее позвали, худой старик, стоящий в стороне от прочих, прикрикнул что-то гортанное, и она умчалась.

— А еще я силу приняла, — хвасталась я по дороге Гавру, за неимением прочих слушателей. — Сама в пламя превратилась. Так что, если ума лишусь, хихикать начну или тараканов есть, особо не удивляйся.

Кот пообещал удивления не выказывать.

Приказные обнаружили у обрыва. Иван был на голову выше двоих служивых, что стояли у него по сторонам. Крестовский отирался чуть позади Брюта, канцлер же что-то довольно экспрессивно втолковывал странному одноглазому, из-под треуголки на плечи спускался водопад украшенных бусинами косиц, отвороты ботфортов доставали до щиколоток, за алым кушаком торчал кривой ятаган.

— Явилась, воришка! — закричал ряженный и, сорвав с себя треуголку, помахал мне. — Подходи, скандалить буду! Узрите гнев капитана Артемидора, смертные!

По-берендийски говорил он с чудовищным акцентом, растягивая гласные, спотыкаясь на шипящих и ставя ударения в самых нелепых местах.

С обрыва открывался вид на бухту, там на волнах покачивалась настоящая пиратская шхуна, ну то есть настоящая воображаемая пиратская шхуна, с черными парусами и потрепанным флагом с изображением мертвой головы.

Приблизившись, я присела в реверансе:

— Серафима Абызова...

— Молчи! — вскричал пират и стукнул меня по плечу треуголкой. — Женщины должны молчать, пока мужчины решают их судьбу.

Он развернулся к канцлеру:

— Видите, юноша, это мой кот! Мой! Кот Артемидора! Я желаю... Нет, я требую сатисфакции. Эта женщина должна испустить, должна...

Канцлера обращение «юноша» слегка фраппировало, он даже оперся на руку Крестовского, будто не в силах устоять на ногах.

— Фима, — негромко прозвучало у плеча. — Ты как?

Я повернула голову и прислонилась к Ивану.

— Как ты? Тебя арестовали?

Зорин отодвинулся, увлекая меня чуть в сторону, на запястьях его звякнули кандалы.

— Это ненадолго, — пожал он плечами и улыбнулся. — Хотел против князя аффирмацию использовать, да не успел.

— Если бы не ты, я бы уже стала княгиней Кошкиной и самой несчастной женщиной в мире. Хочешь, скажи сызнова: «Серафима, жги!» — и мы к лешему спалим тут всех и вся.

— Я тебя пробудил...

— Вот и возьми ответственность. — Мне пришлось схватить его за шею и привлечь к себе, чтоб не перекрикивать бушующий неподалеку скандал. — На других дев либо женщин даже глядеть с этого дня не смей.

— Дурочка, — шепнул Зорин и поцеловал меня быстро и сильно. — Маленькая загорская авантюристка.

Один из охранников многозначительно кашлянул.

— Этот ряженный кто? — спросила я Ивана, прервав поцелуй и чинно встав рядом.

— Гуннар Артемидор Свенский.

Имя мне ни о чем не говорило.

— А надо ему чего?

Тут Гаврюша, требуя внимания, боднул чародея.

— Он говорит, — Зорин кота погладил, — что ты похитила его питомца, и требует тебя к ответу призвать.

— В каком смысле похитила?

— Вытащила из его сна.

Небо неожиданно налилось серой влагой, у горизонта блеснула молния, море заволновалось, подбрасывая пиратский корабль. Я вспомнила, как лишилась чувств в руянской пещере, и, пробудившись, обнаружила рядом с собою ворчащего котенка.

— Он сновидец, что ли, этот Артемидор? Из Свении? Великий чародей?

— Великий — немножко не то слово, Серафима. Он единственный в своем роде. И теперь он желает тебя с собою в уплату долга забрать.

Звучало зловеще. Громыхнул гром, зигзаги молний расчертили горизонт, из-за него показалась целая флотилия парусных кораблей.

— Он сумасшедший? — спросила я Ивана. — Этот сновидец, который машет сейчас ятаганом перед канцлером Берендийской империи, он безумен?

— Даже если так, — ответил чародей, — он может себе это позволить.

— Никто в подлунном мире, — орал Артемидор, наскакывая на Брюта, который прятался за спиной Крестовского, — не имеет монополии на сновидцев. Мы выше политики, выше королей! Ваш император, не помню который, у вас они слишком часто меняются, подписал конвенцию! Вы, мальчишка Юлий, не имеете права презреть конвенцию!

Семен Аристархович стоял соляным столбом, прикрывая своим телом начальство.

— Ты, воришка! — Артемидор вдруг подскочил ко мне, отбросил оружие и сдвинул черную повязку, под ней обнаружился вполне обычный левый глаз, близнец правого. — Юлий говорит, ты не желаешь постигать тайны снов, а собралась замуж. За этого?

Я прикрыла Зорина так же, как Крестовский до этого — Брюта.

— Нет, нет, господин Гуннар, — подбежал канцлер. — Барышня Абызова должна сочетаться браком с берендийским князем! Все готово к бракосочетанию...

— Это правда, воришка?

— Господин Артемидор, — спокойно сказала я, — позвольте мне побеседовать с Юлием Францевичем наедине. Десяти минут нам будет достаточно.

Скомандовав Гавру ждать, я отвела канцлера за ближайший валун и предложила:

— Давайте торговаться.

— Ты хочешь предложить сделку, Серафима?

— Серафима Карповна, — поправила я, — хочу. Вы, господин канцлер, в патовой ситуации. Стоит мне укрыться под крылышком отважного пирата — и вы останетесь без сновидицы.

— И каков же выход?

— Вы освободите из-под ареста господина Зорина и снимете все против него обвинения. Также ваш гнев не коснется папеньки.

— А взамен?

— Я пройду обучение у единственного в своем роде сновидца и вернусь в Мокошь-град. Все ниточки, за которые вы намеривались дергать меня, останутся при вас: папенька и Зорин.

— Мало, — после недолгого раздумья сказал Брют. — Сначала ты обвенчаешься с князем Кошкиным, а потом можешь отправляться с ряженым свенцем.

— Много, — покачала я головой. — Тогда я отдам свои ниточки кроме вас еще и Анатолю. А вы сами будете готовы разделить бразды управления с этим...

Я поискала определение, одновременно емкое и приличное, но не нашла.

— Помолвка! — Юлий Францевич щелкнул пальцами. — Обручение придержит тебя в узде, не давая князю лишних полномочий.

И мы ударили по рукам, как купцы в конце удачной сделки.

Артемидор, которому я сообщила свое решение, поморщился, но согласился обождать. Через четверть часа на обрыве появился Анатолий с букетом цветов, ротмистр Сухов, держащий в ладони бархатную коробочку и молоденький священник. Еще через четверть часа я стала официальной невестой князя и надела на безымянный палец кольцо с продолговатым рубином.

— Теперь мы можем уходить? — недовольно спросил Артемидор, стуча деревянной ногой по камням.

Я прекрасно помнила, что раньше конечности у него были нормальные.

— Или желаешь жениха облобызать?

— Желаю, только не жениха, — пробормотала я под нос.

— Меня? — комично удивился сновидец, потом, подмигнув, топнул деревянной ногой. — Действуй, горячая девчонка, оставь на нем метку, чтоб верно ждал.

На остров опустилась тьма, не ночная, со звездами и луной, а непроглядная, густая как смола. Я приникла к Ивану, ощупала его свободные от кандалов запястья.

— Что ты делаешь? — едва слышно спросил он.

— Пытаюсь нас спасти... Дождись меня, Ванечка...

— Я тебя люблю...

Я поймала эти слова губами и растворилась в жарком и горьком поцелуе. А когда вернулся свет, стерла рукавом слезы.

Гаврюша, ткнувшись носом в Ивана, попрощался и, раскрыв крылья, полетел в сторону стоящих в бухте кораблей.

— А мы потихоньку уйдем, — шепнул Артемидор, — без эффектов и прощаний.

И мы исчезли с обрыва, с острова, из этого мира, будто нас там и не было.

Эпилог

Зима выдалась в этом году замечательная, со снегом и метелями, мороз сковал льдом широкую реку Мокошь, расписал цветочными узорами каждое городское окошко.

Евангелина Романовна подышала на приказное окошко изнутри, повозила пальчиком, чтоб протереть для себя глазок, и обозрела сквозь него окрестности.

— Иван сегодня придет?

— Не думаю, — ответил Эльдар Давидович, занятый раскладыванием пасьянса на своем письменном столе. — Он в последнее время предпочитает на воздухе работать.

— Будто некому больше в приказе за мешочниками гоняться, — хмыкнула Геля. — Что же с ним на Руяне этом приключилось, что так его изменило? И шеф...

Мамаев чертыхнулся и принялся сызнова тасовать колоду.

— Тот же самый вопрос мне давеча твоя подруга задавала. Некая шансоньетка Жозефина. Что произошло да почему изменился?

— Мне она тоже плакалась. — Геля вздохнула. — А еще, представь, что-то про вещие сны говорила. Будто три ночи подряд являлась ей некая злобная фурия и велела от Ивана Ивановича отступить.

— Представляю. — Мамаев одну за одной выкладывал карты на сукно. — Пожелаю за покинутой Жозефиной приударить, первым делом сонник подарю. А что за фурия?

— Знаешь, что странно, у меня похожие сны были. Страшала дева несколько ночей подряд. Я после специально толковник купила, чтоб узнать, к чему крылатые коты снятся.

— Коты?

— Помнишь, в жовтене на узком мосту четыре статуи поставили? Ну все газеты еще писали, неизвестный даритель, доброхот и филантроп...

— Ну помню, то есть что писали, не помню, но я по тому мосту каждый день в присутствие хожу и грифонов этих насмотрелся.

— Это не грифоны, — вздохнула Евангелина Романовна, — это коты, и именно такой кот был с девицей, которая на меня во сне ругалась.

Эльдар Давидович хохотнул, любясь сошедшимся пасьянсом.

— К переменам, Гелюшка, к скорым переменам твой сон.